

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 3 (20)
2009

Саратов

Научный журнал

Учредитель
Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина

Главный редактор – профессор **С.Ю. Наумов**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **С.Г. Сергеев**

Редакционный совет:

С.Ю. Наумов – председатель (доктор исторических наук, профессор, ректор ПАГС),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
П.Л. Ипатов (губернатор Саратовской области),
В.В. Артяков (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
В.П. Жуковский, д-р пед. наук; **Л.В. Константинова**, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, канд. юрид. наук; **О.И. Марченко**, канд. экон. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; **И.В. Ракевич**, канд. экон. наук;
А.Н. Романцов, д-р экон. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Т.П. Фокина, канд. филос. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС77-35069 от 23 января 2009 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – апрель 2008 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям «Философские науки», «Культурология», «Социологические науки», «Юридические науки», «Политические науки».

© ФГОУ ВПО «Поволжская академия
государственной службы им. П.А. Столыпина», 2009

Science journal

Founder:

Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin

Editor-in-chief: Professor **S.Yu. Naumov**
Deputy editor-in-chief: Professor **O.N. Fomin**
Executive secretary: **S.G. Sergeev**

Editorial council:

S.Yu. Naumov – Chairman (Doctor of History, Professor, Rector of PAGS),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
P.L. Ipatov (Governor of the Saratov Region),
V.V. Artiakov (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, Doctor of Philosophic Sciences; **V.V. Gerasimova**,
Doctor of Economic Sciences; **V.P. Zhukovsky**, Doctor of Pedagogic Sciences;
L.V. Konstantinova, Doctor of Sociological Sciences; **E.G. Lipatov**, Candidate
of Sciences (Jurisprudence); **O.I. Marchenko**, Candidate of Sciences (Economy);
E.V. Maslennikova, Candidate of Sciences (Sociology); **I.V. Rackevich**,
Candidate of Sciences (Economy); **A.N. Romantsov**, Doctor of Economic Sciences;
Yu.I. Tarsky, Doctor of Sociological Sciences; **T.P. Fokina**, Candidate of Sciences (Philosophy);
O.I. Tsibylevskaya, Doctor of Law Sciences; **V.L. Chepliaev**, Candidate of Sciences (Sociology);
T.I. Cherniaeva, Doctor of Sociological Sciences

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Yu.V. Kurvina
Optimization of the Subject
Structure of the Russian
Federation:
National-Territorial Aspect
of the Problem

The article deals with the questions of structural organization of federation subjects. The advantages and disadvantages of administrative-territorial and national-territorial division of federated state are shown.

Key words and word-combinations: federated state, administrative-territorial division, national-territorial division.

Статья посвящена вопросам структурной организации субъектного состава федерации. В работе рассмотрены преимущества и недостатки административно-территориального и национально-территориального деления федеративного государства.

Ключевые слова и словосочетания: федеративное государство, административно-территориальное деление государства, национально-территориальное деление государства.

УДК 341.213.4
ББК С/Ю Ф66

Ю.В. Курвина

ОПТИМИЗАЦИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НАЦИОНАЛЬНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Федеративное устройство государства позволяет оптимальным образом учитывать национальные, этнические, религиозные и иные особенности отдельно взятой страны, соединяя ее в единый целостный и в то же время многообразный организм. Субъектный состав каждой федерации имеет свои специфические черты, которые обусловлены историей становления и развития государства, способом его организации. Решение проблемы организации федеративных структур и приведение их в соответствие с этическим и национальным составом страны с давних пор волнует как отечественных, так и зарубежных ученых.

Вопрос оптимизации субъектного состава имеет принципиальное значение для развития любого федеративного государства, одна-

ко при его решении каждая федерация сталкивается с большим количеством факторов, всю совокупность которых невозможно учесть. Бесспорно, одно из самых решающих значений на формирование и развитие федеративных отношений оказывает национальный фактор. Его можно определить как совокупность национально-культурных условий, влияющих на формирование государственности. Указанный фактор проявляется в изменении характера и форм регионализации в ходе решения национального вопроса [1, с. 4].

История федерализма свидетельствует, что в некоторых странах федеративная форма государственного устройства обусловлена многонациональным составом населения. Практика федеративного строительства указывает на несостоятельность теории национально-территориального федерализма в решении этнических, религиозных и иных национальных проблем [2, с. 169]. Государства, избравшие федерацию как способ решения национального вопроса, столкнулись с разнообразными в своих проявлениях рисками. Распались ранее казавшиеся прочными СССР, Чехословакия, Югославия; межэтнические противоречия разрушили федерации в Индонезии, Южной Аравии, Йемене. В других государствах, сформированных на национальной основе, развивается кризис федерализма, сильны центробежные тенденции, набирают силу сепаратистские движения (Индия; недавно преобразованная в федерацию Бельгия). В то же время в ряде стран федерализм оказался средством решения национальных проблем, единственным способом сохранения единства государства. Яркий пример – Канада, где национально-территориальный принцип организации федерации обязывает государство тщательно выстраивать национальную политику.

Канада – одна из самых первых федераций, построенных на основе национально-территориального принципа. Необходимо отметить, что во внутренней жизни страны достаточно остро проявляются межнациональные противоречия. Однако основной задачей развития государства заявлено укрепление национального единства, толерантности к особенностям и традициям народов и народностей, населяющих федерацию. В XX в. под натиском мощных региональных экономических и политических группировок федеральный центр был вынужден неоднократно уступать часть своих полномочий региональным властям. В итоге Канада на сегодняшний день является одним из самых децентрализованных государств в мире, и этот процесс продолжается [3, с. 94].

Социологи и этнографы указывают на то, что в современный период усилилось значение национального фактора в социально-политической жизни многих стран и в целом мирового сообщества, что объясняется появлением новых процессов в данной сфере. К их числу можно отнести, во-первых, демографический кризис, обусловленный старением населения в развитых странах и быстрым ростом населения в развивающихся странах, резко изменивших их структуру населения [4, с. 134], а также растущую миграцию: жители преимущественно африканских и азиатских стран устремляются в Европу и Америку [5, с. 52–53]. Во-вторых, резко усиливаются национально-этнические противоречия. Только Европа переживает более 150 этнических конфликтов, которые подрывают стабильность государственных систем. Несомненно, национальные

отношения оказывают воздействие на государственный строй, его территориальное устройство, систему представительства в органах власти.

Как отмечает И.Г. Илишев, «национализм и стремление сохранить идентичность являются сильными факторами; и они одинаково применимы как к государствам-нациям, так и к меньшинствам» [6, с. 8]. На протяжении всей своей истории многонациональные федеративные государства вынуждены решать этнические вопросы, регулировать проблемы сецессии и самоопределения входящих в них народов.

Таким образом, национальный фактор актуализирует центробежную тенденцию, обуславливает децентрализацию большинства современных стран, порождает дестабилизационные процессы в федеративном государстве. В связи с этим в основном современные федерации организованы по административно-территориальному принципу (например, США, Германия).

Многонациональные федеративные государства, организованные в соответствии с территориальным принципом, сталкиваются также с этническими, лингвистическими, религиозными и иного рода проблемами. Так, при образовании США не был учтен этнический фактор, хотя у американцев немало этнических проблем, связанных с вопросами взаимоотношений «белых и черных, правами индейцев, статусом Пуэрто-Рико...» [7, с. 162]. Впрочем, в случае только территориальной организации государства этнические проблемы, как правило, не угрожают его национальной целостности, в отличие от федераций, организованных на началах национально-территориального принципа.

История существования многонациональных государств наглядно демонстрирует, что ни расширение информационного поля, ни единый рынок, ни рост образовательного уровня населения не ослабляют тенденции к национальной индивидуализации, стремлению народов к этнической самоидентификации [8, с. 141]. Представляется, что в многонациональном государстве при административно-территориальном принципе образования субъектов федерализм в большей мере способен обеспечить мир, однако не в каждой стране есть возможность следовать такому принципу образования федеративного государства.

Российская Федерация является смешанной федерацией. Ее структурная характеристика как федеративного государства отличается разнообразием форм составляющих федерацию образований. В состав Федерации входят как административно-территориальные образования (края, области, города федерального значения), так и национально-территориальные (республики, автономные округа, автономные области). Федеративная структура (шесть видов субъектов Федерации), усложняет процесс организации федеративных отношений, способствует развитию асимметрии субъектов, что, в свою очередь, указывает на необходимость преобразования территориальной организации федерации в России.

В настоящий момент недопустимо игнорирование этнического фактора в выстраивании федеративных отношений в России. Прежде чем отказаться от национально-территориального принципа организации федерации, необходимо выработать национальную политику государства, которая вывела бы нацио-

нальные отношения за рамки федеративных, не умаляя прав народов, населяющих Россию. Только в этом случае возможен переход к исключительно административно-территориальному делению Федерации.

При переходе к административно-территориальному устройству федерации следует учитывать особенности становления, развития и функционирования федерации в России. Исторически сложившееся этнонациональное деление государства нельзя одним решением властных структур свести к территориальному делению. Тому есть немало причин. Во-первых, практически за столетний период существования различных видов национальных автономий – пусть даже их образование было надуманным и, по сути, везде титульная нация не составляет большинства – идея национального определения прочно закрепилась в умах людей, стала частью их мировоззрения [6, с. 10]. Во-вторых, национальные меньшинства отличаются высокой степенью этнической консолидированности и не позволят ущемления прав своего народа. В-третьих, некоторые национально-территориальные образования в составе России имеют немалый экономический потенциал, который необходимо учитывать. В-четвертых, многонациональный российский народ исповедует различные религии. В-пятых, социологи и политологи призывают бдительнее относиться к решению национальных вопросов, предсказывают обострение этнических проблем в процессе переориентации глобальной политики с биполярной идеологизированной модели на полицентристскую плюралистическую [9, с. 147].

Следовательно, проблема национального устройства, стоящая перед Российским государством на протяжении не одной сотни лет, будет разрешена только при условии выработки долговременной национальной политики, направленной на самосохранение России, основанной на единении всех наций и народов, взаимном уважении и признании различных культур.

Проблема оптимизации субъектного состава Российской Федерации не ограничивается решением вопросов национального и этнического характера. В научных кругах идет активное обсуждение оптимального количества субъектов в федеративном государстве. Анализ практики федераций указывает на предел эффективности управления при более чем пятидесяти – шестидесяти субъектах федерации [10, с. 62].

В Российской Федерации на данный момент закреплены 83 субъекта; в мире (по убывающей): США – 50 штатов, Индия – 25 штатов, Бразилия – 23 штата, ФРГ – 16 земель. Очевидно, что по количеству субъектов Российская Федерация заметно превосходит наиболее крупные федеративные государства. Исследователи федерализма указывают, что многочисленность субъектов федерации усложняет государственное регулирование территориального развития, затрудняет согласование интересов регионов, распределение федеральных ресурсов для поддержки депрессивных и отсталых территорий [11, с. 214]. Несомненно, сохранение в России столь большого количества субъектов нецелесообразно ни в экономическом, ни в политическом плане.

Учитывая необходимость повышения эффективности управления государством, в 2004 г. в России был начат процесс объединения субъектов и, как следствие, сокращения их количества. Однако, на наш взгляд, укрупнение субъ-

ектов Федерации не означает автоматического решения проблемы оптимизации ее субъектного состава. Во-первых, массовое укрупнение субъектов неизбежно приведет к разрушению существующей структуры управления, потребует создания новых условий. Во-вторых, данный процесс не может снять с повестки параллельные проблемы, решение которых связано с последствиями изменения субъектного состава России (экономический дисбаланс, увеличение различий внутри самих территорий). В-третьих, процесс укрупнения субъектов Федерации справится с проблемой «пестрого» состава Российской Федерации (наличие шести разновидностей субъектов Федерации).

Необходимость реформирования федеративных отношений в России очевидна. Дальнейшее развитие и становление федеративной государственности в России невозможно без решения вопросов оптимизации субъектного состава Федерации. Укрепление российской государственности требует сокращения численности субъектов Федерации, совершенствования национально-территориальной организации.

Считаем, что для России предпочтительным окажется переход к административно-территориальному принципу построения Федерации. Однако в настоящее время данное преобразование невозможно осуществить. Несомненно, национальные, этнические, религиозные составляющие жизни общества неотделимы от государства, в то же время урегулирование данных сфер не должно отражаться на целостности и устойчивости страны в целом. Первыми шагами к преобразованию субъектного состава России будут меры по достижению национального единения и преодоление дезинтеграционных процессов. Только при умелом построении долгосрочной национальной политики возможен переход к административно-территориальному делению субъектов в России.

Библиографический список

1. *Дербенева С.А.* Современный федерализм как способ государственного устройства // Закон и право. 2004. № 11.
2. *Моммен А.* Федерализм и национальное государство // Полис. 1992. № 3.
3. *Крестьянская Е.А.* Развитие федерализма на современном этапе: опыт Канады и России // Журнал российского права. 2003. № 4.
4. *Жириков А.А.* Этнические факторы политической стабильности. М., 1995.
5. *Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С.* Экологический вызов и устойчивое развитие. М., 2000.
6. *Илишев И.Г.* Федерализм и актуальные проблемы национальной политики // Закон и право. 2004. № 7.
7. *Клайн Э.* Самоопределение наций: созидание или опасная забава? // Общественные науки и современность. 1993. № 2.
8. *Малахов В.* Вызов национальному обществу // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 2.
9. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций (отрывки из новой книги) // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 2.
10. *Иванов В.Н., Иванов А.В., Доронин А.О.* Управленческая парадигма XXI века. М., 2002. Т. 1.
11. *Селиверстов В.Е.* Укрепление вертикали власти в России и влияние этих процессов на развитие федерализма и региональной политики // Федерализм в России и Канаде: правовые и экономические аспекты: сб. материалов семинара по федерализму. М., 2004.

A.V. Martynov
Administrative Supervision
as a Function
of Public Governance:
Theoretical Justification
and Contemporary Interpretation

The author considers the functional role of administrative supervision in its correlation with the control in public governance. Particular attention is paid to the analysis of elements of the structure of administrative supervision as a function of public governance.

Key words and word-combinations: administrative supervision, control, public governance.

Рассматривается функциональная роль административного надзора в соотношении с контролем в публичном управлении. Особое внимание уделяется анализу элементов конструкции административного надзора как функции публичного управления.

Ключевые слова и словосочетания: административный надзор, контроль, публичное управление.

УДК 351.9
 ББК 67.401(2Рос)

А.В. Мартынов

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР КАК ФУНКЦИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Административный надзор включает в себя выполнение важных целей и задач публичного управления. С его помощью обеспечиваются конституционные права и свободы граждан, законные интересы индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. В большинстве случаев он направлен на обеспечение различных видов общественной безопасности и правопорядка. Целью административного надзора является также обеспечение законности и дисциплины в деятельности различных субъектов публичного управления.

Проблема интерпретации административного надзора как функции публичного управления до сих пор не получила должного внимания в науке административного права. Решение данной задачи позволит определить административный надзор как структурный элемент системы публичного управления и конкретизировать его место в системе функций управления.

Функциональная роль административного надзора в публичном управлении напрямую связана с осуществлением контроля как одной из функций управления. Сущность контроля заключается в проверке и выявлении результатов деятельности объектов управленческих отношений, которые получают оцен-

ку в зависимости от того, как исполняется управленческое решение, с целью определения отклонения управляемого объекта от заданных параметров [1, с. 240; 2, с. 199; 3, с. 163–164; 4, с. 51]. В принимаемом «разрезе» функции контроля административный надзор выступает в качестве самостоятельного специфического направления деятельности органов и должностных лиц управления.

При административном надзоре субъекты управления осуществляют проверку только по строго установленным законом вопросам, а инициирование таких действий (решений) возможно лишь в установленных нормами права случаях и в соответствующих процедурах. Следовательно, управленческий результат достигается не за счет того, что управляемый объект исполняет требования управляющего субъекта в рамках принимаемых управленческих решений и с помощью соответствующего корректирования деятельности, а в результате подтверждения наличествующего законного и безопасного режима функционирования поднадзорного объекта.

При административном надзоре, в отличие от контроля, существует возможность оценки соответствия деятельности управляемого объекта определенным требованиям норм с наличием строгих юридических санкций за их неисполнение. Следовательно, административный надзор как функция публичного управления имеет исключительную юридическую природу и сущность, тогда как контроль может осуществляться и по другим основаниям (не юридическим). Так, при контроле существует более широкая дискреция полномочий и методов управляющего воздействия, которые не всегда закрепляются в правовых нормах. Примером тому могут служить различные совещания высших должностных лиц, когда отдаются те или иные распоряжения разобраться в каком-либо вопросе, решить какую-либо проблему. При административном надзоре все распоряжения контролирующего характера должны быть заключены в определенную правовую форму и совершены с соблюдением четко установленных юридических (административных) процедур.

Таким образом, определение значимой правовой конструкции административного надзора как функции публичного управления позволит разграничить функции контроля и надзора, придав им соответствующие содержание и форму. По нашему мнению, в юридическую конструкцию административного надзора как функции публичного управления следует включать совокупность взаимосвязанных элементов, главные из которых следующие:

- 1) назначение административного надзора;
- 2) потенциальные целенаправленные возможности;
- 3) строгая процессуальная регламентация административного надзора;
- 4) оценка результатов административно-надзорной деятельности;
- 5) недопущение ухудшения результатов деятельности поднадзорного объекта и предотвращение возможных негативных последствий.

Для определения функционального значения административного надзора крайне важное значение имеет тезис, сформулированный Ю.А. Тихомировым: одним из основополагающих принципов организации органов государственного управления является возможность вхождения в «соприкосновение», в случае

необходимости, со всеми учреждениями, должностными лицами и гражданами [5, с. 92]. Главной задачей административного надзора, по сути дела, как раз и является вхождение в «соприкосновение» с управляемыми объектами для выполнения специфических целей. Контроль, в отличие от административного надзора, не имеет своей задачей осуществление такого соприкосновения, хотя оно и является содержанием контрольной деятельности.

При контроле главной задачей является проведение проверки исполнения управленческого решения (внутренний контроль) и проверки исполнения правовых установлений и поручений организационно не подчиненными субъектами контрольной деятельности (внешний контроль). При административном надзоре главное для государства, осуществляющего публичное управление, — путем непосредственного соприкосновения надзорных органов с управляемыми объектами добиться от них надлежащего поведения (например, не причинять ущерб третьим лицам) и соблюдения действующего законодательства Российской Федерации. Тем самым государством оказывается влияние, воздействие на так называемые «болевы точки» общественной жизни.

Административный надзор как правовой инструмент способствует достижению надлежащего (правомерного) поведения всех субъектов права (предприятий, учреждений, организаций, граждан) в определенной области (сфере) управления. Так, для государства, общества и граждан имеет важное значение, чтобы обеспечивались безопасность дорожного движения, экологическая и пожарная безопасность, безопасность продуктов потребления. Это возможно лишь путем правового воздействия, соприкосновения с данными объектами. Более того, выполнение указанных задач является непосредственной обязанностью государства, за неисполнение которой государство несет полную ответственность перед обществом, поскольку общество, в свою очередь, делегировало государству выполнение данных полномочий, связанных с публичным управлением.

Поэтому в теоретико-правовом смысле административный надзор имеет принципиальные отличия от контроля (государственного, судебного, парламентского, общественного), так как в его основе лежит не проверка исполнительской деятельности управляемым субъектом управляющего объекта (субъекта), а иная управленческая деятельность — по надзору над правильным (правомерным) поведением субъекта управления, чтобы этот субъект не совершал неправомерных и неблагоприятных действий, которые могут причинить вред обществу и отдельным гражданам.

Такой надзор (под ним следует понимать наблюдение и проверку) выгодно отличается от контрольной деятельности тем, что управленческая деятельность получает сосредоточение (узкую направленность) правового воздействия, которое ограничивается правовыми рамками. Значит, при административном надзоре фактически отсутствует усмотрение субъекта управления, тогда как при контроле такое усмотрение допустимо, например, при анализе деятельности подконтрольного объекта с точки зрения целесообразности. Именно поэтому государство избирает данный вид публично-правовой деятельности, выделяя в качестве самостоятельной функции публичного управления, которая, в

свою очередь, делегируется (дистанцируется) органам государственной исполнительной власти и их должностным лицам.

К потенциальным целенаправленным возможностям, как элементу юридической конструкции административного надзора, следует отнести универсальные способы (методы, приемы) этого вида деятельности, такие, как охрана и регулирование «тех объектов и ценностей, которым государство придает особое значение» [6, с. 599].

Охрана включает в себя защиту со стороны властного субъекта определенных благ, предметов, ценностей, общественных отношений. К примеру, такая функция государства, как охрана прав и свобод человека и гражданина, обеспечение правопорядка, включает в себя деятельность государства, направленную на защиту интересов личности и общества, на реальное воплощение в жизнь ст. 2 Конституции РФ, согласно которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Данное направление деятельности современного Российского государства должно быть связано с более надежным гарантированием прав и свобод человека и гражданина, с укреплением законности и правопорядка, с усилением борьбы с коррупцией, взяточничеством, беспределом криминала [7, с. 59].

Для функции же административного надзора «охрана» рассматривается не как сопутствующая функция, а как способ потенциального целенаправленного воздействия. При этом важно понимать, что правоохранительная деятельность, которая определяется охранительной функцией правовой системы и правоохранительной функцией государства, не относится к административному надзору в силу того, что последний не является ни полицейской, ни правопринудительной деятельностью государства [8, с. 103–104]. С этим утверждением следует согласиться и пояснить, что охрана, осуществляемая административным надзором, выражается лишь в потенциальной возможности наблюдения и проверки объектов, общественных отношений, связанных с обеспечением различных видов безопасности, защиты прав и свобод, законных интересов граждан и юридических лиц.

Таким образом, защита объектов методами административного надзора осуществляется путем предотвращения, ликвидации угроз объектам охраны. Следовательно, государственные органы исполнительной власти, наделенные административно-надзорными полномочиями, вправе их реализовать для охраны объектов административного надзора, то есть для предупреждения и ликвидации угроз безопасности, защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Естественно, такое право (правомочие) соотносится у субъектов административного надзора с обязанностью применить меры правовой защиты (правоохраны) в предусмотренных законом случаях.

Касаясь в контексте рассматриваемых элементов административного надзора как функции публичного управления проблем регулирования, отметим их крайне дискуссионный характер. Так, органы, осуществляющие административный надзор, не наделяются полномочием по правовому регулированию определенной сферы правоотношений. Это право принадлежит специальным государственным органам – министерствам, которые устанавливают пра-

новые нормы в данной области. Однако реализация административного надзора невозможна без «определения рамок и порядка осуществления какой-либо деятельности, поведения управляемых, так как регулирование проводится посредством всевозможных правил, выдачи разрешений, а также путем косвенного экономического и идеологического влияния на эту деятельность» [9, с. 157].

Тем самым регулирование, в том числе и правовое, фактически проводится субъектами административного надзора. Более того, осуществление правового регулирования может быть непосредственным образом возложено на федеральную службу указом Президента РФ или постановлением Правительства РФ. Таким образом, можно констатировать, что большинство административно-надзорных органов осуществляют правовое регулирование в основном путем принятия ведомственных нормативных правовых актов. При этом соблюдение поднадзорными субъектами данных актов может быть непосредственным предметом административного надзора.

Для органов и должностных лиц, осуществляющих административный надзор, характерен строго определенный процессуальный порядок деятельности. Процессуальная регламентация необходима прежде всего для признания актов административного надзора законными, а действия, совершаемые субъектами административного надзора, – правомерными. Следовательно, реализация предоставленных полномочий должна происходить в рамках соответствующих административных процедур, регламентирующих проведение тех или иных административно-надзорных мероприятий, принятие решений по результатам административного надзора и их процессуальное оформление.

Процессуальная регламентация близка по своей сущности с понятием юридического процесса. По мнению В.Д. Сорокина, процесс – это такая деятельность, с помощью которой решения органов государственной власти облачаются в предусмотренную законом юридическую форму – правовые акты, как индивидуальные, так и нормативные [10, с. 446]. В.М. Горшенев и И.Б. Шахов также считают, что процессуальная регламентация должна иметь соответствующую процессуальную форму [11, с. 63–64].

Таким образом, процессуальная регламентация административного надзора имеет форму правовых установлений, обеспечивающих выполнение задач и целей административного надзора, которые дают возможность принимать управленческие решения в виде соответствующих актов управления, отвечающим требованиям законности и обоснованности. Она позволяет выделить стадии осуществления административно-надзорной деятельности (возбуждение административно-надзорного дела, рассмотрение дела, принятие решения по делу, пересмотр решения) в рамках единого административно-надзорного производства.

Оценка результатов административно-надзорной деятельности как элемент административного надзора включает два важных компонента: свободу административного усмотрения при оценке деятельности поднадзорного объекта и корректирование параметров результатов административного надзора. Они позволяют окончательно разграничить функцию контроля и административного

надзора. Так, специалистами отмечается, что под административным усмотрением обычно понимают определенную рамками законодательства известную степень свободы органа в правовом разрешении индивидуального конкретного управленческого дела, которая предоставляется в целях принятия оптимального решения по делу [12, с. 73–74; 13, с. 14; 14, с. 203–204].

Возможность и уровень административного усмотрения являются критериями разграничения контроля и административного надзора. В одном случае оно возможно и его уровень очень высок (при контроле), а в другом оно может отсутствовать либо сводиться к формальному выбору между управленческими решениями (при административном надзоре). Административное усмотрение реализуется при оценке результатов управленческой деятельности.

Различие значений оценки результатов контрольной и административно-надзорной деятельности ярко показано Н.И. Глазуновой. Оценивая всю архаичность современного контроля, она отмечает, что основным показателем контроля является отрицательный «контрольный факт», то есть проверка соблюдения предписаний и выявление нарушений. Не вызывает сомнения и тот факт, что необходимо при оценке результатов контрольной деятельности обнаруживать позитивные «контрольные факты», то есть оценивать положительную деятельность подконтрольного объекта [15, с. 454–461]. Из этого следует крайне важный вывод: при контроле возможна свобода административного усмотрения результатов контрольной деятельности, то есть оценка как негативных, так и позитивных «контрольных фактов». Контрольная деятельность может корректироваться исходя из меняющихся управленческих процессов либо политических преобразований, что должно быть своего рода модернизацией контрольной деятельности.

При административном надзоре, напротив, свобода усмотрения и корректирование параметров оценки результатов надзорной деятельности не допускаются. Органы государственной власти и должностные лица не наделяются государством правом для свободного (дискретного) осуществления своих полномочий. Параметры оценки результатов административно-надзорной деятельности четко определены в законе, тем самым отклонения от них не возможно.

Для субъекта административного надзора важно определить, соответствует ли деятельность поднадзорного объекта тем параметрам, которые указаны в законе, либо не соответствует, например с точки зрения безопасности. Поэтому параметры оценки результатов административного надзора всегда уже, чем государственного контроля, но это связано не с узким (профилирующим) предметом надзорной деятельности, а с тем, что эта деятельность имеет четкую нормативную регламентацию, характеризующуюся исключительной императивностью. Следовательно, при всем желании вряд ли можно отнести позитивные «контрольные факты» к параметрам оценки результатов административного надзора, что, естественно, возможно при оценке результатов контроля.

Недопущение ухудшения результатов деятельности поднадзорного объекта и предотвращение возможных негативных последствий как отдельная и очень

значимая задача административного надзора отдельным элементом входит в содержание его функции. Данное требование означает, что в случае выявления нарушений требований правил и норм, с целью недопущения их дальнейшего нарушения, а также для предотвращения последствий, которые могут наступить в результате данных нарушений, органы административного надзора принимают меры профилактического, ограничительного, предупредительного характера. В этом случае могут применяться меры процессуального обеспечения по делам об административных правонарушениях – такие, например, как временный запрет деятельности, а также иные меры принудительного характера, в частности приостановление действия лицензии, отмена разрешения на производство работ и подобные.

Рассмотрев элементы административного надзора как функции публичного управления, необходимо сформулировать дефиницию этого сложного административно-правового явления.

Под функцией административного надзора необходимо понимать наиболее общее, универсальное направление деятельности органов государственной власти и их должностных лиц, заключающееся в непрерывном (постоянном) воздействии (влиянии, соприкосновении) на объекты управления (объекты административного надзора) с целью охраны и регулирования основных объектов правовой защиты (предмета административного надзора). Данная функция имеет жесткую административно-правовую регламентацию, результатом которой является оценка соответствия деятельности управляемого объекта (объектов административного надзора) заданным нормативно-правовыми актами параметрам, а в предусмотренных законом случаях – реагирование с целью недопущения ухудшения результатов деятельности поднадзорного объекта и предотвращения возможных негативных последствий.

Библиографический список

1. *Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом. М., 1973.
2. *Старосьцяк Е.* Элементы науки управления. М., 1965.
3. *Основин В.С.* Основы науки социального управления. Воронеж, 1971.
4. *Петров Г.И.* Основы советского социального управления. Л., 1974.
5. *Тихомиров Ю.А.* Власть и управление в социалистическом обществе. М., 1968.
6. *Бельский К.С.* Полицейское право: лекционный курс / под ред. А.В. Куракина. М., 2004.
7. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и право: учебник. М., 2009.
8. *Аврутин Ю.Е., Кикоть В.Я., Сыдорук И.И.* Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации: теоретическое административно-правовое исследование. М., 2003.
9. *Лазарев Б.М.* Государственное управление на этапе перестройки. М., 1988.
10. *Сорокин В.Д.* Избранные труды. СПб., 2005.
11. *Горшенев В.М., Шахов И.Б.* Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987.
12. *Корнев А.П.* Нормы административного права и их применение. М., 1978.
13. *Юсупов В.А.* Правоприменительная деятельность органов управления. М., 1979.
14. *Тихомиров Ю.А.* Административное право и процесс: полный курс. М., 2008.
15. *Глазунова Н.И.* Государственное и муниципальное (административное) управление: учебник. М., 2008.

M.P. Tunik
Social Management:
Theoretical Approaches
and Possibilities of Application
in the Field of Anti-Crisis Public
Administration

The article deals with social management in the field of anti-crisis public administration. Problems of efficient realization of public administration potential in the modern Russian society are considered.

Key words and word-combinations: social management, anti-crisis public administration, efficiency, potential, modern Russian society.

Актуализируется социальный менеджмент в сфере антикризисного государственного управления. Рассматриваются проблемы эффективности реализации его потенциала в условиях современного российского общества.

Ключевые слова и словосочетания: социальный менеджмент, антикризисное государственное управление, эффективность, потенциал, современное российское общество.

УДК 005.3.:354
 ББК 6082:66.3(0),123

М.П. Туник

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В СФЕРЕ АНТИКРИЗИСНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В условиях современного глобального экономического кризиса появляются многочисленные нестабильные состояния общества, актуализируется проблема структурно-функциональной неопределенности социально-экономических систем, возникают различные социальные проблемы. На локальном уровне кризисные ситуации требуют социальной консолидации и мобилизации, перераспределения управленческой воли и ответственности в рамках антикризисных стратегий государственного управления социальными процессами.

Значительные изменения, произошедшие в системе распределения мирового и национального производства и потребления в конце второго тысячелетия, связаны именно с «точками роста» национальных экономик, проявившимися в результате успешного применения антикризисных стратегий государственного управления. Это подтверждают примеры послевоенной Японии и Германии, а также Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура. Чем бы ни объясняли в последующем чудеса экономического роста этих стран – корпоративным духом, мобилизацией нации, дешевизной рабочей силы или богатством природных ресурсов (например, в Арабских Эмиратах или Кувейте), – важ-

нейшей необходимой предпосылкой, первоисточником перемен оказалось осознанное принятие и осуществление антикризисной управленческой стратегии, ставка на социальные, экономические, технологические новации.

Идеология развития во всех этих странах потребовала распределения ресурсов в пользу социально ориентированного государственного управления, требующего высокопрофессионального, квалифицированного, творческого и заинтересованного (социально ответственного) управленческого труда. Целеустремленность развития и мотивация к росту и качественному изменению производительности в этих столь разных странах достигалась проведением в жизнь осознанной организационной антикризисной стратегии государственного управления, обусловленной военными, демографическими и иными социальными потрясениями [1, с. 242].

Российское общество в настоящее время переживает процесс сложного качественного роста, когда принципиально меняются механизмы и усложняются основы его социального и политического устройства. На высшем уровне власти признано, что в современной российской системе государственного управления сохраняются бюрократические традиции непонимания инноватики, недоверия к свободному человеку, отсутствия реальной ответственности, а также коррупция и правовой нигилизм, особенно опасные в период кризиса и на этапе системных демократических преобразований. Преодоление сложных и многоаспектных кризисных состояний предполагает совершенствование управленческой деятельности, придание ей антикризисной направленности.

Антикризисное государственное управление тесно связано с решением задачи политической устойчивости общественной системы. В ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г. [2] подчеркивалось, что мировой кризис еще далек от завершения, поэтому необходимо быть предельно собранными и с максимальным вниманием относиться как к эффективности текущей работы, так и к обоснованности новых планов и программ. Главой государства отмечено, что именно сейчас необходимо создавать основы национальной конкурентоспособности там, где Россия может получить будущие выгоды и преимущества. Это подразумевает быстрое освоение высвобождаемых в мировой экономике ниш, создание новых и эффективных предприятий, внедрение самых передовых технологий. Именно такой подход должен быть положен в основу антикризисного государственного управления и вместе с тем стать неотъемлемой частью идеологии развития России.

Острая потребность в текущем антикризисном государственном управлении возникла как ответная реакция общества и государства на ситуацию, когда традиционные управленческие методы оказались неэффективными. Однако необходимость в такого рода управлении ощущалась еще задолго до случившегося кризиса. В начале 2000-х годов стали формироваться новые тенденции в государственном управлении, заключающиеся в отказе от ограниченного взгляда на этот феномен как бюрократическую систему. В научный дискурс была введена теория сервисного государства, обсуждались возможности применения подходов социального менеджмента, актуализирован приоритет человеческих ресурсов, акцентирована потребность в современных инновационных технологиях, формирова-

лась идеология оказания социальных услуг, потребителями которых выступают граждане и институты гражданского общества. Было осознано, что непосредственная управленческая практика и противоречия самого российского общества требуют от субъектов государственного управления конкретных, научно обоснованных и взаимосвязанных решений, скоординированных представлений о том, какой комплекс задач необходимо решать и в какой стратегической перспективе.

Естественным образом все изложенное обуславливает необходимость в глубокой социологической рефлексии проблемы формирования целей, принципов, методов и технологий антикризисного государственного управления. Важной исследовательской задачей становится концептуализация и оценка эффективности потенциала социального менеджмента в системе антикризисного государственного управления в условиях развития современного российского общества.

Само понятие «социальный менеджмент» не относится к числу однозначно трактуемых. Так, Ю.П. Тютиков и В.П. Фомина понимают его как администрирование в непроизводственных секторах экономики – образовании, труде и социальном развитии, здравоохранении, культуре, делах молодежи, спорта и туризма. Понятие социального менеджмента данные авторы связывают с механизмами, пространством и условиями воспроизводства человека как субъекта социума и культуры, с возможностью получения доступа к образованию, профессиональному развитию, рекреации, информационному обеспечению, удовлетворению материальных, культурных и духовных потребностей [3].

В.Н. Ярская ведет речь о социальном менеджменте, который представляет собой социальную практику, основанную на теории и соответствующую высоким стандартам профессии [4]. А.М. Бабич, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев считают, что социальный менеджмент – это управление социальной инфраструктурой предприятия. На протяжении десятилетий в целом ряде городов организация и финансирование деятельности всех направлений социального обслуживания во многом определялась функциями крупных индустриальных предприятий. Администрация этих предприятий аккумулировала мощный социальный капитал, становясь фокусом системы социальных связей промышленного города. Отмечается, что в течение всего постсоветского периода происходило не только изменение структуры собственности на промышленных предприятиях России, но и трансформировалась социальная роль предприятия в рамках местного сообщества [5].

А.Г. Гладышев, Е.Н. Жильцов, Е.В. Егоров определяют социальный менеджмент как организацию коллективного действия (общественные ассоциации), как администрирование государственных и негосударственных организаций и учреждений, оказывающих социальные услуги. В этом смысле социальный менеджмент рассматривается в контексте социального администрирования и относится к институционализированному комплексу мер, предоставляемых социальным государством населению в области занятости и социальной защиты, здравоохранения и образования. Учеными подчеркивается, что система социальной защиты радикально изменилась и продолжает реформироваться сегодня. Краткосрочные и долгосрочные цели социального менеджмента при переходе к рынку реализуются при условии подготовленности властных структур к

реформированию социальной сферы. В связи с этим в структуре социального менеджмента особое место наряду с конкретным социальным проектированием и всеми формами менеджерского контроля занимает и оценка социальных, культурных, экономических решений [6].

Г.Ф. Красноженова, Н.В. Мысин, Н.В. Осокина отмечают, что социальный менеджмент представляет собой стратегию организации деятельности по решению социальных проблем на разных уровнях – от федерального до регионального и муниципального. Механизм реализации социального менеджмента в современном российском обществе характеризуется, по мнению этих исследователей, реально существующими противоречиями между декларируемыми федеральным центром, региональными и местными властями целями и задачами социальной политики, с одной стороны, и реальными мерами по их осуществлению – с другой [7].

О.В. Лаврова интерпретирует социальный менеджмент как социально ответственное управление. Речь идет о социальной ответственности управленцев, которая касается как внутренних проблем организации (нон-дискриминационное управление персоналом, социальная защита работников, социальные обязательства по отношению к работникам), так и внешних аспектов организационной деятельности (социальная ответственность перед клиентами, потребителями услуг, перед обществом и природой). Отмечается важнейшее условие социального менеджмента – особая организационная культура управленцев, способствующая формированию, с одной стороны, чувства принадлежности к сообществу профессионалов социальной сферы, к коллективу данной службы и команде, а с другой – отношения справедливости [8].

По мнению В. Яничевского, менеджмент XXI века – это социальный менеджмент [9]. Действительно, как показывает передовой мировой опыт, социальное наполнение менеджмента, его особые управленческие принципы и приемы, построенные на мотивации, профессионализации и организации эффективного коллективного взаимодействия, позволили не только обеспечить взлет национального производства многих развитых стран, но и внедрить новые модели управления в другие сферы общественной жизни.

В настоящий момент у теоретиков и профессиональных управленцев сформировалось ясное представление о том, что управление – атрибут не только собственно производства. Оно представляет собой неотъемлемую часть любой человеческой деятельности, которая в той или иной мере нуждается в управлении. Этот вывод – о приоритетной роли социального менеджмента в общественном развитии на современном этапе – имеет, по нашему мнению, фундаментальное методологическое значение для социологического анализа сущности, особенностей и возможностей социального менеджмента, которые могут быть использованы в том числе и в процессе антикризисного государственного управления.

На основе представленного анализа имеющихся в социологической науке основных точек зрения на социальный менеджмент как управленческий феномен отметим его комплексный характер и выделим следующие смыслы:

социальный менеджмент – это результирующая совокупность социальных аспектов всех управленческих действий;

социальный менеджмент – это профессиональная деятельность связанная с осуществлением управления общественными процессами;

социальный менеджмент – это социальная технология, основанная на теории управления и соответствующая высоким профессиональным стандартам.

В своем интегративном понимании социальный менеджмент характеризуется универсальностью, использованием властных механизмов, профессионализацией образования и управления, особой организационной культурой, качественным изменением предоставляемых услуг, ориентацией на развитие человеческих ресурсов, социальной ответственностью.

Социальный менеджмент ставит своей целью сформулировать и применить на практике всеобщие принципы управления обществом. В этом случае его субъектами оказываются государственные структуры, компетентные организации и лица, которые властны вносить изменения в отношения между различными социальными группами, в том числе и на уровне объекта антикризисного государственного управления.

Достижение субъектами поставленных целевых функций и алгоритм соответствующих действий в условиях развития современного российского общества зависят от степени реализации имеющегося системного потенциала социального менеджмента [10]. Социальный менеджмент не является априорным теоретическим конструктом в системе антикризисного государственного управления. Как одно из направлений этого процесса, он решает частные задачи, сущность которых заключается в обеспечении качества услуг, предоставляемых органами государственной власти институтам гражданского общества.

Социальный менеджмент в процессе антикризисного государственного управления особенно расширяет сферу профессионализма и компетентности, возможностей государственной и муниципальной службы, предотвращая их трансформацию в консервативную систему. Он становится альтернативой бюрократической организации, где функции чиновников не требуют высокой профессиональной квалификации, а средства деятельности превращаются в цели. Такой методологический подход позволяет сфокусировать оптимизацию антикризисного государственного управления на цели и задачи сервисного государства, разработку конкретных мероприятий по их достижению.

Библиографический список

1. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Рос. газ. 2008. 6 нояб.
3. Тютиков Ю.П. Инвестиционное проектирование в социальной сфере. СПб., 2000.
4. Ярская В.Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1.
5. Бабич А.М. Социальная сфера в условиях перехода к рынку. М., 2003.
6. Социальная сфера в современных условиях / А.Г. Гладышев, Е.Н. Жильцов, Е.В. Егоров. М., 2003.
7. Красноженова Г.Ф. Социальное управление. М., 2003.
8. Лаврова О.В. Организация и социальный контекст бизнес-образования. Саратов, 2001.
9. Яничевский В. О национальной управленческой концепции, качестве персонала и модели управления в начале XXI века // Проблемы теории и практики управления. 2000. № 2. С. 110–113.
10. Социальный менеджмент / под ред. Д.В. Валового. М., 2000.

E.M. Maruschak
Social-Political Technologies
of the State Government
as an Instrument of Interaction
between State and Society

Social-political technologies as an instrument of cooperation between state power bodies and society are considered. The data of the research carried out for the purpose of the study of the Saratov population's opinion on the social-political technologies applied by the Saratov Region's power bodies are cited.

Key words and word-combinations:
 social-political technologies,
 government, society.

Социально-политические технологии представлены как инструмент организации взаимодействия общества и органов государственной власти. Анализируются данные изучения общественного мнения о социально-политических технологиях, применяемых органами власти в Саратовской области.

Ключевые слова и словосочетания: социально-политические технологии, государственное управление, социум.

УДК 35
 ББК 67.401

Е.М. Марущак

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

В настоящее время очевидным и необходимым становится стремление России соответствовать общепринятым мировым стандартам качества в сфере государственного управления и демократии. На фоне переосмысления роли общества в деятельности государства активно продолжающееся реформирование российской государственности делает чрезвычайно актуальной проблему взаимодействия органов государственной власти и общества. В связи с этим особую социальную значимость приобретают вопросы, связанные с использованием социально-политических технологий в управленческой деятельности.

Одним из главных условий развития Российского государства является ускорение темпов социально-политического прогресса, укрепление социальной зрелости государства, внедрение новаторских идей, несущих в себе инновационные ресурсы регулирования социально-политического пространства страны, достижения социально-политического равновесия. Реализация перечисленных аспектов становится возможной только при условии открытости органов государственной власти. Однако все еще достаточно явной остается угроза свертывания какого-либо диалога между государством и обществом, что обусловлено субъективным подходом властных структур к организации управления со-

циумом, проявляющимся в одностороннем применении социальных и политических технологий.

Современные технологии воздействия на общество необычайно разнообразны и весьма изощренны. Государственные структуры разрабатывают и применяют их, стремясь создать или изменить общественное мнение, установки, реакции населения в своих интересах. От направленности, содержания, креативности социально-политических технологий, способов их конвертации в политическое пространство во многом зависит способность государственной власти достигать намеченных стратегических и тактических целей. Очевидно, что как социальные, так и политические технологии являются одним из важнейших инструментов воздействия органов государственной власти на общество.

Между тем не всякое воздействие может быть оправданным или справедливым. Нередко наблюдаются такие комбинации со стороны государства, например через средства массовой информации, которые вполне можно назвать манипулированием общественным сознанием. С помощью такого рода технологий те или иные власти способны превратить гражданское общество в нерациональную манипулируемую толпу. Немецкий политолог Г. Франке в книге «Манипулируемый человек» дал достаточно полное определение этого феномена: «Под манипулированием следует понимать своего рода психическое воздействие, которое проводится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено» [1, с. 35]. Особенность манипулирования состоит в том, что оно не только побуждает человека делать то, что желают другие, — оно заставляет его хотеть это сделать [2, с. 236]. История показывает, что это оказывается весьма опасным как для самого государства, так и для общества в целом.

В условиях становления и формирования гражданского общества важно, чтобы управленческие технологии были не только инструментом государства, но и инструментом воздействия общества на государство, превратились из инструмента воздействия в инструмент взаимодействия. Полагаем, что именно такие социально-политические технологии могут выступать в роли средства взаимодействия и позволить государственной власти повысить эффективность государственного управления.

В научной литературе до настоящего времени не сформировано однозначное определение понятия «социально-политические технологии». Многие ученые разделяют понятия «социальные технологии» и «политические технологии», хотя отмечают их общий управленческий потенциал и направленность. На наш взгляд, политические технологии в большей степени имеют преобладающую направленность со стороны государства на общество. В то же время социальные технологии учитывают действия общества в отношении государства.

В.Н. Иванов определяет социальные технологии как процесс управленческой деятельности в социальной сфере [3]. Н.А. Костко и А.А. Попкова дают более развернутое определение социальным технологиям, связывая их с системой ценностей, одобренной обществом. По мнению этих авторов, социальные технологии зависят от общественного прогресса и экономического развития и выступают механизмом решения социальных проблем посредством формирования условий жизни и развития общества, формирования общественных отно-

шений с целью обеспечения человеческих потребностей, создания условий, способствующих реализации потенциальных способностей и интересов граждан [4, с. 93].

Наиболее емкое определение политическим технологиям дает М.Г. Анохин, характеризуя их как «методы решения политических проблем, выработки политики, ее реализации, осуществления практической политической деятельности» [5, с. 101]. Сферой применения политических технологий автор называет практическую деятельность политических субъектов по осуществлению выработанного политического курса и достижению конкретных политических целей и задач. Примерами наиболее известных политических технологий являются «публик рилейшнз», лоббистская деятельность, избирательные технологии, формирование имиджа, технологии социального партнерства.

С нашей точки зрения, весьма точным представляется энциклопедическое социологическое определение, согласно которому социальные технологии – это способ организации и упорядочения целесообразной практической деятельности, совокупность приемов, направленных на определение или преобразование социального субъекта, достижение заданного результата. Примерами социальных технологий могут служить социальное прогнозирование, реинжиниринг (в рамках системного управления), территориальное самоуправление, социальный брэндинг и реклама, социальные моделирование, планирование, программирование, прогнозирование, проектирование.

На наш взгляд, представляется оправданным, рассматривая технологии как средства взаимодействия, использовать термин «социально-политические технологии». Под таковыми будем понимать локализованную во времени и в пространстве организованную совокупность действий органов государственной власти, применяемую в социально-политическом процессе и направленную на сохранение либо изменение необходимых параметров и характеристик социума либо отдельных социальных групп в интересах построения гражданского общества.

Таким образом, социально-политические технологии можно трактовать как способ организации социально-политического пространства, социальных объектов в процессе социально-политической коммуникации, направленный на установление диалогических отношений между субъектами и объектами государственного управления. Кроме того, из приведенного ранее определения следует, что социально-политическая технология может интерпретироваться как коммуникация участников социально-политического процесса. Однако желательно, чтобы такая коммуникация была не односторонне направленной, а двусторонней (взаимной), выступающей как в явной, так и не в явной форме, вербальной или невербальной.

Как правило, почти все социально-политические технологии в конечном итоге рассчитаны на формирование, корректировку и поддержание тех или иных идейных установок в общественном мнении всего социума либо отдельных социальных групп. Их характерной чертой является необходимость оперирования в процессе разработки и реализации неопределенным количеством переменных, поэтому ни одна социально-политическая технология не может гарантировать со стопроцентной вероятностью достижение запланированного

результата в полном объеме. По этой же причине любая социально-политическая технология, в том числе и применяемая регулярно, уникальна и неповторима в каждой своей реализации так же, как уникальны и неповторимы параметры и характеристики социума в каждый конкретный момент времени. Следовательно, можно говорить о бесконечном разнообразии социально-политических технологий.

Социальный субъект, социальный объект, содержание социально-политической технологии, само социально-политическое и социокультурное пространство являются составными частями общественной коммуникативной системы, в которой функционируют социально-политические технологии. Наиболее существенным компонентом социально-политических технологий является социальный субъект, выступающий отправителем информации и проявляющийся в процессе создания социально-политических технологий как лицо, группа лиц, в интересах которых происходит трансформация социально-политической системы общества.

Таким образом, ключевым компонентом социально-политических технологий является человеческая личность – человек этнический, политический, экономический, потребляющий, коммуницирующий [6, с. 29]. Для создания и использования в обществе социально-политических технологий необходимо, чтобы социальный субъект был не «манипулируемым» человеком, а «коммуникативной личностью», только в этом случае возможен диалог между личностью и государством.

Несомненный интерес представляет опыт использования социально-политических технологий на региональном уровне в контексте взаимодействия граждан региона и органов государственной власти. На эту тему в 2009 г. нами проведено исследование, в качестве предмета которого было определено субъективное восприятие населением г. Саратова социально-политических технологий, применяемых органами власти в Саратовской области. В исследовании ставились следующие задачи:

- выяснить, знают ли жители Саратова о тех социально-политических технологиях, которые используются органами государственной власти с целью влияния на общество;
- прояснить, осознают ли жители тот факт, что власть использует определенные социально-политические технологии, чтобы оказать воздействие на общество;
- обнаружить, имеется ли диалог общества и государства, выраженный в активной и осознанной реакции со стороны общества на действия региональной государственной власти;
- определить наиболее предпочтительные формы взаимодействия населения Саратова с органами государственной власти на уровне региона.

Исследование было сконцентрировано на рассмотрении наиболее распространенных, ставших классическими социально-политических технологий, используемых органами власти в повседневной работе, и использование которых может быть в той или иной форме зафиксировано рядовым населением. При этом намеренно не рассматривались технологии, используемые в избиратель-

ном процессе, так как это специфическая группа, заслуживающая отдельного исследования.

Рамки и формат исследования не позволяли задавать респондентам прямые вопросы об использовании тех или иных социально-политических технологий: с одной стороны, социально-политические технологии – это экспертное понятие, находящееся вне пределов компетенции обычного населения; с другой стороны, значительная часть подобных технологий не предполагает осознания объектом воздействия самого факта такого воздействия.

Результаты проведенного исследования показали, что большинство респондентов (всего было опрошено 537 человек) не могут четко представить, какие именно технологии применяет власть для оказания влияния на общество, однако предполагают, что какие-то технологии существуют. Респонденты вполне осознают, что влияние на население региона со стороны органов государственной власти оказывается, и этому влиянию подвержено большинство населения. Кроме того, выяснилось, что респонденты поддерживают положение, что обратная связь между властью и населением должна быть обязательной.

В процессе опроса было выявлено, что население области не готово вести равный диалог с властью – часто по причине неподготовленности к нему, а также в силу недоступности власти для простых граждан. В настоящее время можно наблюдать лишь некоторые попытки организации равнозначного диалога между государством и обществом, а значит, артикулируется задача формирования такого гражданина, который был бы коммуникативной личностью. В то же время деятельность органов государственной власти должна отвечать требованиям публичности и информационной открытости, как этого требует закон, а в системе коммуникаций «власть – население» инициатива коммуникаций должна исходить от власти, а не от населения.

В итоге можно сделать вывод, что основополагающая социально-политическая технология основана на началах социальной коммуникации. Другие технологии представляют собой ее производные. Все социально-политические технологии имеют структуру, подобную структуре коммуникативного акта, поэтому важная задача социально-политических технологий состоит в том, чтобы превратить коммуникативный акт в диалог. Именно это и будет соответствовать принципу взаимодействия общества и государства.

Библиографический список

1. *Феофанов О.А.* Агрессия лжи. М., 1987.
2. *Политическая философия: учеб. пособие.* 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
3. *Иванов В.Н., Патрушев В.И.* Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М., 2001.
4. *Костко Н.А., Попкова А.А.* Основы социального управления на муниципальном уровне. Тюмень, 2004.
5. *Анохин М.Г., Гришин О.Е.* «Техника», «технологии», «политические технологии» // Актуальные проблемы политики и политологии в России / под общ. ред. В.С. Комаровского, М.Г. Анохина. М., 2000.
6. *Юрасов И.А.* Социальные технологии: национально-культурный аспект // Известия высших учебных заведений: Поволжский регион. Пенза, 2004.

A.M. Bobrov
The Possibility of Use
of Recommendation
and Guarantee at the Citizens'
Entering Civil Service
in the Internal Affairs Bodies
of the Russian Federation

The institutions of guarantee and recommendation are analyzed taking into account historical and etymological senses. Special attention is paid to the analysis of the subjects making recommendations, and also to the imperative character of the use of such institution.

Key words and word-combinations: recommendation, guarantee, entering civil service.

Автором анализируются институты поручительства и рекомендации с учетом исторического и этимологического смыслов. Особое внимание уделяется анализу субъектов, дающих рекомендации, а также императивности использования данного института.

Ключевые слова и словосочетания: рекомендация, поручительство, поступление на государственную службу.

УДК 351.74
 ББК 67.401.133

А.М. Бобров

**ВОЗМОЖНОСТЬ
 ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
 ИНСТИТУТОВ
 РЕКОМЕНДАЦИИ
 И ПОРУЧИТЕЛЬСТВА
 ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ
 ГРАЖДАН
 НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ
 СЛУЖБУ
 В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
 РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Органы внутренних дел Российской Федерации призваны осуществлять борьбу с преступлениями и административными правонарушениями. Эффективность их деятельности в значительной степени зависит от качественного кадрового состава, что во многом предопределяется применяемыми процедурами приема кандидатов, желающих работать в органах внутренних дел. В настоящее время на уровне Министерства внутренних дел РФ «прорабатывается вопрос о введении института поручительства при поступлении кандидатов на службу в органы внутренних дел, на учебу в ведомственные образовательные учреждения, при назначении на вышестоящие руководящие должности» [1], что должно в итоге способствовать комплектованию органов честными специалистами, преданными своему делу.

Институт рекомендаций при приеме на службу в милицию прежде уже имел нормативное закрепление: обязательное получение рекомендаций от стоящих на платформе советской власти социалистических партий, профессиональных союзов и местных Сове-

тов закреплялось в инструкции «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» [2]. Формально это требование предъявлялось не ко всем, а только к руководящему составу советской милиции, в том числе специализированной [3]; на практике получение рекомендаций являлось необходимым условием для поступления граждан на любые должности милиции. Рекомендации должны были подтверждать, что на должности назначаются только лица, признающие советскую власть. Однако подобный подход «не мог не привести к пренебрежению правами, свободой и самой жизнью человека в связи с его принадлежностью к иной социальной категории, другому классу» [4, с. 7].

В дальнейшем на службу в милицию в большинстве своем стали приниматься лица по рекомендациям трудовых коллективов. Например, в конце 1970-х годов около 70% всех кандидатов отбирались по направлениям трудовых коллективов [5], их приему на службу в органы внутренних дел предшествовало обязательное обсуждение на собраниях партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Таким образом, получение рекомендаций в советское время связывало сотрудника милиции интересами партии, профессиональных союзов и местных Советов депутатов, а главным источником комплектования кадров милиции фактически являлась Коммунистическая партия.

В настоящее время использование института рекомендаций представляется проблематичным, поскольку порядок осуществления отбора и изучения кандидатов на службу в органы внутренних дел не урегулирован нормативно. Ранее действовал приказ Министерства внутренних дел РФ от 17 мая 1994 г. № 160 «Об утверждении инструкции о порядке отбора граждан на службу (работу) в органы внутренних дел Российской Федерации» (далее – Инструкция), но он был отменен приказом МВД России от 29 ноября 2001 г. № 1049.

Современная практика деятельности кадровых аппаратов органов внутренних дел свидетельствует, что прежний порядок отбора, установленный в отмененной Инструкции, сохранился. Для устранения противоречий в нормативной практике и в целях обеспечения собственной безопасности, соблюдения дисциплины и законности в органах внутренних дел начальник Департамента собственной безопасности МВД России Ю.В. Драгунцов предложил разработать нормативно-правовой акт о поручительстве сотрудников органов внутренних дел за кандидатов, принимаемых на службу [6]. В соответствии с ранее действовавшей Инструкцией, «при недостаточности сведений, характеризующих кандидата, могут быть представлены рекомендации (личные поручительства) сотрудников правоохранительных органов, должностных лиц законодательной и исполнительной власти о возможности его службы в органах внутренних дел». При этом, как видно, рекомендации и личные поручительства употребляются как синонимы. Однако это не совсем правильно, поскольку различия в содержании этих понятий имеют большое значение в практике деятельности кадровых аппаратов органов внутренних дел.

Рекомендация – благоприятный отзыв о ком-либо или о чем-нибудь, пред-

ложение принять куда-нибудь [7, с. 675]. По своей сути это то же, что совет, пожелание или предписание, высказанное в необязательной форме. Поручительство не может выступать синонимом рекомендации, поскольку является собой ответственность, принимаемую кем-нибудь на себя в обеспечение обязательств другого лица [7, с. 566].

Поручительство наиболее распространено в договорном праве и находит свое нормативное закрепление в Гражданском кодексе РФ (ст. 361) [8]. Суть термина «поручительство» состоит в том, что третья сторона берет на себя обязательство нести ответственность за должника в случае неисполнения им обязательств. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ст. 103) рассматриваемая процедура [9] используется как «личное поручительство» и является мерой пресечения: заслуживающее доверия лицо берет на себя письменное обязательство, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных УПК РФ.

Рекомендация и поручительство схожи тем, что гражданин, который дает рекомендацию или личное поручительство, так или иначе берет на себя ответственность за что-либо или кого-либо. Однако речь не идет об обязательно юридической ответственности.

Министр внутренних дел РФ и начальник Департамента собственной безопасности МВД России предлагают обязательно применять именно институт поручительства, а не институт рекомендаций, кроме того, поручителями, по их мнению, должны выступать только сотрудники органов внутренних дел. На наш взгляд, применительно к процедуре принятия гражданина на службу в органы внутренних дел по ряду причин поручительство невозможно.

Во-первых, институт поручительства в большей степени применим к имущественным отношениям, которые не могут являться актуальными в рассматриваемом случае. Во-вторых, в случае совершения преступлений или проступков принятыми на службу гражданами наступление юридической ответственности поручителя (а в равной степени – рекомендателя) представляется невозможным. В-третьих, поручительство предполагает установление юридической ответственности поручившегося лица только в определенных нормативными правовыми актами случаях, которые отсутствуют в отношении процедуры принятия гражданина на службу в органы внутренних дел.

Что касается рекомендации, то в отношении рекомендателя можно говорить лишь о возможной позитивной ответственности, поскольку смысл этого действия заключается в даче благоприятной характеристики или высказанном в необязательной форме пожелании.

Обязательное требование получения принимаемыми гражданами рекомендации или поручительства со стороны сотрудников органов внутренних дел будет противоречить основополагающим международным и конституционным принципам равного доступа граждан к государственной службе. Кроме того, такое требование может послужить коррупциогенным фактором: различного рода связи (родства, знакомства) создадут преимущества при отборе

кандидатов на службу в органы внутренних дел для определенных категорий граждан.

В соответствии с Конституцией РФ (ч. 4 ст. 361) и Федеральным законом «О системе государственной службы Российской Федерации» (ст. 3) одним из принципов построения и функционирования системы государственной службы является равный доступ граждан Российской Федерации к государственной службе [10, 11]. Положение о службе в органах внутренних дел устанавливает, конкретизирует данный принцип [12]. Оно закрепляет, что на службу в органы внутренних дел принимаются в добровольном порядке граждане Российской Федерации независимо от национальности, пола, социального происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, способные по своим деловым, личным и нравственным качествам, образованию и состоянию здоровья выполнять служебные обязанности (ст. 8). Аналогичные положения, несомненно, должны быть закреплены и в Федеральном законе «О правоохранительной службе», который пока не принят.

Представляется, что при приеме граждан в правоохранительные органы либо в ведомственные образовательные учреждения наиболее приемлемо использование института рекомендаций. Это не исключает позитивной ответственности лица, рекомендующего кандидата к поступлению на службу в органы внутренних дел. Учитывая специфику службы, можно предположить, что действующий сотрудник, выступивший в роли рекомендателя, в установленных случаях должен будет понести дисциплинарную ответственность.

Институт же поручительства вполне может быть использован при переводе сотрудника в другие подразделения органов внутренних дел, при назначении на вышестоящую должность или же при замещении должности по конкурсу, когда избиратели на эти должности становились бы поручителями за избранных (отметим, что в органах внутренних дел избрание используется крайне редко и в основном на научно-педагогические должности).

В целях избежать вероятности усиления внутриведомственной коррупции и нарушения конституционного принципа равенства следует предположить, что рекомендовать могут не только сотрудники органов внутренних дел, но и другие субъекты государственных органов, органов местного самоуправления и гражданского общества. Впрочем, институт рекомендаций возможен только в случае недостаточности сведений о кандидате. Таким образом, он будет способствовать повышению качества кадрового состава и личной ответственности лиц – как рекомендуемых, так и рекомендующих.

При приеме кандидатов на государственную службу в органы внутренних дел нормативно необходимо закрепить следующее правило: в случае недостаточности сведений, характеризующих кандидата, могут быть представлены рекомендации сотрудников правоохранительных органов, должностных лиц иных государственных органов, органов местного самоуправления, представителей общественных организаций и других институтов гражданского общества.

На момент публикации настоящей статьи на сайте Министерства внутренних дел РФ был размещен новый приказ МВД России от 19 мая 2009 г. № 386 «О порядке отбора граждан на службу (работу) в органы внутренних дел Российской Федерации», в котором, однако, не нашли свое отражение предложения о введении поручительства при поступлении на службу в органы внутренних дел. В этом приказе сохранилась почти прежняя формулировка об использовании института рекомендаций при отборе граждан на службу в органы внутренних дел: «Кандидатом могут быть представлены письменные рекомендации о возможности его службы в органах внутренних дел, характеристика с последнего места работы», однако теперь четкий перечень лиц, имеющих право рекомендовать, как и было предложено в данной статье, не устанавливается.

Библиографический список

1. Чистка мундиров: Рашид Нургалиев: неприкасаемых чиновников-коррупционеров больше не будет // Рос. газ. 2008. 14 окт.
2. Об организации советской рабоче-крестьянской милиции: инструкция Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата юстиции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 12 окт. 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813.
3. О рабоче-крестьянской железнодорожной милиции: постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 18 февр. 1919 г. // Там же. 1919. № 5. Ст. 48.
4. *Зыбин С.Ф.* Правовые основы кадрового обеспечения деятельности органов внутренних дел / С.-Петерб. ун-т МВД России. СПб., 1997.
5. Материалы Всесоюзного совещания руководителей кадровых аппаратов ОВД // Вестн. МВД СССР. 1978. № 4.
6. О состоянии собственной безопасности, дисциплины и законности в органах внутренних дел // Профессионал: популярно-правовой альманах МВД России. 2007. № 6. С. 14–16.
7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 1997.
8. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2008 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2009. № 1. Ст. 23.
9. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; 2009. № 1. Ст. 29.
10. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. (с внес. в нее поправками от 30 дек. 2008 г.) // Рос. газ. 2009. № 7.
11. О системе государственной службы Российской Федерации: Федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (в ред. от 1 дек. 2007 г.) // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063; 2007. № 49. Ст. 6070.
12. Об утверждении положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: постановление Верховного Совета РФ от 23 дек. 1993 г. № 4202-1 (в ред. от 25 дек. 2008 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 70; СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6235.

D.L. Tsybakov
The Influence of the Process
of Militarization
on the Development
of Modern Political Relations

The author studies the consequences of proliferation of principles, methods and technologies of military origin on the sphere of political relations. Necessity of search of adequate forms and mechanisms of counteraction to militaristic displays of internal and external origin is emphasized.

Key words and word-combinations: militarism, the militarization, the armed violence, political relations.

Исследуются последствия распространения принципов, методов и технологий военного происхождения на область политических отношений. Подчеркивается необходимость поиска адекватных форм и механизмов противодействия милитаристским проявлениям.

Ключевые слова и словосочетания: милитаризм, милитаризация, вооруженное насилие, политические отношения.

УДК 323:321.02
ББК 66.3(2Рос)12

Д.Л. Цыбаков

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРОЦЕССА МИЛИТАРИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Сохраняющиеся в российском политическом руководстве и научном сообществе привычные представления о национальной безопасности и угрозах ей в настоящий период слабо учитывают фактор милитаризации современной политики. Господствующие в массовом сознании стереотипы восприятия войны, милитаризма и милитаризации затрудняют объективную оценку военно-политической обстановки в стране и мире, а на официальном уровне отсутствует стремление определить действительную многогранную и противоречивую сущность милитаризма во всем ее историческом, политическом, социально-экономическом и социокультурном многообразии.

Прогрессирующее исчезновение различий между внутренним и внешним использованием вооруженного насилия становится реальностью политических отношений конца XX – начала XXI в. Процессы глобализации выводят внутривнутриполитические конфликты на международный уровень, вовлекая в них широкие слои гражданского населения, придавая им интернациональный характер. При этом совершенно различные субъекты становятся практически равнозначными в процессе реального военно-политического столкновения. К ним принято относить: государства и их объединения, функционирующие в глобальном пространстве корпоративные структуры национального или транснационального масштаба, действующие вне глобального рынка негосударственные субъекты [1].

Особую остроту проблеме милитаризации на постсоветском пространстве придает расширение спектра значимых акторов военно-политических отношений, которое возникает в виду невозможности национальных институтов публичной власти в полном объеме контролировать активность своих граждан и общественных организаций в системе мировых связей и коммуникаций. Кроме того, ситуация усугубляется тем, что нарастание мирового финансово-экономического кризиса, следствием которого может стать обострение значимых социальных противоречий и рост политической напряженности, очевидно угрожает национальным интересам Российской Федерации.

Традиционные подходы, укоренившиеся в исследовательском сообществе, сводятся к пониманию сущности милитаризма в нескольких смысловых значениях – как определенной идеологической доктрины, как политического режима или разновидности государственного строя, как мировоззрения и образа жизни [2, с. 57]. В современной науке все более утверждается точка зрения, согласно которой милитаризация – это не только комплекс мероприятий, призванных подготовить общество к предстоящей войне. По мнению, находящему все больше сторонников, данный процесс в целом предполагает трансформацию политической системы и общественного сознания под воздействием военных интересов [3, с. 376–377].

Основной причиной этого, на наш взгляд, является исторический опыт социально-политического развития, когда именно проблематика обеспечения обороноспособности и национальной безопасности являлась приоритетной в деятельности институтов публичной власти и связанных с ними интеллектуальных и культурных элит. В результате во многих странах в общественном сознании сформировался воинственный дух, в той или иной степени определяющий характер жизнедеятельности отдельных сегментов социальной структуры либо всей нации в целом [4, с. 165].

На пороге XXI в. изменилось толкование источника и субъекта процесса милитаризации, которых предлагается не отождествлять исключительно с армией, военно-промышленным комплексом, корпоративными группами военных. Так, А. Панарин констатировал, что в постиндустриальном мире происходит трансформация милитаристских проявлений: с государственного уровня, где они находят концентрированное воплощение в деятельности и мировоззренческих установках профессиональных военнослужащих и близких к ним социальных групп, методы и технологии военного происхождения проникают на уровень жизнедеятельности гражданского общества [5, с. 128].

Предпосылкой описываемого явления признается трансформация разрозненных очагов вооруженного насилия, когда военное дело и воинское искусство охватывают известные геостратегические территории, проявляясь во всех физических пространствах и сферах жизнедеятельности [6, с. 229]. На взгляд Е. Месснера, сформировалось понятие «полувойны» – такого состояния действительности, где отсутствует четкая грань между боевыми действиями и мирным существованием [7, с. 135].

Представляется, что внедрение принципов, методов и технологий военного происхождения в практику политической борьбы приобрело особенно интен-

сивный характер в период полномасштабного противостояния между советским блоком и западными державами во второй половине XX столетия. По мнению представителей научного сообщества, под влиянием атмосферы «холодной войны» среди политических элит сформировалась методология военного измерения и решения актуальных проблем современного мира – так называемая «военная метафизика» [8, с. 143]. Независимо от правоты той или иной оценки сущности «холодной войны», которую некоторые исследователи воспринимают как «Третью мировую», не вызывает сомнения, что непримиримая борьба двух социально-политических структур планетарного масштаба, между которыми имелись принципиальные идеологические расхождения, стимулировала милитаризацию политических отношений по обе стороны конфликта.

Определенная часть властвующих элит, военных и интеллектуальных кругов Запада после распада СССР расценила крушение социалистической системы не как объективное стечение обстоятельств, а как результат приложения собственных усилий. Значительная доля «политического класса» стран Атлантической цивилизации оказалась проникнута воинственным духовным началом, уверовав в эффективность и универсальный характер принципов воинского искусства, выказывая готовность применять их за пределами военной сферы жизнедеятельности.

Характерно, что стратегической задачей сторон военно-политического противостояния нередко становится не достижение безусловной победы, а его превращение в перманентный конфликт, подрывающий моральный и экономический потенциал противника. Военные или околвоенные приготовления принципиально в таком случае не могут иметь логического, хотя бы и промежуточного, завершения, каковым прежде признавалось нанесение безусловного поражения неприятелю. Эти обстоятельства существенно расширяют временное пространство милитаристских проявлений. Особую опасность распространения милитаризма следует усматривать в применении технологий военного происхождения в условиях политической борьбы мирного времени.

На рубеже XX–XXI столетий тотальное военное противостояние между мировыми державами все в большей степени уступает место локальным конфликтам в форме гражданских, национально-освободительных, «цивилизационных» войн, немеждународных вооруженных конфликтов и внутренних беспорядков и напряженности, внутренних режимных войн и этнонациональных конфликтов. Перечисленные вариации милитаристских проявлений отличает отсутствие у одной или всех из борющихся сторон государственного аппарата, кадровых вооруженных сил.

С. Хантингтон, вводя в научный оборот термин «цивилизационные войны», полагал, что последние могут носить и внутригосударственный характер. К таковым относятся войны в пределах так называемых «надтреснутых стран»: возникающие между группами населения, принадлежащими к разным цивилизациям; войны между традиционалистами и ориентированными на ценности иных цивилизаций модернизаторами; между являющимися сторонниками различных общественно-политических формаций властвующими группировками и контрэлитами; между живущими по законам разных цивилизаций правящими

кругами и народом [9, с. 132]. Данные положения особенно актуальны в отношении многих государственных образований, оформившихся после распада СССР. Например, для Грузии, Латвии, Молдавии, Украины, Эстонии характерны глубокие противоречия цивилизационного масштаба, выходящие за рамки традиционного межнационального или межконфессионального противоборства и способные трансформироваться в открытые вооруженные конфликты.

Нередко среди основных разновидностей внутренних противоречий выделяются режимные войны и этнонациональные конфликты. Сторонами внутренних режимных войн признаются политические организации, представляющие группы с явно выраженными классовыми или экономическими интересами, нацеленные на ликвидацию или установление контроля над аппаратом государственной власти, посредством чего будет возможно определение либо изменение характера, структуры и целей соответствующих социально-экономических систем. В этнонациональных конфликтах в Боснии, Косове, Македонии, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии противостоящими сторонами признаются этнолингвистические или этнорелигиозные сообщества [10].

Милитаризацию политики, видимо, не следует однозначно трактовать как результат доминирования армии или корпоративных групп военных. Источником данного явления с полным основанием следует признать и сообщество гражданских политических деятелей, поэтому современный милитаризм, в отличие от милитаризма традиционного, выступает не столько в этактистской форме, сколько в институциональных проявлениях партикулярного общества. В результате слияния гражданской и военной сфер общественного бытия способно возникнуть специфическое состояние социума, характеризующееся распространением опыта насилия и отличающееся высокой степенью внутренней воинственности – так называемый «гражданский милитаризм». Зарубежные исследователи определяют его как «...безоговорочное принятие военных ценностей, манер, принципов и отношений» [11].

Тенденция устранения принципиального различия между военными и невоенными формами политического противостояния имеет давнюю традицию. Общественные отношения в результате могут преподноситься в виде перманентного, тотального конфликта, в котором применяются многообразные формы и наиболее жестокие средства борьбы. В итоге морально-нравственные и юридические оценки этих форм и средств политического соперничества нивелируются во всеобщем противоборстве между противниками.

В практике не только авторитарных режимов, но и современного демократического государства происходит перманентная циркуляция военных и гражданских контингентов управленцев. При смене правительства очередная группа гражданских деятелей из состава победившей партии пополняет структуру управления военной организации и органов, ответственных за обеспечение национальной безопасности. Вышедшие в отставку и действующие высшие офицеры пополняют государственный аппарат, а также инкорпорируются в состав различных неправительственных организаций и бизнес-структур, в крупные корпорации, университеты и аналитические центры. Благодаря такой практике формируется определенная социальная группа, включающая бывших кад-

ровых военных, партийных деятелей, чиновников, клерикальные круги и интеллектуалов, в недрах которой способен возникнуть «гражданский милитаризм».

Среди его основных характеристик целесообразно выделить превалирование в массовом сознании образа реального противника и предощущение непримиримого противостояния с ним. В связи с этим легальное применение оружия и других средств насилия, как со стороны институтов государственной власти, так и со стороны субъектов негосударственного происхождения замещается неформальным противоборством между акторами, претендующими на доминирование в области политических отношений. Проявления политического насилия, целью которого выступает нанесение максимального ущерба и поражения противнику, в современной практике приобретают все более изощренное содержание. Реальностью политического процесса выступают так называемые экономические, торговые, информационные, психологические и иные войны [12, с. 154–155].

Разумеется, не следует рассматривать как милитаристские все без исключения проявления идеологического, финансово-экономического и иного соперничества между значимыми акторами социальных взаимодействий. О принадлежности к практике милитаризма различных невооруженных форм борьбы должны свидетельствовать их ожесточенный и разрушительный характер, невосполнимость наносимого ущерба, целенаправленная методика реализации, а также стратегическая задача – полное сокрушение противной стороны либо низведение его возможностей до уровня, не способного наносить ответный ущерб.

Как показывает практика «холодной войны», ущерб проигравшей стороне, нанесенный фактически во всех сферах ее жизнедеятельности, соизмерим с потерями и утратами стран, терпевших поражения в реальных мировых войнах. В этих условиях первостепенное значение для национальной безопасности приобретает не только военная, но и политическая и идеологическая угроза, поскольку исход конфронтации в «нетрадиционных войнах» может привести к кардинальному изменению геополитической ситуации и даже к возникновению нового мирового порядка.

«Войны без оружия» как наиболее изощренные формы милитаризации не имеют четко очерченных юридических и хронологических границ, представляя собой комплекс мероприятий, который реализуется постоянно, начинаясь задолго до объявления войны и продолжаясь после прекращения боевых действий либо полностью подменяя таковые. Сегодня методология «войн без оружия» все в большей степени превращается в достояние негосударственных субъектов политических отношений [13, с. 236].

Всесторонняя милитаризация политики, характерная для тоталитарных и авторитарных режимов XX столетия в настоящее время замещается косвенным, скрытым внедрением военных принципов и методов в политический процесс. Следствием этого становится появление «информационных» или «интеллектуальных» войн. Нося виртуальный характер, они помимо решения основных задач – манипуляции сознанием и деморализации противной стороны – формируют имидж «гуманности» милитаристских проявлений. Например, активно внедряются в общественное мнение постулаты о грядущих «бесконтактных войнах», «войнах без солдат» и иных фантомах схожего содержания.

Наращивая собственный военный потенциал, инициаторы политической экспансии стремятся отмежеваться от моральной ответственности за развертывание милитаристских приготовлений. Из-за нарастающего неприятия воинствующих идеологий в общественном мнении, серьезного влияния на него идей миролюбия и пацифизма прямое применение вооруженного насилия, равно как и пропаганда милитаризма, способны скомпрометировать инициаторов подобных устремлений.

Как указывали известные идеологи антиглобализма М. Хардт и А. Негри, условное употребление понятия «война» позволяет прояснить риски, дух соревнования и конфликтность, которые отличают названные виды деятельности. К метафорическому военному лексикону обращаются как к политико-стратегическому маневру, чтобы добиться мобилизации сил общества на реализацию единой цели. Используя военизированный жаргон, политические лидеры стремятся нивелировать межпартийные, межклановые межконфессиональные и иные противоречия, объединяя потенциал нации. При употреблении военной риторики в качестве объекта противопоставления выступают не только реальные субъекты политики, но и абстрактные понятия или экстремальные ситуации [14, с. 24–26].

Процесс внедрения методов и практик военного происхождения в жизнедеятельность гражданского общества может и не приводить к развязыванию полномасштабных вооруженных конфликтов. Однако он неизбежно влияет на функциональные и организационные аспекты социально-политических отношений, существенно трансформируя содержание политических процессов и предъявляя новые требования к обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Милитаризация общественных отношений в XXI столетии имеет тенденцию к большему распространению, к превращению в устойчивую форму политических отношений, представляющую реальную опасность для интересов личности, общества и государства. Многовековая традиция использования военно-силового способа решения спорных международных и внутренних проблем и выявившаяся в последние годы недостаточная эффективность исключительно мирного решения значимых социальных противоречий стимулируют новый виток милитаризма. Его инициаторами выступают как адепты глобализации, внедряющие в политический процесс методы и приемы «стратегии не прямых действий», так и традиционалисты, апеллирующие к возрождению произвольно трактуемых реликтовых форм военно-политической борьбы. Вследствие этого сохраняется доминирование культа воинственности и насилия, приводящее к политической вседозволенности, что значительно усложняет уровень защищенности общества от внешних и внутренних угроз.

Существующие на сегодняшний день подходы к теории и практике милитаристских проявлений основаны на традициях XIX – начала XX столетия, и их типичной чертой выступает абсолютизация вооруженного компонента, находящая свое непосредственное воплощение в регулярных формах военного строительства. Однако содержание милитаризации политики в XXI в. характеризуется соотношением применяемых военных и невоенных средств, способов войны, качественных характеристик вооружения, оборонных и наступательных технологий, где определяющим фактором становится проникновение

приемов и практик вооруженного насилия в новые пространства и сферы жизнедеятельности.

Данные ряда социологических опросов показывают, что подавляющее большинство населения в цивилизованных странах, включая Россию, отрицает допустимость любой, даже справедливой войны. Однако наряду с этим в обществе формируется позиция активного меньшинства, склонного реализовать и отстаивать свои интересы посредством инструментария вооруженного насилия.

Природа милитаризма как социального явления не изменилась, и ее существо по-прежнему составляет насилие. В то же время модифицировалось содержание современного процесса милитаризации, когда цели его инициаторов достигаются не только вооруженными, но и иными, внешне ненасильственными средствами. Милитаристские проявления приобретают неограниченный характер, системно осваивая физическое пространство, а также все основные области жизнедеятельности, имеющие какое-либо значение для человеческого сообщества.

Подводя итог, следует указать, что толкование сущности современного милитаризма специфично, основано на стирании юридических, идеологических и психологических рубежей между политикой и войной, состоянием войны и состоянием мира, между вооруженными и всеми другими способами и средствами противоборства. В связи с этим одной из задач отечественного гуманитарного знания должен стать поиск адекватных форм и механизмов противодействия милитаристским проявлениям внутреннего и внешнего происхождения.

Библиографический список

1. Марков Н. Факторы формирования военно-политической обстановки в мире в XXI в. // Зарубежное военное обозрение. 2005. № 1. С. 74–79.
2. Курочкин Ю.С. Экономическая война. Новосибирск, 2001.
3. Никонова О.Ю. Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человечество и война (Война как явление культуры): сб. науч. ст. / под ред. И.В. Нарского, О.Ю. Никоновой. М., 2001.
4. Крашенинникова В.Ю. Америка – Россия: холодная война культур: Как американские ценности преломляют видение России. М., 2007.
5. Панарин А.С. Агенты глобализма // Москва. 2000. № 2.
6. Требин М.П. Войны XXI века. Минск, 2005.
7. Месснер Е. Всемирная мятежевойна. М., 2004.
8. Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.
9. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка. М., 1997.
10. Насиновский В.Е., Скакунов Э.И. Политические конфликты в современных условиях // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 4. С. 45–54.
11. Гольц А.М. Бремя милитаризма // Отечественные записки. 2005. № 5. С. 55–66.
12. Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия. М., 2004.
13. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика / пер. с англ. под ред. А.В. Курыева. Челябинск, 2004.
14. Хардт М., Негри А. Множественность: Война и демократия в эпоху империи. М., 2006.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Yu.K. Usynin, L.S. Yakovlev
Globalization Context
of Civil Society Formation
Preconditions

Some aspects of civil society formation in conditions of globalization are researched. It is shown, that restriction of national state functions can create the free space filled by civil society structures.

Key words and word-combinations: globalization, civil society, the state.

Исследованы аспекты формирования гражданского общества в условиях глобализации. Показано, что ограничение функций национального государства может создавать свободное пространство, заполняемое структурами гражданского общества.

Ключевые слова и словосочетания: глобализация, гражданское общество, государство.

УДК 316.3(075.8)
ББК 60.550

Ю.К. Усынин,
Л.С. Яковлев

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ ПРЕДПОСЫЛОК СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

П олемика по проблемам глобализации сосредоточивается преимущественно на ее аспектах, связанных с политическими, экономическими, культурными взаимодействиями индивидов и групп, происходящими в ходе формирования единой общемировой среды. Значительное внимание при этом обращается на проблемы, с одной стороны, интеграции, а с другой – сохранения регионального своеобразия (как правило, приобретающего признаки прежде всего этнического) участников процесса.

Очевидно, что перечисленным процессы глобализации в существенной степени определяются, но отнюдь не исчерпываются. Значительно более важными представляются аспекты включения социальных общностей в глобальное пространство, опосредованные неизбежными при этом социальными изме-

нениями. В первую очередь эти изменения связаны с коренным преобразованием роли государства. Задача данной статьи видится авторам в попытке определить, как может повлиять включение России в процессы глобализации на становление в ней институций гражданского общества.

В рамках естественной для антиглобализма трактовки глобализации как процесса установления мирового господства определенной группы держав проблема может быть сведена к борьбе государств за сферы влияния. Феномену глобализации при этом отказывается в новизне. Она понимается как продолжение имперской политики, модели которой могут различаться, но сущность практически неизменна на протяжении ряда эпох [1]. При этом социальные процессы внутри стран – участниц глобализации, по сути, игнорируются, их общественное устройство, экономическая система понимаются как заданные константы. В действительности, даже приняв этот способ объяснения, потребуется констатировать необходимость кардинальных перемен в природе государств – как жертв современной глобализационной экспансии, так и ее инициаторов. Первые будут неизбежно утрачивать целый ряд функций, ресурсов, что не может не сказаться на их идентичности; вторые должны будут превратиться в имперские центры, что также невозможно при сохранении их форм неизменными.

Методологические основания концепции, в которой мировая политика представляется как конкуренция территориальных государств, весьма архаичны. Иллюзия «концерта государств» восходит к мифологизированным описаниям ситуации конца XIX – начала XX в. На деле подобные объяснения в принципе представляют собой грубые упрощения. Полагать, будто США (или какое-либо иное государство) становится сегодня имперским центром, подчиняющим себе остальной мир, наивно. Монолитные государственные образования с единым властным центром просто неадекватны эпохе. Их вытесняют сложные структуры, в которых осуществляется подвижное равновесие разнонаправленных влияний. Так, Д. Кинг на международной конференции в Москве (май 2007 г.) «Глобализация, структурные изменения и роль государственных образований» представил точку зрения на американскую внешнюю политику как выстраиваемую не только федеральным правительством, но и американскими ТНК и американскими НПО.

Глобализацию терминологически точнее было бы именовать дерегионализацией, выражающейся в отказе от определяющей роли национально-политического начала в пользу глобально-экономического. «Можно предположить, что в XXI в. мир будет состоять целиком из региональных экономических блоков. Регион-государство знаменует разрыв связей между политикой и экономикой, между законностью и богатством», – отмечает И. Юдина [2], описывая практически процесс складывания однородного мирового политического пространства. Происходящая при этом гомогенизация мира есть не что иное, как снятие ограничений, установленных региональными элитами для защиты своих статусных привилегий. Как утверждает Б. Межуев, «взрывая нацию-государство, освобождая мировую элиту из-под контроля со стороны населения... глобализация противоречит одновременно и демократическим, и социальным, и национальным ценностям, будучи явлением, направленным на разрушение того консенсуса, который был установлен в XIX веке между различными социальными силами» [3].

Заметим сразу, что консенсус, существующий второе столетие, в любом случае не может оставаться неизменным. Пересмотр его в любом случае был неизбежен. Впрочем, это косвенно признает и Б. Межуев, видящий в антиглобализме не «луддистскую» оппозицию мировой интеграции, отстаивающую архаические социальные и межнациональные отношения, а проявление глобальной демократии, противостоящей глобальной же мировой империи. Таким образом, антиглобализм представляется альтернативной версией глобализации.

Оставляя в стороне полемические соображения касательно того, какое место в этом противостоянии может занять «русский мир», артикулируем иной аспект проблемы, на наш взгляд кардинальный.

Есть ли необходимость в противопоставлении демократической компоненты глобализации тем ее составляющим, которые связаны с развитием неравенства? На наш взгляд, нет оснований понимать демократию как устройство общества, строящееся на признании равенства как абсолютной ценности. Напротив, демократическое общество предоставляет элитам широкий спектр возможностей конструирования своего статуса. Но наряду с этим оно создает и возможности для конкуренции, для защиты своих интересов против элит теми, кто не принадлежит к ним. Представление, что национальное государство есть оптимальная форма для подобной защиты, аргументируется лишь практиками «государства всеобщего благоденствия», то есть реалиями развитых государств Европы и Америки короткого (порядка трех десятилетий) периода. Альтернативные практики, связанные с жестким подавлением борьбы малоимущих за свои права, прямого служения государственной машины интересам элит, представлены куда шире: так было в США, Великобритании, Франции весь XIX век и первую половину XX столетия, так оно происходило и происходит в большинстве стран мира, где социальные гарантии по типу существующих в европейских странах не утвердились, равно как и трипартизм.

Разумеется, используя ресурсы «третьего мира», элиты развитых стран получают определенное преимущество в противостоянии организованной оппозиции своему господству в собственных странах. Но считать этот фактор абсолютно решающим и не имеющим прецедентов нельзя.

В соответствии с неолиберальной доктриной *new public management* (нового государственного менеджмента) современное государство – для обеспечения эффективности – должно освоить технологии корпоративного менеджмента и передовые методы оказания услуг населению, осуществить децентрализацию структур управления, включая создание агентств, которым делегируются определенные функции по обслуживанию граждан и корпораций, выработать формы взаимодействия с гражданским обществом. Однако и успешное продвижение по этому пути не спасает от конкуренции с глобальными сетевыми структурами. В то же время государство, не занимая привилегированной позиции по отношению к сетям, может косвенно и частично направлять их функционирование [4, с. 346].

На этом фоне специалистами проектируется ряд сценариев глобализации: от апокалиптических (установление всемирной олигархии, превращающей большинство мирового населения в бесправную рабочую силу, или перманентный вооруженный конфликт сторонников и противников олигархии) до крайне оптимистичес-

ких, согласно которым процветание гарантируется всем регионам. Наиболее вероятными, однако, представляются версии, ориентированные вектором локализации, в которых предполагается сочетание процессов формирования единого мирового экономического, культурного, в определенных смыслах, и политического пространства, с сохранением и даже развитием местной специфики регионов. В них прогнозируется динамическая сложная неравновесная система, постоянно видоизменяющая как свои компоненты, так и принципы их взаимосвязи.

Что касается России, то в зависимости от того, каким путем пойдет глобализация, страна будет иметь разные возможности в нее вписаться. При этом, независимо от выбранных ориентиров, определяющее значение будет иметь механизм задействования человеческого потенциала. По справедливому замечанию П. Малиновского, необходима разработка государственной политики, нацеленной на привлечение инвестиций в человеческий капитал [5].

Ключевое значение для понимания логики глобализации имеет соотнесение ее с информатизацией. Основоположнику этого подхода О. Тоффлеру можно адресовать упреки в информационном редукционизме, чрезмерной склонности к позитивному рассмотрению социальных эффектов дигитализации, недостаточном внимании к порождаемым ею противоречиям, но общие тенденции определены безусловно верно. Эрик Бриньолфссон, директор Center for eBusiness при Massachusetts Institute of Technology, анализируя опыт последних двух десятилетий, полагает, что перевод аналоговых бизнес-процессов в цифровые неуклонно сокращает численность административного персонала уже в силу того, что создаются более эффективные механизмы обратной связи и проведения на всех уровнях политики, намеченной руководством. Все большую роль в системе факторов, обеспечивающих менеджмент, приобретает корпоративная культура; растет значимость инвестиций в человеческий капитал [6]. Но эти изменения не могут осуществляться только в рамках корпораций. Через расширяющееся вмешательство этих корпораций во все сферы жизни, через формирование менталитета их сотрудников и воздействие на потребителей они влияют на среду в целом. Кроме того, стили государственного и корпоративного менеджмента непосредственно взаимосвязаны, причем распространение инноваций осуществляется посредством как прямой индукции, так и обратной (известная работа Б. Гейтса «Business & The speed of Thought» [7] предшествовала современным концептуализациям электронного правительства, а не наоборот).

Разумеется, идеализировать воздействие корпоративных культур на современные государства во всех его аспектах не следует. Во-первых, субъективно корпорации не стремятся совершенствовать общество, их цели лежат в области максимизации прибыли, а не благотворительности какого бы то ни было рода. Во-вторых, в подобном воздействии всегда присутствует элемент подчинения власти капиталу, что может иметь следствием лишь продуцирование коррумпированных, олигархических режимов.

Но именно эволюция экономики определяет становление современных структур гражданского общества. Предшествующие модели этих структур неизбежно несли на себе отпечаток ограниченности. Дело даже не только в том, что античные системы априори исключали значительную часть населения из граж-

данского общества, а в европейских странах, вплоть до начала Нового времени, о нем можно говорить лишь применительно к городским коммуна́м. Сужение гражданского общества означает не чисто механическую, а смысловую операцию. Принципиальное значение имеет механизм присвоения статуса, дающего право к этому обществу принадлежать. В полисных системах Древней Греции это был преимущественно аскриптивный статус: полноправным гражданином надо было родиться, именно отсюда происходит локальный характер греческой демократии, благодаря которому она и не выдержала противостояния с моделью территориального государства, утвердившейся в эпоху эллинизма. В Риме гражданские права предоставлялись решением высших органов власти, и именно этот механизм обеспечивал целостность государственности в пределах огромной, по тем временам, территории, но он же, со временем, породил сепаратизм, на самом деле и разрушивший политическое единство *Pax Romana*. В СССР отсутствие легитимных структур гражданского общества компенсировалось «большой сделкой» (используя термин В. Данэм), в режиме которой различные группы населения пользовались определенными статусными правами. В 1990-е годы утверждение принципов либерализма одним из следствий имело пересмотр социального контракта в сторону резкого сокращения признаваемых норм.

Структуры гражданского общества могут существовать лишь в пространстве, маркированном принятыми соглашениями, определяющими порядок социальных взаимодействий. В определенном смысле, конечно, их эквиваленты возникают в пространстве любой субкультуры, вплоть до криминальной, однако подобные формы с точки зрения интересов общества в целом имеют скорее негативное значение.

Для современной России решающее значение в плане формирования гражданского общества приобретает становление набора общепринятых ценностей, стандартов, аттитюдов, паттернов, на основе которых складываются и правила социального взаимодействия. В этом смысле мондиализм предлагает модель, которая может, конечно, оцениваться с позиций фундаментализма, как разрушающая национальную идентичность, но, во всяком случае, является жизнеспособной, обладающей достаточным преобразующим потенциалом.

Как подчеркивает У. Бек, главной опорой контр-власти глобального гражданского общества, противопоставленной власти олигархии, является фигура политического потребителя. Его контр-сила обусловлена тем, что он всегда и везде может отказаться от покупки. «Оружие отказа от покупки» невозможно ограничить ни по месту, ни по времени, ни по ассортименту. Фатальным для интересов капитала является то обстоятельство, что стратегии, направленной против растущей контр-власти потребителей, не существует. Мета-власть глобального гражданского общества основана также на признании веса и значения прав человека в противовес мнимой самоочевидности национального государства [8].

Разумеется, У. Бек имеет в виду в первую очередь потребительские сообщества стран ЕЭС и США. Но, как показывают результаты последних исследовательских проектов, реализуемых в России, потребительская культура становится все более важным компонентом идентификации. Развитие потребительских сообществ является наиболее значимым фактором конструирования среды, в

которой будут складываться реальные структуры гражданского общества. Именно интенсифицируемый глобализацией консьюмеризм представляется тем фактором консолидации, который может оказать решающее влияние на данной стадии становления гражданского общества в России.

Библиографический список

1. Глобализация со всех сторон // Эксперт. 2007. № 20.
2. Юдина И. Трансформация роли государств и регионов в эру глобализации // The Regional Cooperation of Northeast Asia and Russia's Globalization for the 21st Century: focusing on Energy and Resources / The Research Project for the Globalization in Russia's Region at Hankuk University of Foreign Studies. Seoul, 2003.
3. Межуев Б. Стоит ли бороться с глобализацией во имя национального государства? // Русский архипелаг. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/antiglobal/fight/>
4. Rhodes R.A.W. The governance narrative: key findings and lessons from the ESRC's Whitehall programs // Public administration. London, 2000. № 2.
5. Малиновский П. Россия в контексте глобальных тенденций современности // Русский архипелаг. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/malinovsky/?library=1167&version=forprint>
6. Бриньолфссон Э. Семь принципов высокопроизводительных компаний // Microsoft крупному бизнесу. URL: <http://www.microsoft.com/Rus/Business/Enterprise/Articles/7foundations.mspx>
7. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М., 2001.
8. Бек У. Космополитическая глобализация // Россия в глобальной политике: журнал о мировой политике и международных отношениях. URL: <http://www.globalaffairs.ru/articles/2328.html>

A.A. Stepanova
Index Approaches to the Russian
Civil Society Research:
Peculiarities of Foreign
Experience Application

Problems and prospects of application of foreign index approaches in political studies research of the Russian civil society structures and practices are analyzed. On index calculation it is proposed to include the indicators factoring in the country specifics.

Key words and word-combinations: civil society, index approaches, quantitative research.

Анализируются перспективы применения индексных подходов в политологических исследованиях структур и практик российского гражданского общества. При вычислении индекса предлагается включать индикаторы, учитывающие страновую специфику.

Ключевые слова и словосочетания: гражданское общество, индексные подходы, количественные исследования.

УДК 321
 ББК 66.0

А.А. Степанова

ИНДЕКСНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Новые тенденции, связанные с расширением гражданского участия, активизацией самоорганизующихся общностей, растущим влиянием организаций третьего сектора на рубеже XX–XXI вв., стали предметом изучения целого ряда исследований. Одни из них

направлены на создание количественной основы анализа состояния гражданского общества как такового, другие – преследовали цель сбора данных о его отдельных структурах. В центре внимания третьих оказывались различные аспекты функционирования гражданского общества, например его ценностные ориентиры или вопросы соблюдения прав человека и развития демократии.

Количественные социологические и политологические исследования создают обширную фактологическую основу, необходимую для теоретических обобщений и принятия практических решений. Результаты зарубежных ученых известны в России [1–3], в научный оборот введены соответствующие подходы, апробированы наиболее известные методики. Так, например, осуществлен обзор предназначенных для анализа экономики некоммерческого сектора концепций и методик проведения количественных исследований научным центром при университете Дж. Хопкинса (штат Мэриленд, США), представлены механизмы составления индекса состояния гражданского общества, а также индекса устойчивости неправительственных организаций Центральной и Восточной Европы и Евразии.

Симптоматично, что, судя по данным различных исследований, количественные оценки состояния гражданского общества в целом или его отдельно взятых институтов в зависимости от применяемой методологии, используемых дефиниций и критериев категоризации различаются в разы, а то и в десятки раз. Очевидно, что зарубежные наработки и подходы, а также применяемая методология проведения такого рода исследований требуют серьезного осмысления возможностей их адаптации к российскому контексту.

Большинство исследований негосударственных и некоммерческих структур, составляющих институциональную основу гражданского общества, носят зондажный характер, проводятся на локальном уровне и основываются на информативных, но, как правило, ограниченных по охвату опросах [4–8]. Специалисты связывают отсутствие комплексных исследований, направленных на описание полной картины состояния российского гражданского общества, не только с ограниченными финансовыми возможностями для проведения всероссийских обследований организаций, но и со слабостью имеющегося инструментария [9, с. 6].

Изучение гражданского общества в рамках организационно-институционалистского подхода, использующего количественные методики, на наш взгляд, является недостаточно продуктивным. За рамками исследования в этом случае остаются важнейшие аспекты гражданского общества, связанные с системой внешнего правового регулирования, неинституционализированными формами поведения субъектов, процессами социальной стратификации.

Более продуктивным представляется индексный подход, сочетающий элементы качественного и количественного анализа, позволяющий осуществлять комплексное изучение явления на основе интегральных оценок его отдельных компонент. При этом единицами анализа могут выступать как структурные составляющие, так и отношения и взаимосвязи между ними. В качестве примеров применения подобного подхода в зарубежной практике можно привести такие индексные измерения, как, например, международный индекс восприятия коррупции или всемирное исследование ценностей. Однако в центре вни-

мания этих индексов находится только одно направление, которое, при всей своей важности, сужает исследовательский горизонт и не обеспечивает конструирование многовекторной картины гражданской деятельности.

Попытка отойти от анализа единичных показателей, таких, как законодательная база негосударственных и некоммерческих организаций или их экономический вклад в общественное развитие, предпринята при измерении индекса устойчивости неправительственных организаций (ИУНПО) и индекса состояния гражданского общества (ИСГО).

Индекс устойчивости неправительственных организаций (НПО) составляется при поддержке Агентства США по международному развитию (USAID) с 1997 г. в 29 странах Центральной и Восточной Европы. Основная задача проекта изначально состояла в отслеживании результатов американских грантовых программ, которые реализовывались НПО указанного макрорегиона. Данный проект при всей своей отмеченной многоплановости имеет существенный недостаток, заключающийся в том, что направлен на изучение крупных и авторитетных НПО, оставляя за рамками исследовательского фокуса и научного анализа деятельность неформальных групп и, как следствие, не давая достаточного представления об общих контурах гражданской активности.

Второй указанный индекс, разрабатываемый международной неправительственной организацией – Альянсом за гражданское участие (World Alliance for Citizen Participation – CIVICUS), представляется более продуктивным. Наиболее заметными результатами работы Альянса стали публикации пострановых докладов, определяющих степень зрелости гражданского общества в различных государствах по специально выработанной методике (включающей самостоятельные исследования, вторичный анализ данных и экспертные заключения), адаптированной к определенным условиям той или иной страны.

В проекте составления индекса состояния гражданского общества принимают участие более пятидесяти государств мира. Он нацелен на выявление общих тенденций развития гражданского общества и выработку взаимоприемлемых определений и согласованных стандартов. Методика проекта основана на построении индексной оценки состояния гражданского общества с применением 74 индикаторов. Индекс представляет собой своего рода модельный показатель, вычисляемый по четырем основным измерениям: структура (structure), внешняя среда (environment), ценности (values) и влияние (impact), каждое из которых имеет свои подызымерения, оцениваемые на основе определенного набора индикаторов.

Первое измерение – структура – включает количественные показатели: численности людей, вовлеченных в функционирование структур гражданского общества; масштаба благотворительной и волонтерской деятельности; количества и характера зонтичных организаций (umbrella organizations); инфраструктуры гражданского общества; человеческих и финансовых ресурсов. Второе измерение – внешняя среда – представляет собой пространство, в котором гражданское общество существует и функционирует: правовое регулирование, политический, экономический и социокультурный контексты, взаимоотношения внутри гражданского общества, а также с государством и частным сектором. Третье

измерение – ценностное – предполагает изучение ценностей, наличествующих и распространяемых внутри сферы гражданского общества, в их числе: демократия, толерантность, защита окружающей среды. И наконец, под четвертым оцениваемым измерением – влиянием – подразумеваются практики и действия, характерные для того или иного общества, оказывающие воздействие на осуществление публичной политики, активизацию гражданского участия и удовлетворение социетальных целей.

Каждое поды измерение на основе ряда релевантных индикаторов оценивается по шкале от 0 до 3, где 0 – самая низкая оценка, а 3 – самая высокая. По результатам индикаторных оценок выносятся интегральная оценка анализируемого измерения (по аналогичной шкале) и строится графическое изображение в системе координат, получившее от своей формы название «алмаз гражданского общества». В качестве концептуального в основу методики исследований положено довольно широкое определение гражданского общества, разработанное Альянсом: гражданское общество – сфера, расположенная вне сфер семьи, государства и рынка, в которой люди объединяются для достижения общих целей [10].

Разработчиками проекта допускается некоторая модификация понятия для конкретных условий различных стран. В частности, российским исследовательским коллективом использовалось следующее определение: «Гражданское общество – сфера, расположенная вне сфер семьи, государства и рынка, в которой люди *добровольно* объединяются для достижения общих целей *и общественного блага*» (курсив наш. – А.С.) [11, с. 11]. При этом российские исследователи исключили из состава предложенных для анализа двадцати типов организаций политические партии и «нецивилизованные» элементы (криминальные группировки). Первые – по причине того, что, по мнению исследователей, в современной России они не выполняют функции гражданского общества, и многие из них представляют собой квазипартии, то есть партии, создаваемые и управляемые государством в форме «политических проектов». Вторые – за неимением возможности их изучения, так как на текущий момент достоверных источников информации об их функционировании нет. Аналогичным образом политические партии были исключены из состава гражданского общества и в случае, например, с уэльским исследованием.

В Шотландии при планировании исследовательской стратегии предложено акцентировать внимание более на *действии*, а не на *организационной форме* и концептуализировать его в исследовании как акт объединения в целях достижения общих целей и интересов, но не мотивированный личностными или нормативными (предписанными) обязательствами [12]. Мотивами такого подхода явились, во-первых, стремление обратить внимание на некоторую фрагментарность гражданского общества в стране, а во-вторых, намерение сосредоточиться на аспекте «движений», присущих гражданскому обществу в принципе и выраженных его тенденциях в Великобритании. Однако на практике в ходе исследования уклон был все же сделан в сторону структурно-институциональных форм гражданского общества в силу очевидности их существования, а также ввиду признания важности институтов как основы его функционирования.

Вполне очевидно вынужденное смещение исследовательского фокуса в сто-

рону институционалистского подхода при попытке эмпирического охвата рассматриваемого явления. Эта ситуация компенсируется последующей индексацией полученных результатов, которая на первый взгляд упрощает их и делает индикативными, но при этом позволяет выявлять и обобщать тенденции без конкретизации частных, ситуативных показателей.

Таким образом, проанализировав социально-экономические доклады, посвященные России и территориям Великобритании (Шотландии, Уэльсу и Северной Ирландии), можно, с нашей точки зрения, сформулировать ряд заключений, касающихся оценки примененной методики проведения исследований.

Во-первых, комплексность методологического подхода к проводимым исследованиям позволяет дискурсивно оценить контекстуальные условия развития гражданского общества в различных странах. Во-вторых, несмотря на применение интегральных (балльных) показателей, используемые для их оценки индикаторы открывают возможности для их адекватной рецепции и сопоставления в сравнительном контексте. В-третьих, недостаточные известность и изученность результатов этих исследований повышают значимость и актуальность задачи их освоения.

Следует, однако, оговориться, что приведенные в докладах данные могут использоваться с определенной степенью условности, вызванной различиями, связанными с необходимостью адаптации методологии к конкретным условиям стран, а потому со спецификой постановки вопросов и интерпретации показателей. Тем не менее опыт исследовательской работы показал, что, несмотря на эти различия, единые методологические стандарты исследований позволяют вполне адекватно выявлять общие тенденции в разных странах и делать небезынтересные наблюдения.

Индексный подход обладает рядом преимуществ по сравнению с другими при проведении компаративистских исследований. Он обеспечивает единые методологические стандарты при возможности гибкой концептуализации базовых понятий, то есть с допущением включения дополнительных единиц анализа в целях учета национальных или региональных специфик (в зависимости от уровня сравнения). В силу обобщающего, интегрального характера оценок данный подход позволяет «опускать» частные явления при выявлении общих тенденций и специфических особенностей стран или регионов, реализовывать обе исследовательские стратегии при проведении компаративного анализа (сравнение общего для выявления различий и сравнение различного для формулирования общих черт и закономерностей). Методологическое обеспечение обеих исследовательских стратегий позволяет проводить сравнительные исследования в сильно различающихся контекстуальных условиях. Выраженный комплексный характер дает возможность включения большого количества индикаторов с учетом страновых специфик без существенных погрешностей при вычислении индекса. Индексный подход продуктивен при проведении динамических сравнительных исследований.

Освоение индексной методологии международных исследований может иметь существенное значение для обогащения российской исследовательской практики, как при проведении компаративистских исследований, так и с точки зрения повышения возможностей последующей адаптации применяемых международным сообществом методик к российскому контексту.

Библиографический список

1. Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2001.
2. Коэн Л., Дж. Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ. М., 2003.
3. Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России? // Pro et Contra. 2006. № 1.
4. Мерсиянова И.В. Общественные объединения Новосибирской городской агломерации: опыт социологического анализа // Власть и общество в постсоветской России: новые практики и институты: сб. ст. М., 1999. Вып. XII.
5. Алексеева Е.Г., Крыгина Н.В. и др. НКО и благотворительность: результаты опроса населения в Жигулевске, Волгограде, Новосибирске // Благотворительность в России. М., 2002.
6. Третий сектор на Байкале: Некоммерческие организации Байкальского региона в контексте развития российского третьего сектора. М., 1996.
7. Антипов А.Г., Вьюжанин В.М. Проблемы становления и развития некоммерческих организаций г. Перми. Пермь, 1997.
8. Петренко К.В. Общественные организации в России // Поле мнений: дайджест результатов исследований. М., 2001. Вып. 10.
9. Мерсиянова И.В. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности. М., 2007.
10. URL: http://www.civicus.org/new/CSI_Wales.htm
11. Belyaeva N., Proskuryakova L. Civil Society Diamond. CIVICUS Civil Society Index – Shortened Assessment Tool Report for the Russian Federation. М., 2008.
12. URL: http://www.civicus.org/new/CSI_Scotland.htm

O.V. Novikova
**Efficient Model of Interaction
 of State and Civil Society
 in Modern Russia: Formation
 of Structural-Institutional
 Consensus**

The necessity of cooperation between state and civil society is substantiated. Under the condition of constant transformation of state and civil society the model of structural-institutional consensus is proposed.

Key words and word-combinations: model of interaction, structural-institutional consensus, state and civil society.

Обосновывается необходимость сотрудничества государства и гражданского общества. В условиях постоянной трансформации государства и гражданского общества предлагается модель структурно-институционального консенсуса.

Ключевые слова и словосочетания: модель взаимодействия, структурно-институциональный консенсус, государство и гражданское общество.

УДК 301
 ББК 60.561.1

О.В. Новикова

**ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ
 ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
 ГОСУДАРСТВА
 И ГРАЖДАНСКОГО
 ОБЩЕСТВА
 В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
 ФОРМИРОВАНИЕ
 СТРУКТУРНО-
 ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
 КОНСЕНСУСА**

В научной литературе утвердились три ставших классическими варианта взаимоотношений государственных и гражданских структур: сотрудничество, отсутствие таково-

го и конфронтация [1–3]. Поиск эффективной модели взаимодействия институтов государства и гражданского общества в современных российских условиях приобретает все большую актуальность. В связи с этим особое значение придается определению характера сотрудничества указанных субъектов. Намеренное позиционирование сотрудничества государства и гражданского общества на практике не означает отсутствия сотрудничества (игнорирования) и конфронтации между этими субъектами взаимоотношений. В то же время обеспечение легитимации сотрудничества, стимулирование граждан к участию в государственном управлении представляют собой значимую научную проблему и имеют большое практическое значение.

Для определения выгод сотрудничества, выявления его преимуществ по сравнению с состоянием конфронтации между государством и гражданским обществом важным представляется теоретическое обоснование такого рода взаимоотношений данных субъектов. При этом в ходе анализа важно принципиально отличать неформальные варианты от формализованных / институционализированных (социальные связи, солидарные общества и взаимоотношения) проявлений гражданского общества. Методологически верной представляется точка зрения, что самоорганизующиеся движения, инициативы, ассоциации, а также сообщества публичной сферы, приводящие социальное в движение, отличны как от латентных связей-носителей автономии общества, так и от институционализированного гражданского общества [3, с. 50].

Гражданское общество – сфера отношений, в которой реализуются или не реализуются принципы демократии; именно здесь формируется общая социально-экономическая и политическая стратегия на национальном и иных уровнях, а также осуществляется реальный управленческий процесс [4, с. 58]. Сотрудничество является наиболее приемлемым и перспективным видом взаимодействия институтов государства и гражданского общества, но на любой его стадии в силу ряда причин (изменение цели, появление новых субъектов сотрудничества, различие интересов, средств, методов) может происходить его трансформация в другие формы взаимодействия государства и гражданского общества.

Анализ взаимодействия институтов государства и гражданского общества наиболее полно и систематизированно может быть осуществлен с помощью углубленного изучения существующих моделей и конструирования новых. Представляется целесообразным рассмотреть несколько таких моделей.

В модели «Садовник», которая состоит в том, что органы государственной власти формируют законодательную базу, способствующую развитию общественных организаций, а также принимают меры по поддержке и развитию этих организаций, наиболее четко прослеживается преобладающая роль государства. Государственные структуры опекают институты гражданского общества, ограждают от негативных факторов, воздействующих на их функционирование.

Патерналистская модель была распространена в России в течение достаточно длительного промежутка исторического времени. Ценным в ней является то, что государственные органы понимают важность независимых неправительственных организаций и не пытаются ими управлять, а участвуют в диалоге с НКО, например, в форме «переговорных площадок» [5, с. 212]. Впрочем, они обеспечивают

поддержку институтов гражданского общества только в обмен на политическую лояльность с их стороны. Главный недостаток указанной модели – прямая зависимость структур гражданского общества от государства и его органов.

Специфическая форма взаимоотношений институтов государства и гражданского общества преобладала в Советском Союзе. Модель «Приводные ремни» предполагала, что государственные органы рассматривали институты гражданского общества как промежуточные звенья передачи информации от партийного руководства к жителям страны. Главным достоинством данной модели является то, что она обеспечивает политическую стабильность, недостаток же состоит в том, что развитие общественных институтов находится под директивой партийного руководства страны и превращает их в один из жестких элементов проведения государственной политики.

Активное участие институтов гражданского общества в решении общественно-политических и социально-экономических проблем, в создании органов государственной власти воплощает в себе модель «Архитектор». В России она встречается крайне редко из-за неразвитости структур гражданского общества и из-за отсутствия позитивных условий, предопределяющих их поступательное развитие.

На протяжении последних двадцати лет более характерной для российских условий считалась модель «Игнорирование» – маргинальная форма среди других моделей. Она отражает состояние достаточно частых переходов от сотрудничества к конфронтации государства и гражданского общества, является основой отчуждения государства от общественных структур, а ее последствия становятся причиной дисбаланса в общественно-политической структуре общества.

Модель «Борьба с противником» демонстрирует обострение конфликтов в социально-политической системе общества, дестабилизацию отношения взаимодействующих акторов. Структуры гражданского общества становятся для органов государственной власти угрозой, поэтому последние стараются осложнить их деятельность. Игнорируя и нарушая права человека, органы государственной власти побуждают институты гражданского общества применять тактику гражданского неповиновения (митинги, протесты), переходящую в плоскость политической борьбы.

Нельзя не заметить, что в реальном процессе развития взаимоотношений общества и государства происходит смена моделей, обусловленная трансформационными изменениями самих субъектов, а также объективных факторов развития общественно-политической среды. Так, например, в советский период до периода перестройки в России господствовала модель «Приводные ремни», которая постепенно трансформировалась в патерналистскую модель, а та в свою очередь – в модель «Игнорирование». В 1990-е годы в России доминировала модель «Садовник», затем интерес к институтам гражданского общества стал незначителен. «Путинская» Россия выявила потребность в новой форме организации сотрудничества государства и гражданского общества, и в это время на региональном уровне патерналистская модель конкурировала с моделью «Игнорирование». В целом же в последнее десятилетие наблюдается дистанцирование структур гражданского общества от государства.

Следует согласиться с А.Ю. Сунгуровым в том, что с 2003 г. патерналистская модель и модель «Борьба с противником» постепенно уступают место возрастающей в своем значении модели «Приводные ремни», включающей в себя выстраивание многих структур гражданского общества вокруг «партии власти». Но из-за динамично развивающихся процессов демократизации, интеграции и глобализации государством все же осознается необходимость появления самоорганизующихся, саморазвивающихся гражданских структур.

Решающая роль в превращении России в правовое демократическое государство и обретение им достойного места в мировом сообществе принадлежит развитию гражданского общества, способного сознательно и организованно отстаивать свои жизненные интересы в равноправном диалоге с властью [6, с. 57]. Активность индивидов реализуется в институциональных формах гражданского общества – общественных объединениях, средствах массовой информации, местных органах управления, различных видах общественной кооперации. Если такие институты не выполняют роль связующего звена между обществом и государством, если слабо обеспечиваются или не удовлетворяются социально значимые запросы людей, а между государством и обществом образуется дистанция, то граждане могут протестовать, поскольку нарушаются как права и свободы, так и принципы общественного договора между ними и властью [7, с. 83].

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что в настоящее время эффективной формой взаимодействия государства и гражданского общества становится модель «Структурно-институциональный консенсус». Смысл ее состоит в том, что государство как инициативный политический субъект целенаправленно создает организационные условия взаимодействия институтов государства и гражданского общества. На практике такое взаимодействие государства и гражданского общества представляет собой сложный коммуникативный процесс, который проецируется в теоретической плоскости как многообразные институциональные связи, многогранно пронизывающие своим содержанием и смыслом всю структуру участников взаимодействия. Теоретически совместные сети влияния власти и оппозиции способны создать основу для общественного консенсуса и постепенного перехода к стабильной демократии [8, с. 65].

Можно предположить, что функционирование институтов гражданского общества во многом зависит от характера государственной власти и тенденций ее развития. В настоящее время в Российской Федерации чрезвычайно высока роль государства как диалогообразующего субъекта, способствующего созданию простых, но в то же время востребованных на практике институциональных механизмов сотрудничества государства и гражданского общества. Модель «Структурно-институциональный консенсус», как и любая другая, реализуется через функционирование этих механизмов (формальных и неформальных).

Для обеспечения и повышения эффективности сотрудничества государства и гражданского общества целесообразно обосновать общую для них цель, которая позволила бы им длительный период времени находиться в процессе конструктивного взаимодействия, укрепляя и развивая доверительные отношения. Побудительным мотивом взаимодействия и дальнейшего развития сотрудничества субъектов в перспективе может выступать положительное решение про-

блемы для каждой из заинтересованных сторон. Наиболее результативным методом, обеспечивающим эффективные результаты, может стать консенсус. Важно и то, что при его осуществлении должно соблюдаться равноправие сторон, участвующих в диалоге. Стремление к консенсусу – главное условие, сдерживающее трансформацию отношений от позитивного взаимодействия к негативному.

Консенсус являет собой не только результат, но и собственно процесс принятия решения. Для его обеспечения требуется соблюдать ряд требований: он должен быть включенным (для консенсуса необходимо как можно больше участников совместного диалога), общим (важна активность всех участников, принимающих решение), совместным, (участники консенсуса должны прийти к самому лучшему из возможных решений), равноправным (одинаковый вклад всех участников). Главным достоинством консенсуса является то, что в нем содержится готовность для принятия других решений. Внедрение метода консенсуса в практику выработки и принятия совместного решения позволит участникам диалога своевременно и эффективно решать возникающие проблемы.

Модель «Структурно-институциональный консенсус» выявляет сторонников позитивного решения проблем, включает все субъекты сотрудничества в переговорный процесс. При этом государство не монополизирует переговоры, а обеспечивает свободу самоорганизующимся структурам гражданского общества, находясь с ними в тесном сотрудничестве.

Главная проблема всех существующих сегодня в большинстве регионов России институтов гражданского общества – односторонняя направленность, не предусматривающая обязательной обратной связи с государственными институтами. Эти институты не имеют в своем составе сколь-нибудь заметного количества представителей органов власти, что затрудняет их диалог с государством. В связи с этим существует риск искажения интерпретации проблем при передаче их через иерархическую систему государственной власти, резко снижается эффективность решения поставленных задач и использования ресурсов (временных, финансовых, информационных). Проблему может эффективно решить формирование новых механизмов взаимодействия государства и гражданского общества.

Институциональные механизмы способствуют удовлетворению важных потребностей общества, его членов, регламентируют наиболее важные социальные связи [9, с. 17]. Поэтому необходимы изучение и анализ восприятия представителей структур гражданского общества и органов власти, их отношения к сложившемуся процессу взаимодействия между ними. Институциональные изменения могут преобразовывать сложившуюся систему социальных неравенств, поощрять или сдерживать социальную мобильность, образование среднего класса, содействовать более полной реализации способностей разных социальных групп.

Таким образом, формирование новых институциональных механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, соответствующих современным требованиям переговорного процесса, подразумевает создание инструментов эффективного функционирования институциональных связей, повышающих конкурентоспособность государства и жизнеобеспеченность общества.

Библиографический список

1. Баранов П.П. Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
3. Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание – и направления для дальнейших исследований // Политические исследования. 1995. № 3.
4. Перегудов С.П. Гражданское общество: «трехчленная» или «одночленная» модель? // Там же.
5. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И. Яковсона. М., 2008.
6. Казанцев А.А. Три сценария «цветной» революция в России // Политические исследования. 2006. № 1.
7. Деметрадзе М.Р. Политико-правовые аспекты гражданского неповиновения // Политические исследования. 2007. № 4.
8. Шабанова М.А. Экономический и социальный анализ институциональных изменений (возможные интеграции) // Общественные науки и современность. 2006. № 6.
9. Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 6.

A.R. Umirova
**Sociopolitical Bases of Relations
between Modern State
and Civil Society in the Context
of Investment Policy**

The conception of the investment policy as a system of socio-political relations of modern state and civil society is stated. Scientific principles of the investment policy formation are presented.

Key words and word-combinations: civil society, sociopolitical relations, investment policy.

Изложена концепция инвестиционной политики как системы социально-политических взаимоотношений современного государства и гражданского общества. Представлены научные принципы формирования инвестиционной политики.

Ключевые слова и словосочетания: гражданское общество, социально-политические отношения, инвестиционная политика.

УДК 1:316:316.32
ББК 60.027:60.52

А.Р. Умирова

СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

На современном этапе развития российского социума и государства главной задачей социальной политики является обеспечение высокого качества жизни граждан страны. Решению указанной проблемы будет способствовать изучение теоретических основ и существующих практик взаимоотно-

шений властных структур и структур гражданского общества в контексте инвестиционной политики.

Под инвестиционной политикой в ее практической плоскости обычно понимают совокупность конкретных действий и мероприятий, направленных на создание благоприятного режима деятельности отечественных и иностранных инвесторов, увеличение прибыльности и минимизации рисков в интересах стабильного экономического и социального развития, повышение жизненного уровня населения. В зависимости от того, кто выступает главным инициатором этих мер, различаются виды инвестиционной политики – государственная, региональная, корпоративная и другие [1]. Такой подход, по нашему мнению, не дает возможности для глубокого, сущностного понимания инвестиционной политики как социального явления. Заметим, что субъектами инвестиционной политики выступают органы государственной власти, разного рода предприятия, организации и учреждения, некоммерческие структуры, общественные объединения граждан.

Значимость углубленного социологического исследования проблемы инвестиционной политики определяется тем, что управление инвестиционным процессом является важнейшим инструментом структурного преобразования социального потенциала России, повышения его эффективности, а также проведения действенной социальной политики. В широком смысле с позиции социологической науки инвестиционная политика рассматривается не как система экономических (финансовых) мер и мероприятий, а как система взаимоотношений и взаимодействий между государством и гражданским обществом, главной целью которых выступает благосостояние, социальная защита и социальное развитие населения страны.

Механизм государственного регулирования инвестиционной политики служит мультипликатором инвестиционных ресурсов, обеспечивающим многократное увеличение инвестиционных ресурсов за счет активизации взаимодействия социальных групп в инвестиционном процессе. Данный подход является особо актуальным, так как позволяет стимулировать развитие социальной сферы. На наш взгляд, очевидно, что инвестиционная политика отражает взаимоотношения государства и социальных групп по поводу создания оптимальных условий для активизации инвестиционного потенциала, а именно: обеспечение правовой защищенности интересов граждан и хозяйствующих субъектов, развитие деловой среды, формирование социального партнерства и придание стабильности общественным отношениям, учет объективных интересов сторон по поводу выработки и принятия политических решений, обращенных в инвестиционную сферу. Таким образом, несмотря на то что риск инвестиционных решений лежит на предпринимательском сообществе, в целом инвестиционный климат в значительной степени формируется как итог взаимодействия государства и структур гражданского общества.

Общенациональная (общегосударственная) инвестиционная политика на всех уровнях управления создает определяющие условия для инвестиций. Однако конкретные социально-экономические результаты достигаются прежде всего на уровне регионов. С учетом изложенного представляется целесообразным

ным провести социологический анализ инвестиционной политики Саратовской области как региона с высоким инвестиционным потенциалом. Это позволит не только выявить противоречия и тенденции сложившихся способов осуществления региональной инвестиционной политики, но и предложить пути совершенствования взаимоотношений власти и гражданского общества в целях повышения эффективности социального развития отдельного субъекта Федерации.

Несмотря на экономический кризис, Саратовская область является динамично развивающимся регионом, обладающим широкими инвестиционными возможностями и относительно низкой себестоимостью производства, что подтверждается статистическими данными за 2005–2008 гг. (табл. 1).

Таблица 1

**Структура реальных инвестиций
по источникам финансирования в 2005–2008 гг.**

Показатель	2005		2006		2007		2008	
	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу
Инвестиции в основной капитал	35 700,3	100,0	31 174,4	100,0	41 926,2	100,0	58 819,9	100,0
В том числе по источникам финансирования:								
собственные средства	19 928,4	55,8	12 768,8	41,0	23 317,8	55,6	31 667,6	53,8
привлеченные средства	15 771,9	44,2	18 405,6	59,0	18 608,4	44,4	27 152,3	46,2
бюджетные средства,	5690,3	15,9	4613,7	14,8	5913,5	14,1	9832,4	16,7
в том числе:								
федерального бюджета	4522,4	12,7	3898,9	12,5	3898,7	9,3	4428,0	7,5
бюджетов субъектов федерации	1058,5	3,0	686,0	2,2	1900,8	4,5	4760,7	8,1
средства внебюджетных фондов	189,1	0,5	106,4	0,3	106,2	0,3	169,4	0,3
прочие	5791,2	16,2	11 728,2	37,6	8526,3	20,3	4428,0	7,5

В таблице прослеживается положительная динамика роста инвестиций, поступающих из других субъектов РФ (Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Самарской области, Свердловской области). Так, в 2008 г. инвесторами из других регионов России было освоено 14 113,2 млн рублей, что составляет 24,0% от общего объема инвестиций крупных и средних предприятий в 58 819,9 млн рублей и 149,7% к 2007 г. [2].

Как показало авторское исследование, межрегиональные связи являются действенным инструментом инвестиционной политики в Российской Федерации. Как форма социально-политических взаимоотношений, они выступают одной из наиболее эффективных и перспективных форм двустороннего сотрудничества, позволяют упрочить взаимовыгодные инвестиционные отношения, расширить культурный обмен, объединить интеллектуальный, творческий и гражданский региональные потенциалы для обеспечения прогресса и улучшения благосостояния граждан.

Анализ структуры инвестиций показал, что объем прямых иностранных инвестиций, поступивших в экономику области за 2008 г., вырос на 70,1% по сравнению с предыдущим годом (табл. 2).

Таблица 2

**Объем иностранных инвестиций, поступивших
в Саратовскую область в 2008 г.**

Показатель	Тыс. долл.			Тыс. руб.		
	накоплено на начало отчетного периода	поступило за отчетный период	изъято (выбыло) за отчетный период	накоплено на начало отчетного периода	поступило за отчетный период	изъято (выбыло) за отчетный период
Инвестиции – всего	145 888,1	59 595,0	4076,5	2 090 815,1	1 272 411,7	234 048,9
В том числе:						
прямые инвестиции	104 698,6	54 509,0	1827,0	1 233 347,4	1 114 062,5	13 128,9
портфельные инвестиции	–	–	–	107 216,0	149,2	4,0
прочие инвестиции	41 189,5	5086,0	2249,5	750 251,7	158 200,0	220 916,0

Доля прямых иностранных инвестиций в общем объеме увеличилась с 65,3% за 2007 г. до 89,7% за 2008 г. Эти данные подтверждают, что одним из основных направлений региональной инвестиционной политики по-прежнему является обеспечение участия Саратовской области в наиболее значимых мероприятиях международного характера. Так, в 2007 г. делегация Саратовской области приняла участие в Международной выставке коммерческой недвижимости «MIPIM-2007», где были приняты к реализации крупные инвестиционные проекты, направленные на создание инфраструктуры международного уровня для оптимизации международных транспортно-логистических коридоров, проходящих по территории области; на формирование благоприятного бизнес-развития региона; на решение проблем реконструкции ветхого жилого фонда, модернизацию коммунальной инфраструктуры, а также на упорядочение транспортных потоков [2].

Таким образом, в Саратовской области осуществляются меры по активизации инвестиционных процессов в целях подъема экономики, повышения эффективности производства и решения социальных задач. Проводимая в регионе

инвестиционная политика нацелена на установление взаимовыгодного сотрудничества при реализации инвестиционных программ и проектов с другими субъектами РФ и иностранными инвесторами.

Изложенное подтверждает важность выстраивания приоритетов инвестиционной политики, различающихся в зависимости от конкретных условий ее осуществления и региональных особенностей. В целях активизации инвестиционной деятельности на уровне региона необходима разработка системы принципов инвестиционной политики, которые обеспечивают эффективные взаимоотношения всех социальных слоев и групп с органами власти всех уровней.

Как показал анализ научной литературы, основными принципами инвестиционной политики являются: целенаправленность, эффективность, многовариантность, системность, гибкость, готовность к освоению ресурсов, регулируемость действий, комплексность, а также социальная, экологическая и экономическая безопасность [3]. Эти принципы должны реализовываться в инвестиционной политике органов власти различного уровня.

Исходя из авторской концепции исследования инвестиционной политики как системы социально-политических взаимоотношений государства и гражданского общества, предлагаем следующие основные принципы региональной инвестиционной политики: принцип системности и комплексности, стратегический принцип, принцип правовой защищенности, принцип оптимизации.

Принцип системности и комплексности подразумевает умение видеть наиболее значимый комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных подсистем, входящих в социально-политическую систему взаимоотношений государства и гражданского общества, осуществляемых в ходе формирования и реализации инвестиционной политики. Он выражается в последовательном, поэтапном подходе к принятию политических решений в формировании инвестиционной политики современного государства, который позволяет осуществлять постановку целей, сбор информации, разработку альтернативных решений, оценку вариантов и выбор лучшего из них.

Стратегический принцип формирования социально-политических взаимоотношений современного государства и гражданского общества представляет собой действенный инструмент, который воплощает уникальную суть стратегии развития государства, его субъектов, и самого гражданского общества. Именно сегодня, когда помимо социальной защиты, государственная политика в значительной степени ориентируется на активизацию социального развития через активную инвестиционную политику, этот инструмент приносит особую пользу. Проводя инвестиционную политику, необходимо учитывать проблемы социальной политики в целом и социально-трудовой сферы, выступающей ее основой, в частности. Преимущество такого подхода состоит в том, что в совокупности данные явления могут и должны оказывать влияние на экономический рост и выход Российской Федерации и ее субъектов из глобального экономического кризиса.

Принцип правовой защищенности инвестиционной политики характеризуется степенью соответствия действующего законодательства потребностям развития инвестиционной сферы. При этом важно учитывать непротиворечивость национального и международного права, регулирующего инвестиционные про-

цессы. В особой степени это относится к сфере принятия стратегических решений относительно проводимой инвестиционной политики.

Оптимизация и упрощение сложных социально-политических систем – необходимое условие для более эффективного использования постоянно растущих объемов информации, что и определяет прогресс этих систем. Принцип оптимизации инвестиционной политики характеризуется выработкой качественно новых путей и структурной рационализацией социально-политической системы. Он диктует необходимость сокращения регламентирующей роли государства, сковывающей самостоятельность и инициативу гражданского общества. Данный принцип актуализирует внимание на важнейшем, имеющем большое практическое значение аспекте централизации или децентрализации государственного регулирования инвестиционной политики.

Цель централизации заключается в увеличении синергетического эффекта осуществления инвестиционной политики, улучшении координации взаимоотношений властных структур и социальных групп, предотвращении ошибок на уровне информационного обмена между участниками инвестиционного процесса. Несомненно то, что централизация имеет очевидные преимущества при решении глобальных, стратегических задач, позволяет широко, масштабно распределять все виды инвестиционных резервов и ресурсов. Однако она имеет свои слабые стороны: снижение оперативности принятия решений, уменьшение возможностей конформности.

Целью децентрализации является облегчение процессов принятия инвестиционных решений и инициатив на уровне гражданского общества. Безусловным преимуществом децентрализации является то, что она освобождает акторов инвестиционных отношений от постоянной излишней опеки со стороны государства, эффективно стимулирует инициативу гражданского общества, полнее раскрывает потенциальные возможности социальных групп, что, по мнению автора, приобретает особое значение в выборе наиболее приемлемой формы инвестиционной политики. Слабыми сторонами децентрализации являются эмерджентность, обособленность участников инвестиционного процесса, что часто ведет к конфликтам, ослаблению государственного контроля и единства действий в принятии инвестиционных решений.

Предложенные научные принципы позволят, по нашему мнению, определять не очевидные, а более глубокие, фундаментальные закономерности развития взаимоотношений современного государства и гражданского общества. Они могут служить и руководством к практическим действиям в области принятия политических решений в рамках формирования инвестиционной политики, поскольку реализуются через сознание, интеллект, волю и целеустремленность социальных акторов.

Библиографический список

1. Социальная политика: учебник / под общ. ред. Н.А. Волгина. М., 2003.
2. Материалы официального сайта Правительства Саратовской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saratov.gov.ru>
3. Боди З., Кейн А., Маркус А.Д. Принципы инвестиций / пер. с англ. 4-е изд. М., 2002.

V.N. Gasilin
**Political Paradox:
 Philosophic-Political Aspects**

The nature and manifestations of paradox in political area are analyzed. Political paradoxes contained in the reputed social theories are shown.

Key words and word-combinations: political paradox, political myth, social-political theory.

Автор анализирует природу и проявления парадокса в политической сфере. Показаны политические парадоксы, содержащиеся в известных общественных теориях.

Ключевые слова и словосочетания: политический парадокс, политический миф, общественно-политическая теория.

УДК 323(470+571)
 ББК 66.01

В.Н. Гасилин

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС: ФИЛОСОФСКО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Политические парадоксы возникли вместе с политикой, и политика — во многом парадоксальная вещь. Любой политик, желающий реализовать свои идеи, программу, обычно находится в парадоксальной ситуации. Он всегда наталкивается на противодействие со стороны другого политика, других политических сил. Это противостояние может быть осмыслено с позиций философии политики в категориях политического парадокса.

Само понятие «парадокс» образовалось из двух греческих слов: *para* — вопреки и *doxa* — мнение. Исследователи выделяют несколько значений этого понятия [1–3]:

1) формально-логическое правильное высказывание, не согласующееся с общепринятым мнением, господствующими убеждениями; это самое, наверное, распространенное в политической жизни проявление парадокса, поскольку общественное мнение о происходящих событиях далеко не всегда совпадает с тем, что предлагают политики;

2) логическое противоречие, из которого невозможно найти выход; в этом парадокс совпадает с понятием «антиномия», что не случайно, поскольку антиномия является наиболее резкой формой парадокса;

3) рассуждение, приводящее к взаимоисключающим выводам, которые нельзя отнести ни к истинным, ни к ложным;

4) апория, получившая распространение со времен Зенона Элейского; парадоксальным является то, что Зенон стремился обосновать

своими апориями ключевые положения концепции Парменида о единстве бытия и отсутствии у него движения;

5) неявная, безвопросная форма проявления проблемной ситуации; это один из наиболее интересных смыслов парадоксов в плане философии политики.

Политика была парадоксальной с момента ее возникновения как публично-го явления в Древней Греции, и уже первые политико-философские теории содержали в себе эту парадоксальность. Например, Платон создал теорию идеального государства, где все граждане были бы счастливы, и даже пытался безуспешно воплотить ее в жизнь. К. Поппер убедительно показал, что теория идеального государства Платона в своем воплощении фактически создает вариант не-идеального тоталитарного общества. Такого же рода парадоксальность присуща учениям социалистов-утопистов: в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы все граждане счастливы и живут безмятежной жизнью, но это счастье достигается за счет безграничного контроля государства над подданными. Таким образом, предлагаемая конструкция идеального общества (государства) сама по себе была парадоксальна.

Нечто подобное можно увидеть в теориях преобразования общества, разработанных в «русском космизме». Бесспорным лидером данного течения является Н.Ф. Федоров, который предложил силами науки и техники найти способ обеспечения бессмертия человека, продолжения его жизни до бесконечности, воскрешения всех ранее живших на Земле людей. Его грандиозный проект есть «общее дело» всех людей и, по мнению мыслителя, мог быть осуществлен лишь при объединении усилий всего человечества. В ходе реализации данного проекта люди должны понять, что все они – братья. Вследствие этого падут все государственные, национальные, религиозные, культурные, образовательные и прочие различия, исчезнут социально и политически значимые противоречия.

Утопичность проекта Н.Ф. Федорова очевидна, а его содержание – парадоксально, поскольку развитие как живой природы, так и общества, человека все время сопровождалось нарастанием многообразия, сложности возникающих феноменов. Основатель «русского космизма» явно игнорирует данное обстоятельство применительно к определению способов реализации предлагаемого им проекта.

Та же методологическая ошибка заложена в коммунистический вариант преобразования общества. Несовершенство общества основоположники марксизма видят в эксплуатации человека человеком, которая, по их мнению, коренится в частной собственности на средства производства. Их логика проста и линейна: если уничтожить частную собственность, то и все противоречия, всё несовершенство общества постепенно исчезнет. Не будет классов, не будет государств, не будет различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, не будет наций и народностей, поскольку сформируется единая общность. Создастся однородное общество, которое по крайней мере по своей социальной организации будет заведомо проще, чем любое ранее существовавшее.

Уже в период формирования марксизма столкнулись две противоположные тенденции преобразования общества, идущие от К. Маркса и Л. Фейербаха.

Один из них предлагал изменить общественное бытие – и на основании этого изменится общественное сознание, а другой предполагал, что следует изменить общественное сознание (объяснить всем людям, что главное в их жизни – это любовь) – и тогда кардинально изменится их бытие. Парадокс, зафиксированный в данном предложении, состоит в его принципиальной неразрешимости, являющейся следствием упрощения социальной реальности.

Аналогичное устремление предложить нечто идеально-совершенное свойственно и концептуальным построениям академика В.И. Вернадского. Выдвинутое им понятие «ноосфера» (сфера разума) является весьма перспективным, но все же скорее метафорическим, чем строго логическим. Талантливый русский ученый заявил, что историческая перспектива человеческого социума связана с ноосферной организацией общества.

Последователи В.И. Вернадского на этой основе стремятся разработать концепции, согласно которым человечество уже вступило в сферу разума и нужно сделать все, чтобы способствовать этому процессу. Они полагают, что уже в нынешнем веке удастся перестроить общество на разумных началах. В частности, профессор А.К. Адамов стремится обосновать возможность и необходимость перехода к ноосфере, предлагает более или менее детально разработанный облик ноосферного общества [4–7]. Главное в построениях автора, на наш взгляд, состоит в следующем: 1) это общество устроено на разумных началах: разум, наука являются его доминантами; 2) в нем сохраняется государство (разумное, демократичное), которым должны управлять ученые, изобретатели и вообще интеллектуальные люди; 3) в ноосферном обществе максимально эффективно используются достижения науки и техники для блага людей. А.К. Адамовым даже предложена концепция ноосферной демократии, Ноосферной Республики Россия.

Не вступая в дискуссию по частностям, обратим внимание на следующие обстоятельства. Парадоксальными и утопическими представляются ряд моментов. Во-первых, самодовлеющее значение разума и, как следствие, науки (причем главным образом естествознания и техники) в таком построении не предполагает иного мировоззрения, кроме научного. В предлагаемом обществе / государстве нет места для искусства и его творцов, нравственности и моралистов, религии и верующих. Во-вторых, не учитывается, что ученые-организаторы и ученые-управленцы – нечастое, а ученые-политики – еще более редкое явление. Каким путем ученые, изобретатели и подобного рода творческие люди придут к власти? Как они будут исполнять ее, ведь они учились совсем другому ремеслу?

Проектирование (иногда очень детальное) будущего человеческого общества всегда чревато утопичностью. Но не только этим. Т.С. Паниотова показала родство современных утопий в политике, науке, других сферах культуры с мифами [8]. В основании всех этих видов интеллектуальной деятельности лежат одни и те же архетипы, позволяющие объяснить многообразный пласт мифологических представлений различных народов (никогда не связанных между собой), но почему-то формировавших сходные мифы.

Отметим: миф, в том числе современный, парадоксален. Он говорит о невоз-

можно, почти чудесном или очень желаемом, выдавая желаемое за действительное потому, что лишен (полностью или частично) рефлексивности, критического отношения к самому себе. Это в полной мере относится к современным политическим мифам. Мы их порою не замечаем, потому что критически не воспринимаем то содержание, которое они излагают. Парадокс, вытекающий из современного политического мифа, обнаруживается, когда последний дает сбой в реальной политике, перестает срабатывать в политическом процессе.

Рассмотренные концепции предлагают (причем каждая – свою) альтернативу, отвергая остальные возможные альтернативы. Они построены по своеобразной логике, выражаемой известной поговоркой: «хотели как лучше, а получилось как всегда». Их авторы мечтали о совершенном, гармонично устроенном обществе, где человеку было бы «хорошо». Но все эти умопостроения не дают свободы – свободы духа, свободы творчества. Творчество, если оно в них есть, заранее ограничено определенными рамками определенным образом понимаемой разумности.

Философско-политологический анализ показывает, что политический парадокс включает ряд аспектов, взаимосвязанных между собой.

Во-первых, это *аксиологический* аспект, связанный с ценностями, мотивами, пристрастиями. Он фиксирует прежде всего различие ценностей властвующих элит, а также различных политических групп и групп населения, вследствие чего практически неразрешим. С нашей точки зрения, он связан с различной ориентацией участников политического процесса на прошлое, настоящее и будущее: разные группы по-разному ориентированы на эти временные модусы, что и рождает напряженность в обществе.

Группы, ориентированные на прошлый политический опыт и соответствующие ценности, приходят в противоречие с группами, ищущими новые ценности «сейчас» или стремящимися утвердить их и в будущем. Ценностная ориентация не всегда четко осознается, хотя, например, партии стремятся ее актуализировать в своих программах. Но все же следует признать, что даже при этом подлинные аксиологические смыслы в полной мере не осознаются не только рядовыми партийцами и сторонниками, но даже лидерами политических партий.

Несовпадение ценностей, ценностных ориентаций приводит к политической напряженности как в обществе, так и в мысли. Она практически неустраима потому, что непрерывно возникает, поэтому и является парадоксальной. Казалось бы, политические парадоксы должны разрешаться и тем самым содействовать продвижению общества вперед. Но в реальной ситуации *политические парадоксы не разрешаются*, они уходят в глубь социума, культуры и продолжают из этой «глубины» будоражить общество. Меняются его формы воплощения, уровни, аспекты, но суть остается неизменной. Это хорошо видно из краткого анализа «безвопросных» парадоксов о будущем человеческого общества.

Главный аспект политического парадокса – *онтологический*. Парадокс укоренен в самом бытии политического. Оно действительно парадоксально, по-

сколькo связано с регулированием отношений между людьми, социальными и политическими силами, партиями, движениями.

Можно вслед за Гегелем рассчитывать, что противоположности снимутся синтезом и парадокс разрешится. Своей грандиозной философской системой немецкий философ показал, что противоречие движет реальностью. Однако гегелевский вариант диалектики не является единственно возможным [9]. Альтернативную форму диалектики, которая представляет интерес в связи с рассматриваемой проблематикой, предлагает экзистенциалистское учение С. Кьеркегора.

Раскрывая свою «качественную диалектику», философ утверждал, что разрешение противоречия, составляющего суть парадокса, очень редко разрешается в синтезе; повсеместно оно разрешается путем выбора между разными феноменами. Это не безличный выбор «буриданова осла», поскольку имеет экзистенциальное значение для личности. Таковой выбор формирует самого человека, делает его ответственным за свои поступки и решения. Аналогичные мысли высказаны и Ж.П. Сартром. Он считал, что выборы, которые совершает человек на протяжении своей жизни, формируют его сущность, которая, таким образом, не есть что-то раз и навсегда данное неизвестно кем и неизвестно для чего. Сущность человека является следствием его существования, тех выборов, которые он совершил в своей жизни.

По отношению к выборам (альтернативам) политическим ситуация гораздо сложнее. Будучи членом социальной и / или политической группы, гражданином государства, человек частично утрачивает свою самость. Он не может выразить и проявить ее в полноте, поскольку вынужден считаться с юридическими законами и моральными нормами, корпоративными требованиями той социальной группы, в которой он пребывает, другими обстоятельствами. Таким образом, создается иллюзия некоей заранее заданной детерминированности, в своем пределе доводимая до безальтернативности.

Главная опасность политических проектов будущего общества как раз и состоит в том, что они основаны на ложном парадоксе безальтернативного пути в будущее. Их авторы утверждают, что так и только так должно быть устроено общество. Они забывают, что современное общество – феномен колоссальной сложности, его невозможно уложить в «прокрустово ложе», заранее заданные рамки.

Проект, определяющий цель развития политического сообщества, безусловно, является важнейшим проявлением политического. Как следствие, любой политический парадокс включает в себя *телеологический* аспект. Он раскрывается в предлагаемых решениях фундаментальных жизненных проблем человека и общества, однако в них недопустимо абстрагирование от личной и социальной субъективности.

В качестве иллюстрации считаем необходимым истолковать в контексте политики парадоксы, сформулированные еще в Древней Греции.

Парадоксы «Лжец», «Электра» носят логико-семантический характер, поэтому для указанного истолкования их следует перевести в философско-политическую семантику.

Лжец. Некий критянин говорит: «Все критяне лжецы». Поскольку он критянин, то его утверждение также ложно, а значит, не имеет смысла.

В политике это один из самых распространенных парадоксов. Политик, защищая свою позицию, утверждает, что позиции его оппонентов ложны. Аналогично поступают его оппоненты. Все политики принадлежат одному «большому» политическому сообществу. Следовательно, не ясно, кто говорит правду, а кто лжет. Поскольку все они говорят разное (имеют отличающиеся программы, манифесты), то все их утверждения не могут быть одновременно истинными. Возможно, что все они лгут, а это вообще загоняет политическую ситуацию в тупик.

Электра (Спрятанный). Вопрос: знает ли Электра, что Орест ее брат? Знает, конечно. Орест лежит покрытый одеялом, но Электра не видит и, как следствие, не знает, что лежащий человек – ее брат. Получается, что она в данной ситуации не знает того, что на самом деле знает.

С политической точки зрения это самый сложный и «запутанный» парадокс. Выдвигая и отстаивая политические идеи, программы, знает ли политик то, что они истинны, или он сам находится в заблуждении, в роковом неведении?

Или другая ситуация: на Западе появились так называемые «экономические убийцы», которые, прикрываясь словами о добродетели (благотворительности, ответственности), предлагают другим странам заведомо ложный путь развития, приводящий их в тупик и обеспечивающий им нестабильность. Они заведомо ставят эти страны в парадоксальную ситуацию, из которой они практически не могут выйти. Знали ли Гайдар или Чубайс, что предлагаемые ими меры и реформы поставят миллионы россиян в очень тяжелое положение, приведут к обнищанию населения? Если знали, то почему они их осуществили? Возможно, они знали, что скрывается «под одеялом», и просто преследовали свои цели.

Особую группу парадоксов составляют парадоксы «Куча», «Лысый». Суть первого заключается в вопросе: что считать кучей? Сколько зерен должно быть, чтобы нечто считалось кучей? Аналогичные вопросы адресуются и в случае второго парадокса: сколько волос должно выпасть у человека, чтобы он считался лысым?

Логическое и семантическое строение этих парадоксов одинаково. Оно заключается в мере. Какова мера, когда количественное увеличение или уменьшение элементов приводит к новому качеству? Возникает вопрос: кто (или что) задает эту меру?

Применительно к сфере политического это означает решение проблемы через определение меры. Великий соблазн состоит в том, чтобы признать меру в сфере политического конвенциональной. Однако в сферу политического вовлечены практически все люди и выработка конвенции по соответствующему вопросу является весьма проблематичной. Но она все же реализуется в том или ином виде в политическом процессе.

Вопрос в данном случае состоит в том, *относительно чего* договариваются участники, имеет ли мера в области политического объективный характер или она носит субъективный характер договоренности между отдельными группами акторов, которые к тому же преследуют свои частные интересы? На наш

взгляд, очевидно, что заданность меры диктуется конкретными политическими обстоятельствами.

Политические парадоксы распространяются не только на локальный, но и на глобальный уровень. *Глобальные* политические парадоксы касаются всего человечества и являются следствием глобальных проблем современности, а также следствием политики глобализма. Действительно, отсутствие конструктивных решений глобальных проблем современности грозит человечеству стагнацией в развитии либо вымиранием. Сейчас это хорошо осознано, однако каких-то действенных мер до сих пор не принимается.

Например, такая глобальная проблема, как предотвращение мировой термоядерной войны, была хорошо осознана не только политиками, но широкой мировой общественностью еще в 1960-е годы. Но можно ли утверждать, что данная глобальная проблема решена? Ситуация в мире не становится кардинально безопасней: продолжается совершенствование видов вооружения и растет их объем. Все это накладывается на множество нерешенных политических проблем, вплоть до запрещения распространения ядерного оружия, что также делает ситуацию достаточно острой. Парадоксальная ситуация: война неперспективна, в ней не может быть победителей, все об этом знают, а острота проблемы сохраняется.

Экологическая проблема уже несколько десятилетий как приобрела глобальный характер. Это, наверное, самая известная мировой общественности и обсуждаемая проблема, а засорение окружающей среды продолжается. Хорошо известны цифры загрязнения почвы, атмосферы, воды, варварское уничтожение флоры и фауны, но кардинально ничего не меняется. Политический парадокс здесь состоит в том, что при «известности» экологической проблемы правительства, государственные деятели, политики не предпринимают серьезных усилий для ее решения.

С нашей точки зрения, принципиальные возможности решения политических парадоксов лежат на пути развития культуры и практик достижения и выполнения договоренностей. Добрая воля, и прежде всего политическая, должна быть направлена не просто на снижение напряженности, движение к большей безопасности человечества, но на конструктивное решение парадокса.

Библиографический список

1. *Воробьева С.В.* Парадокс // Всемирная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.; Минск, 2001. С. 757–760.
2. *Непейвода Н.Н.* Парадокс логический // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 194–195.
3. *Финн К.Ф.* Парадоксы семантические // Там же. С. 195–196.
4. *Адамов А.К.* Ноосферная Республика Россия: Теория и практика. Саратов, 2001.
5. *Адамов А.К.* Ноосферная демократия – система истинного народовластия. Саратов, 2003.
6. *Адамов А.К.* Ноосферология. 2-е изд., перераб. Саратов, 2007.
7. *Адамов А.К.* Ноосферная философия. 3-е изд., перераб. Саратов, 2008.
8. *Паниотова Т.С.* Утопия в пространстве диалога культур. Ростов н/Д, 2004.
9. *Гасилин В.Н.* Эвристические функции диалектики: прошлое и современность // Эвристические функции диалектики / под ред. В.Н. Гасилина. Саратов, 1991. С. 3–34.

A.E. Goponenko
Sociological Criteria
of Political Space Identification

The author carries out the analysis of a problem of political space, the given phenomenon is structured and sociological criteria of its identification are defined.

Key words and word-combinations: political space, sociological models, identification of political space, sociological criteria.

Проводится анализ проблемы политического пространства, структурируется данный феномен, определяются социологические критерии его идентификации.

Ключевые слова и словосочетания: политическое пространство, социологические модели, идентификация политического пространства, социологические критерии.

УДК 32:16
 ББК 60.55

А.Э. Гопоненко

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
КРИТЕРИИ
ИДЕНТИФИКАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА

Анализ научных работ современных российских социологов и политологов показывает, что к числу наиболее актуальных тем относятся проблемы политического пространства [1–2]. Ученые солидарны в своих утверждениях о сложности и многогранности исследования указанного феномена, изучение которого позволяет получить ответы на многие вопросы, связанные с социальной природой, сущностью, особенностями и тенденциями развития политических институтов и процессов. Вместе с тем в научном дискурсе об интерпретации термина «политическое пространство» существует значительная полисемия. Некоторые авторы отождествляют данное понятие с категориями «образ жизни», «социальная среда», «условия жизнедеятельности». Отдельные исследователи делают акцент на структурно-функциональных параметрах, многие уделяют внимание специфике проявляющихся субъектно-объектных отношений. Все это, в свою очередь, создает определенные трудности для исследователей, обусловленные выбором того или иного методологического подхода.

В связи с изложенным представляется необходимой идентификация понятия политического пространства по единым социологическим критериям, в качестве которых предлагаются: функциональная связь; распространенность; организованность; интеграция.

Критерий функциональной или причин-

ной связи взаимодействующих индивидов дает основание для бытия коллективных единств и составляет конститутивный пространственный признак. С точки зрения этого критерия политическое пространство возникает с появлением функциональной связи поведения индивидов. Критерий функциональной связи и различная степень его интенсивности объясняют исследователям возможность концентрического сосуществования ряда социальных групп и общностей в одном политическом пространстве.

Не менее важным социологическим критерием идентификации политического пространства следует считать, по нашему мнению, степень его распространенности. С этой точки зрения, например, важность партии и важность государства, интенсивно обуславливающих поведение его граждан, не равны: государственную группировку исследователи должны признать более важной, ибо она охватывает и влияет на поведение гораздо большего числа индивидов, чем партия. Следовательно, распространенность политического пространства есть в конечном счете выражение его границ и численности.

Для идентификации политического пространства необходимо установить не только его распространенность, но и степень организованности. Признак организованности может иметь различные степени – начиная со спонтанной организованности, никем сознательно не устанавливаемой, и заканчивая организованностью целеположенной.

Внешним показателем более высокой организованности политического пространства служит обычно, во-первых, наличие в нем определенных норм поведения, во-вторых, как следствие этого явления, наличие того или иного организующего центра, согласно нормам регулирующего поведение членов группы и дающего директивы. В частности, таким центром является государственная власть со своими агентами. Иными словами, общим признаком более высокой организованности того или иного политического пространства служит факт его разделения на субъекты и объекты управления. Такое распределение – общий признак организованных политических пространств, как длительно существующих, так и кратковременных.

Наиболее комплексным социологическим критерием идентификации политического пространства можно считать, по нашему мнению, степень его интеграции. В социологии это понятие характеризуется совокупностью процессов, благодаря которым происходит сцепление разнородных взаимодействующих элементов в социальную общность, целое, систему; формами поддержания социальными группами определенной устойчивости и равновесия общественных отношений; способностью социальной системы или ее частей к сопротивлению разрушительным факторам, к самосохранению перед лицом внутренних и внешних напряжений, затруднений, противоречий [3, с. 120].

В целом проблема формирования и развития общей теории социальной интеграции, исследующей условия и показатели минимально необходимой для существования и деятельности любой общественной группы сплоченности, условия обеспечения упорядоченного, бесконфликтного состояния между социальными деятелями (индивидами, организациями, государствами), занимает важное место в социологии.

На сегодняшний день в социологической науке сложился многообразный спектр различных направлений, которые условно можно объединить в четыре концептуальные модели: «социального действия» (М. Вебер), «социальной солидарности» (Э. Дюркгейм), «социальной интеграции» (Т. Парсонс), «социального взаимодействия» (П. Сорокин).

Согласно первой модели социология должна ориентироваться в основном исключительно на понимаемые действия индивида или группы. Идеальные типы социальных действий (ценностно-рациональное, целерациональное, традиционное, аффективное) тесно связаны с идеальными типами власти и подчинения (легальный, традиционный, харизматический) и образуют соответствующие ценностно-нормативные механизмы социального управления [4].

Вторая модель предполагает, что социология при изучении соответствия между социальными институтами и определенной потребностью общества как целого имеет дело с объективизацией, овеществлением социального сознания и выражением его в виде объективных показателей социальной интеграции. Креативный синтез последних является основой социальной солидарности, а его отсутствие приводит к социальной дезорганизации, аномии [5].

Третья модель объединяет различные теоретические построения в социологии, пользующиеся понятием «социальная интеграция», которое означает упорядоченную и бесконфликтную связь между частями социальной системы на базе общих для всех ее членов ценностей и норм. Социальные ценности и нормы служат фундаментом мотивации поведения людей, основаниями целостности социальной системы. Общество, в котором достигнут консенсус относительно того, что является ценным, а что не является таковым, может с полным основанием рассматриваться как стабильная система, ибо устраняется главный источник противоречий [6].

Согласно четвертой модели, обеспечивающей интеграцию общества и группы, генетической основой является социальное взаимодействие, которое регулируется с помощью механизма социального контроля. Механизм социального контроля осуществляется обществом в виде стандартизированных ценностей и норм, которые регламентируют «должное», «рекомендуемое» и «запрещенное» социальное поведение. Данный механизм предполагает применение негативных (кара) или позитивных (награда) санкций, составляющих особую регулятивную субструктуру, под влиянием которой возникает и изменяется организация социальных групп. Преобладание определенного типа контроля представляет собой модус различных фаз в исторической эволюции общества [7].

Смысл социальной интеграции в представленных социологических моделях каждый раз уточняется в контексте других научных понятий, обслуживающих сходные задачи, такие, например, как социальная связь, порядок, система, солидарность. Социальную интеграцию рассматривают как процесс, тесно связанный с другими – социализации, аккультурации, ассимиляции – и как некоторый результат этих процессов.

Из этого следует, что всякая социальная интеграция (как и ее противоположность – дезинтеграция) относительна и не полна, но известная степень ее мыслится необходимым условием функционирования общественной системы.

Попытки определить главные признаки достижения необходимого уровня социальной интеграции приводят обычно к «соединяющему» формулированию необходимых условий существования и функционирования социальной системы вообще. Любые определения социальной интеграции претендуют на универсальность, учитывают очень многие из элементов, функционирующих в социуме. Не случайно в научных исследованиях последнего времени возникла устойчивая тенденция – обозначать процессы социальной интеграции в различных сферах общества как создание и оформление определенного пространства: экономического, социального, правового, информационного, политического.

В этом контексте политическое пространство приобретает свое социальное качество и организационные формы, находящие выражение в категориальном аппарате концепций социальной интеграции. Поэтому, по мнению ряда авторов, политическое пространство есть специфическое качество единства политики и социальных отношений.

Политическое пространство складывается из трех основных элементов: политической организации (организованности) населения; органов непосредственного воздействия власти на население; институтов опосредованного воздействия власти на население [8]. Однако вне своей социально-политической направленности проблема политического пространства теряет всякий смысл.

Очевидно, что политическое пространство немислимо вне социальных аспектов политики и политических свойств социальных отношений. Его целостность обусловлена единством и взаимодействием социальных качеств политики и политических сторон социальной жизни. Такое взаимопроникновение двух сфер общественных отношений (политики и социальной жизни), их синтез создают новое общественное качество как реальность специфического характера. Социологические критерии в методологии исследования политического пространства позволяют идентифицировать политическое пространство как своеобразное явление в современных общественных отношениях, как один из элементов политического структурирования и социальной организации общества.

Такой методологический подход, по нашему мнению, дает исследователям возможность, во-первых, рассматривать политическое пространство в широком теоретико-методологическом контексте как определенный феномен социально-политических явлений и процессов; во-вторых, изучать политическое пространство в единстве обозначенных признаков; в-третьих, анализировать на эмпирическом уровне структурирование и генезис политической сферы жизнедеятельности общества. В связи с этим социологические критерии идентификации политического пространства могут стать основой для формирования особого методологического подхода, особого угла зрения на многообразные проблемы данного феномена политической жизни.

Библиографический список

1. Социологическая литература. М., 2008.
2. Пляйс Я.А. Актуальные проблемы отечественной политологии // Полис. 2008. № 2.
3. Современная западная социология: словарь. М., 1990.

4. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
5. Дюркгейм Э. Социология. М., 1992.
6. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
7. Сорокин П.А. Система социологии: в 2 т. М., 1993.
8. Барзилов С.И., Чернышов А.Г. Безумство власти. М., 2005.

A.A. Shugayev
Quantitative Analysis
of the Party Systems:
Russian Experience

The basic measurements of the party systems are analyzed (factionalism, polarization, stability) are analyzed. By the example of the Russian party system the indexes of stability of electoral preferences are calculated.

Key words and word-combinations: political parties, party system, quantitative analysis methods.

Проанализированы основные измерения партийных систем (фракционность, поляризация, устойчивость). На примере российской партийной системы рассчитаны показатели устойчивости электоральных предпочтений.

Ключевые слова и словосочетания: политические партии, партийная система, количественные методы анализа.

УДК 321.02+329.11/6
 ББК 66.01+66.6

А.А. Шугаев

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Политические партии в современных условиях являются одним из ключевых участников общественно-политических процессов и необходимой основой для демократического развития общества. Именно в деятельности партий проявляются основополагающие принципы демократии – политический плюрализм, представительство, выборность. Исследователи расходятся в оценках периодизации и перспектив развития отечественной партийной системы, признавая при этом, что процессы партийного строительства в России идут по общему для большинства модернизирующихся стран сценарию и включают следующие этапы: раздробленности, поляризации, экспансии и институционализации [1, с. 480].

Под институционализацией партий подразумевается не только процесс, посредством которого партии упрочиваются, приобретают значение и устойчивость, но и их свойство или состояние: «...институционализация может быть определена как степень материализации партии в общественном сознании, в результате чего она существует независимо от собственных лидеров, регулярно вовлекаясь в значимые модели поведения» [2, с. 94].

Понятие «партийная система» описывает не просто сумму действующих в политическом пространстве той или иной страны партий, но и всю совокупность их взаимосвязей, а также характерных и устойчивых атрибутов взаимодействия между ними. Следовательно, разработка теории изменения партийных систем должна прежде всего опираться на анализ «измерений» – специфического понятия, призванного обозначить свойства партийной системы, которые не могут быть сведены ни к составляющим ее частям, ни к взаимоотношениям между ними именно в силу ее «системности».

Очевидно, что в исследовании динамических показателей деятельности партий широкое распространение получило применение количественного анализа. В российской политологии, как правило, под количественным понимают исследование, проведенное с привлечением разнообразных количественных методов сбора, анализа и интерпретации данных [3, с. 49]. В западной науке, наряду с такой интерпретацией, количественными называют исследования с использованием большого числа анализируемых партий или партийных систем, то есть исследования сравнительного характера. По мнению западных компаративистов, в процессе обработки результатов анализа должен быть задействован аппарат математической статистики. Лишь в этом случае исследование может считаться количественным.

Партийная система описывается с использованием единиц анализа, составляющих различные теоретические концепции. Например, если считать, что партийная система состоит из «частей», то иногда оказывается полезным использовать простейшее определение формата партийной системы, которое может быть дано в соответствии с числом партий, соревнующихся на выборах, и распределением голосов избирателей среди данных партий. Системы различаются по степени поляризации, фрагментации, институционализации и прочему. Можно привести множество характеристик конкретных партийных систем. Задачей же любого обобщающего анализа является выделение семантически релевантных – таких, которые указывали бы на то общее и то различное, что есть между ними.

Последователями М. Дюверже было доказано, что политический плюрализм хорош в меру, поскольку выход за какие-то условные рамки приводит к тому, что политическая система может оказаться в кризисном состоянии. Помимо избирательной системы политический плюрализм детерминирован уровнем социальной фрагментации (этнической, лингвистической, конфессиональной, экономической), а также формой государственного правления. В этом же ключе, например, изучаются такие явления, как фракционализация парламентов и фрагментация партийных систем, представительность парламента, анализируются условия, этому способствующие или противодействующие. Установленные в пределах одной партийной системы и прошедшие апробацию в других, взаимозависимости получают статус социальных закономерностей.

Фракционализация парламентов в широком сравнительном плане (без сравнительного контекста такие исследования вряд ли имеют смысл), а также выяснение условий, способствующих фракционализации, наиболее плодотворно изучались в 1970–1980-х годах [4]. Специалистами рассчитывались эффек-

тивные числа политических партий, которые соотносились с такими факторами, как электоральные системы, виды социальной дифференциации, формы государственного устройства [5]. Исследование процессов партийного строительства с помощью математического аппарата нашло свое применение и в работах отечественных авторов [6, с. 45].

Применительно к российской практике широко используется индекс эффективного числа партий, разработанный М. Лааксо и Р. Таагаперой и позволяющий определить количество значимых партий в системе, исходя из их размера и электорального веса. Данный индекс служит показателем уровня концентрированности партийной системы, которая рассматривается в двух аспектах: в связи с оптимальным количеством партий и тенденциями изменения количества голосов избирателей, поданных за две сильнейшие партии страны. Эффективное число партий определяется применительно к избирательному процессу и к распределению мест в парламенте [7, с. 25]. При высокой партийной фрагментации показатель эффективного числа партий высокий, при малой фрагментации – имеет тенденцию к снижению. Во всех случаях, когда силы партий равны, эффективное число примерно соответствует их количеству. В случае неравенства эффективное число меньше, чем действительное количество партий.

Партийная система рассматривается как система органическая и подвижная, обладающая, помимо статических, динамическими характеристиками. Для определения последних широко применяются показатели рыночного анализа. В целях наглядного изучения динамики партийных систем используются характеристики: норма входа – отношение количества новых партий в избирательном цикле к общему числу партий, принявших участие в выборах; норма проникновения – доля голосов, отданных за новые партии; величина барьеров входа в партийную систему – разница между нормой входа и проникновения; влияние новых партий относительно старых – соотношение средней доли голосов избирателей, отданных за новые и старые партии; норма выхода – отношение числа выбывших партий к общему количеству партий; доля выживших партий – отношение числа выживших партий за избирательный цикл к общему числу партий, принявших участие в выборах [8, с. 97].

Российская политическая практика предоставляет возможность проанализировать результаты пяти парламентских выборов и сделать предварительные выводы о динамике российской партийной системы.

Каждые выборы в Государственную Думу – своего рода тест для партий на политико-организационную устойчивость. В 1993 г. в выборах в федеральный парламент приняли участие 13 избирательных объединений. В 1995 г. их число увеличилось до 43 партий, лишь 8 из них участвовали в выборах повторно. В 1999 г. в выборах приняли участие 28 партий и блоков, 20 из которых впервые. До следующих выборов 2003 г. дошли лишь 6 партий, всего же участвовало 23 партии. В 2007 г. из 11 партий только 7 участвовали в предыдущей избирательной кампании.

В России немало партий и предвыборных блоков добивались успеха на парламентских выборах не более одного раза. С разной степенью успеха остаются постоянными участниками парламентских кампаний федерального уров-

ня на протяжении всех пяти избирательных циклов лишь КПРФ и ЛДПР. Многие российские партии в 1990-е годы прекращали свое существование непосредственно после выборов, меняли название и идеологию, объединялись с другими политическими силами.

Постоянно идущий в российской политической системе процесс слияния / поглощения политических партий значительно затрудняет применение методов количественного анализа при изучении состояния отечественной партийной системы. Дополнительную сложность для количественного анализа представляют особенности российского избирательного законодательства, в котором закреплено понятие «избирательное объединение», уникальное и свойственное исключительно российской практике. При этом фактически не актуализировались различия в электоральных правах политических партий, общественно-политических движений и иных общественных организаций, участвовавших в выборах [9, с. 45].

Стабильность состава – один из ключевых признаков состоявшейся партийной системы. Неизменное постоянство участников политических процессов в стране в большой степени свидетельствует о сформированной в ней партийной системе. Замечено, что стабильность состава парламента в существенной мере предопределяет стабильность партийной системы и, в свою очередь, играет далеко не последнюю роль в обеспечении стабильности политической системы государства в целом.

Эволюция моделей трансформации формата партийных систем рассматривается через призму электоральной неустойчивости, то есть изменения числа конкурирующих партий и распределения голосов избирателей. Одним из количественных показателей, характеризующих партийную систему, уровень ее устойчивости, особенности и направленность электоральных предпочтений, является электоральная подвижность или неустойчивость предпочтений граждан от выборов к выборам.

Для количественного описания стабильности западные ученые пользуются индексом Педерсена, который вычисляется сложением всех изменений в долях голосов избирателей, поданных за партии на двух выборах (или в долях парламентских мест), и делением суммы на два. Видоизменив данный индекс, можно получить величину, характеризующую устойчивость электоральных предпочтений избирателей. Рассчитаем данный показатель как сумму наименьших долей голосов, отданных политической партии на протяжении двух избирательных кампаний. В данном случае слагаемые величины будут выступать в качестве «электорального ядра» партий, принимавших участие в выборах.

По данным официального сайта Центральной избирательной комиссии РФ, в парламентских выборах 1993 и 1995 гг. дважды участвовали 8 избирательных объединений, набрав соответственно: Аграрная партия России (7,99 и 3,78% голосов избирателей), «Яблоко» (7,86 и 6,89%), КПРФ (12,4 и 22,3%), ЛДПР (22,92 и 11,18%), ПРЕС (6,73 и 0,36%), «Выбор России» (15,51 и 3,86%), «Кедр» (0,76 и 1,39%), «Женщины России» (8,13 и 4,61%) [10]. Показатель устойчивости электоральных предпочтений составил $P = 7,86 + 12,4 + 11,18 + 0,36 + 3,86 + 0,76 + 4,61 = 43,84\%$.

В 1995–1999 гг. таких избирательных объединений было тоже 8: «Наш дом – Россия», КПРФ, ЛДПР / «Блок Жириновского», «Яблоко», «Женщины России», «Социал-демократы», «Коммунисты, трудящиеся России – за Советский Союз», «Конгресс русских общин». Сумма наименьших долей голосов данных избирательных объединений составила 40,35%.

В 1999–2003 гг. в выборах дважды участвовали 6 партий: «Яблоко», КПРФ, ЛДПР, СПС, Партия Мира и Единства, Партия пенсионеров. Показатель устойчивости электоральных предпочтений оказался рекордно низок и составил всего 29,06%, то есть более 70% голосов избирателей досталось новым партиям.

В 2003–2007 гг. в парламентских выборах участвовали 7 партий: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», СПС, Аграрная партия России, Демократическая партия России. Устойчивость электоральных предпочтений избирателей оказалась на уровне 62,26%.

Проведенные расчеты показывают, что вплоть до 2003 г. устойчивость электоральных предпочтений в России неуклонно снижалась. Следовательно, снижалась устойчивость (стабильность) самой партийной системы страны в целом. Причиной тому во многом служили стремительность и несистемность процессов партийного строительства, «недолговечность» самих партий, нерегулярность их участия в выборах.

Преломление нисходящей тенденции связано, во-первых, с созданием в 2001 г. нынешней «партии власти» и с последующим укреплением ею занимаемых позиций; во-вторых, с развитием положений Федерального закона «О политических партиях», закрепившим жесткие требования к деятельности партий. Результатом совокупного воздействия этих двух факторов стало предопределившее относительную стабилизацию электоральных предпочтений изменение существенных характеристик партийной системы – в первую очередь ее количественного состава.

Следует отметить, что описание партийных систем с использованием индексов электоральной устойчивости (неустойчивости) дает лишь частичный ответ на широкий спектр вопросов о степени их изменчивости и стабильности, позволяя определить, что является типичным, а что – девиантным случаем развития.

Партийные системы, тщательно изученные на примере отдельной страны или региона, еще не позволяют сформулировать общие закономерности функционирования партийных систем. Однако это становится возможным при обобщении опыта ряда государств или регионов в сравнительном контексте. Использование количественных приемов, убедительно доказавших свою состоятельность и ставших неотъемлемой частью методологии политической науки, представляется возможным и для анализа российской партийной системы, в особенности ее регионального компонента, который сам по себе чрезвычайно неоднороден и относительно слабо изучен.

Библиографический список

1. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
2. Джанда К. Сравнение политических партий: исследование и теория // Современная сравнительная политология. М., 1997.

3. Митрохина Т.Н. Методология политической компаративистики. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2008.
4. Powell G.B. Contemporary Democracies: Participation, Stability and Violence. Cambridge, 1982.
5. Laakso M., Taagapera R. «Effective» Number of Parties: A Measure With Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. Vol. 12, № 1.
6. Сморгунюв Л.В. Современная сравнительная политология: учебник. М., 2002.
7. Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис. 2008. № 5.
8. Данилов М.В. Исследование российской многопартийности: традиции и инновации. Саратов, 2006.
9. Скрипкина Ж.Б. Избирательные системы и технологии: учеб. пособие. М., 2005.
10. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: http://www.cikrf.ru/vib_arhiv/gosduma/index.jsp (дата обращения: 05.06.2009).

S.V. Anoshina
Political Behavior of Women
in Russia:
Features of Electoral
Preferences Formation

The author researches the specificity of formation of electoral preferences of women in Russia. Factors influencing women's electoral preferences are defined and analyzed.

Key words and word-combinations: electoral preferences of women, motivation of electoral behavior, subjective and objective factors.

Исследуется специфика формирования электоральных предпочтений женщин в России. Определяются и анализируются факторы, влияющие на электоральные предпочтения женщин.

Ключевые слова и словосочетания: электоральные предпочтения женщин, мотивация электорального поведения, субъективные и объективные факторы.

УДК 32.01:316.353
 ББК 66.04:60.54

С.В. Аношина

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Электоральное поведение населения – одно из самых ярких и распространенных проявлений политической активности и важнейшее условие демократического развития страны. При его изучении все большее внимание уделяется электоральному поведению женщин, что во многом объясняется спецификой половозрастной структуры населения Российской Федерации, а именно численным перевесом женского электората над мужским. Особенно это заметно в старших возрастных группах, которые по опыту избирательных кампаний 1993–2008 гг. являются наиболее активными избирателями с самой маленькой по сравнению с другими возрастными группами долей абсентеизма. Соответственно,

особенности демографической структуры населения России отражаются на численности избирательного контингента и соотношении в нем женщин и мужчин.

Преимущество женщин по количественному критерию превращается в «качественное» преимущество. Исход выборов становится в значительной степени зависимым от голосов женщин. По этой причине анализ специфики поведения женского электората важен не только для отображения роли женщин в современном обществе и уровня произошедших перемен, но и для прогнозирования результатов выборов.

Электоральные предпочтения населения формируются под влиянием ряда факторов, но основополагающей и причиннообразующей для изучения данного вопроса является проблема мотивации. Предполагается, что, изучив основные факторы, оказывающие определяющее влияние на женщин в России, можно учитывать специфику их электорального поведения, выделить типологические группы электоральной активности.

Факторы, влияющие на процесс формирования у человека мотивов принятия электорального решения, делят на объективные и субъективные [1]. В качестве объективных факторов рассматриваются характеристики политической социализации: пол, возраст, образование и другие. К субъективным относятся политическая идеология, воздействие средств массовой информации, специфика влияния различных организаций. Такая классификация применима и к исследованию мотивации электорального поведения женщин.

Существенное значение среди объективных факторов имеют возрастные характеристики. Как показывают исследования различных гендерных центров, возрастная категория женщин от 18 до 30 лет отличается высокой степенью абсентеизма, при этом эмоциональностью и радикальностью выбора. Женщины старших возрастов основательно подходят к электоральному решению: для них свойственна щепетильная оценка достоинств и недостатков претендентов, практический взгляд на программы. Они обращают внимание на наличие в программах социальных гарантий по старости.

Отметим, что современная демографическая ситуация в России характеризуется перевесом пенсионных групп. Численность женщин-пенсионерок значительно превышает численность мужчин-пенсионеров. Большая часть пожилых женщин – одинокие люди, не находящие себя в традиционной сфере семейной самореализации. Если раньше значительная часть пенсионерок продолжала трудовую деятельность, то сегодня их рабочие места либо сокращены, либо заняты более конкурентоспособными и молодыми людьми. Этим как раз и объясняется то, почему пенсионерки проявляют повышенный интерес к выборам. Именно они составляют основную часть женского электората и обладают большим ресурсом общественно-политической активности.

Еще одна специфичная черта этой группы избирателей – жесткость политических позиций, что видно на примере и женского электората КПРФ. Пенсионерок-коммунисток практически невозможно переубедить, во многом благодаря чему партия так долго занимает одну из лидирующих позиций. С уменьшением же возраста тенденция меняется: чем моложе электорат, тем он более

подвержен внешнему влиянию и склонен к изменениям политических пристрастий.

Электоральные предпочтения женщин обусловлены также уровнем образования. Базой учета в параметре образования являются переписи, итоги которых трансформируются в три крупные группы: группа дипломированных специалистов; группа имеющих среднее общее образование; группа женщин с образованием ниже среднего [2].

Из последних избирательных кампаний очевидно, что самыми активными женщинами-избирателями являются представители второй группы. В третьей присутствует наибольшее количество сторонниц абсентеизма. Женщины с высшим образованием – не самые активные избиратели, однако именно они способны под влиянием авторитета выстроить электоральное поведение других людей, не имеющих своих предпочтений, но являющихся активными избирателями. В данном случае таким «авторитетом» служит высшее образование. Многие из кандидатов использовали эту особенность в период предвыборной борьбы. Избирательницы, как правило, прислушиваются к мнению более грамотного человека. О кандидате как хорошем политике, ученом, специалисте рассказывали «авторитетные» люди, имеющие высшее образование.

Для понимания специфики электорального поведения женщин выделяется географический фактор, который можно рассмотреть с двух позиций. Первая позиция предполагает деление страны на районы в зависимости от их политической ориентации. Не случайно субъекты РФ со сходными политическими предпочтениями почти всегда соседствуют друг с другом. Например, на территории Российской Федерации прослеживается плеяда регионов со сравнительно весомой коммунистической ориентацией избирателей. Их особенность – высокая доля сельского населения и часто аграрная (аграрно-индустриальная) специализация. При таком подходе электоральное поведение женщин гендерно не выражено.

Другая позиция предполагает деление женского электората на проживающих в городской и сельской местностях. Как показывают наблюдения за предыдущими избирательными кампаниями, женщины сельской местности участвуют в выборах активнее горожанок.

Представительницу села больше волнуют хозяйственные проблемы, она более расчетлива, у нее не так много времени, чтобы интересоваться предвыборными программами, и она руководствуется подсчетом возможных выгод от будущей деятельности кандидата или партии. Часто позиция избирательницы из сельской местности консервативна и сводится к принципу: «Этого человека я уже знаю, поэтому буду голосовать за него». По этой причине женщины сельской местности часто склонны доверять консервативным идеалам. Однако жительница сельской местности более управляема, что объясняется недостатком в сельской местности информации, необходимой для рационального выбора. В большинстве сел России люди ограничиваются двумя общенациональными каналами телевидения и чаще всего лишь одной районной газетой, поэтому представительница села голосует, полагаясь на личные симпатии.

Электоральные предпочтения женщин зависят и от национального фактора. В ряде случаев при определенных условиях принадлежность к той или иной национальности может оказывать огромное воздействие на электоральное решение.

Российская Федерация образована по национально-территориальному принципу. Разумеется, что в тех субъектах, где национальный принцип – определяющий, существует своя специфика политического поведения, причем с повышением уровня выборов (от местных к федеральным) воздействие этого фактора слабеет. Как правило, такое поведение национальной группы свидетельствует о ее замкнутости и, следовательно, об остроте национальной проблемы. Однако в нашей стране проведение выборов без влияния фактора национальности на электоральное поведение граждан пока не представляется возможным.

С национальным фактором тесно связан фактор религиозности. Например, женщины мусульманского вероисповедания менее активны во всех сферах жизни, в том числе и политической. Чаще всего они формируют свое электоральное предпочтение, исходя из мнения супруга, отца. Здесь действует еще одна закономерность – высокая религиозность определяет более консервативные политические предпочтения, а менее высокая – либеральные или левые.

Если влияние объективных факторов на формирование электорального поведения женщин сопряжено, скорее, с определенными условиями существования, действующими независимо от их воли, то субъективные факторы связаны прежде всего с процессами, происходящими в современном массовом политическом сознании, которое неотъемлемо от понятия политической идеологии.

Воздействие идеологии на электоральный выбор женщин во многом осуществляется через их участие в различных объединениях, особенно женских. На сегодня зарегистрировано около 800 женских организаций [3]. Это означает, что в среднем в каждом субъекте РФ действует от 15 до 40 женских организаций. В городах федерального значения (Москва, Санкт-Петербург) их свыше ста пятидесяти. Число существующих женских организаций в России (в том числе и не зарегистрированных органами юстиции) может превышать число зарегистрированных более чем в два раза. Однако если учитывать тот факт, что, по данным Госкомстата, в России действуют 200 тысяч некоммерческих организаций, то женские организации составляют лишь около 1% от числа всех некоммерческих организаций России. При этом, к сожалению, нельзя сказать о наличии у этих организаций определенной идеологии.

Оформившаяся в 1990-е годы идеология женских организаций во многом исчерпана [4, с. 119]. Назрела необходимость существенного редактирования стратегического курса женских организаций, которые сегодня слишком сосредоточены на мелких проблемах, замкнувшись в себе. В целом же идеологическое влияние возможно только в том случае, если будет осуществляться продуманное, организованное воздействие на людей. Среди средств такого воздействия можно назвать языковые формулы, создаваемые и навязываемые имиджи, стереотипы. В этом велика роль средств массовой информации.

Эффективность воздействия СМИ на электоральное поведение женщин в первую очередь зависит от информационной восприимчивости избирательниц. Женщины менее политизированы по сравнению с мужчинами, тем не менее в силу своей эмоциональности и повышенной чувствительности женщины обладают более высокой восприимчивостью. По очевидным причинам самое большое количество интересующихся политикой женщин среди пенсионерок (в связи с наличием свободного времени и сложившейся в советские времена традицией), женщин-руководителей (по устоявшимся стереотипам руководителю необходимо постоянно получать новую информацию), жительниц центрального региона (так как они активнее включены в информационно-политическое поле). Самой высокой эмоциональной восприимчивостью обладают женщины молодого и среднего возраста, женщины со средним и средним специальным образованием, жительницы крупных городов, причем информационная восприимчивость накануне выборов значительно выше, чем задолго до них.

Особое место среди субъективных факторов, влияющих на электоральное поведение женщин, занимают экономические кризисы. В трудной социально-экономической ситуации конца прошлого столетия, когда почти все население (в том числе женщины) находилось в стрессовом состоянии, невозможно было сохранять иерархию жизненно важных ценностей и оставаться политически активными. В последние избирательные кампании положение начало стабилизироваться, но сегодня кризисная ситуация, хоть и в меньших масштабах, повторяется. В таких условиях важными становятся ценности более низкого уровня, чем в условиях социальной и экономической защищенности. Женщины вынуждены смещать ценностную иерархию от политических к индивидуальным и семейным ценностям. Происходит процесс «аскетизации» женщин, когда они отказываются от того, чего не имеют возможности получить.

Таким образом, в России складывается несколько видов электоральной активности женщин. Определенная часть женщин в период избирательных кампаний принимают активное участие в политической игре, выдвигают свои кандидатуры. Другие – активно стараются проанализировать происходящее и гарантированно обеспечивают явку на выборах, голосуют, как им кажется, по собственному, продуманному выбору. Два этих вида поведения характерны для экономически и социально благополучных слоев.

Еще одной группе активных женщин свойственны сформированные оппозиционные установки. Четвертая группа объединяет женщин, живущих в довольно бедственном положении, но пытающихся использовать все возможные способы влияния на власть. Представительницы этой группы, как правило, разочаровываются после каждых выборов и ищут новую партию «несбыточных ожиданий». Эта мотивация проявляется в резком изменении предпочтений к партийным претендентам на выборные посты. С другой стороны, большая часть женщин, находящихся в бедственном положении, ведут себя пассивно, безразлично, они не уверены в способности изменить жизненную ситуацию. Подобные жизненные обстоятельства вынуждают этих женщин замыкаться на

семейных проблемах, тем не менее многие из них дисциплинированно ходят на выборы.

До проведенной реформы избирательной системы существовала и группа так называемых нигилистов, которые выражали свое политическое участие в виде протестного голосования. Сегодня поведение этой группы избирательниц выражается лишь в виде намеренного неучастия в голосовании. Последняя группа женщин не голосует в силу сложившегося гедонистического образа жизни. Сам по себе такой образ жизни не имеет никакой связи с политикой. Две последние группы, как правило, составляют абсентеисты.

Библиографический список

1. *Охременко И.В.* Электоральное поведение: теория вопроса: учеб. пособие: в 2 ч. Волгоград, 2002. Ч. 1.
2. *Сергеева И.Н.* Основные факторы, влияющие на электоральное поведение граждан в субъектах Российской Федерации // Сборник конкурсных работ в области избирательного права, избирательного процесса и законодательства о референдуме, выполненных студентами и аспирантами высших юридических учебных заведений (юридических факультетов вузов) Российской Федерации в 2002/03 учебном году. М., 2003. С. 244–263.
3. Женские организации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института развития гражданского общества и местного самоуправления. URL: <http://www.c-society.ru/main.php?ar2=50&ar3=4> (дата обращения: 17.03.2009).
4. *Казакова А.А.* Женское движение в современной России: проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2007. № 3. С. 118–120.

T.I. Chapanov
On the Role of Justice
in the Russian Law Science

The category of justice is considered as a basic system-making principle of law. The proposal of its uniform consolidation in frames of all procedural branches of legislation is made.

Key words and word-combinations: civil, arbitrary procedure, justice.

Категория справедливости рассматривается как базовый, системообразующий принцип права. Вносится предложение о единообразном его закреплении в рамках всех процессуальных отраслей законодательства.

Ключевые слова и словосочетания: гражданский, арбитражный процесс, справедливость.

УДК 34(470+571)
ББК 67(2Рос)

Т.И. Чапанов

О РОЛИ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВОВЕДЕНИИ

Актуальной задачей любой юридической науки, науки гражданского процессуального права в частности, всегда было и будет отражение в праве основных социальных ценностей, признанных в обществе. Справедливость – одна из таких ценностей, перманентно актуальных для всех стадий общественного развития. Несмотря на всеобщность ее проявления, в юриспруденции потенциал данной категории, носящей универсальный характер, оставляет почву для будущих исследований и остается пока во многом еще не раскрытым. Речь идет не только и не столько о дефинитивных оценках, поскольку дефиниции «всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция» [1, с. 634–635]. В юридической науке справедливость является объектом постоянных исследований, при этом можно констатировать отсутствие единства взглядов на данную категорию, на саму возможность ее присутствия в праве.

Как в философии, так и в праве неодно-

кратно указывалось на оценочный характер справедливости [2, с. 68]. Оценочные термины выражают нечеткие понятия закона, которые в российской правовой доктрине принято именовать оценочными понятиями. Необходимость их использования в теории права и, применительно к тематике настоящего исследования, в гражданском и арбитражном процессуальном праве, обоснованная Р.О. Опалевым, бесспорна. Данные понятия играют важную роль в праве, придавая гражданской и арбитражной процессуальной форме гибкость, стабильность, обеспечивают относительно беспробельное регулирование процессуальных правоотношений [3, с. III].

При раскрытии вопроса о роли и месте справедливости в праве практически все авторы указывают на связь справедливости «социальной» и «правовой». Фактически социальная справедливость является аксиологической категорией, с обязательным учетом которой должны устанавливаться юридические критерии оценки деятельности людей, притом что защищаемые ею ценности в определенной степени не статичны. Основными составляющими содержания социальной справедливости являются общечеловеческие ценности, такие, как свобода, равенство, гуманизм, с позиций которых производится оценка деятельности как конкретных людей, социальных и иных групп и организаций, которые они образуют, так и государства в целом. В таком случае социальная справедливость может быть определена как сложившаяся в данном обществе на базе требований экономики, политики, права и нравственности система оценки действий, поступков и социальных явлений. Из изложенного следует сделать вывод: чтобы правоприменительная деятельность государства пользовалась авторитетом в обществе, при ее осуществлении необходимо руководствоваться социальной справедливостью, выраженной посредством нормативной регламентации и закрепленной в праве.

Ситуацию осложняет существующая до настоящего времени терминологическая неопределенность в вопросе о том, именовать ли справедливость «правовой» или «юридической» [4]. Так, В.Н. Кудрявцев [5], В.М. Баранов [6] используют оба указанных термина, фактически отождествляя их. С.Ф. Афанасьев указывает на необходимость реализации категории справедливости в праве, не затрагивая проблему практического осуществления данного предложения [7, с. 135–142]. Соглашаясь с высказанным М.А. Видутом мнением о динамичном характере правовых понятий и терминов, возможности их изменения по содержанию и форме, что особенно актуально применительно к категории справедливости, отметим в качестве существенного недостатка занимаемой ею позиции, что указанная возможность изменения их содержания фактически реализуется не столько под влиянием совершенствования терминологического аппарата, сколько под воздействием изменения фактического наполнения содержания соответствующих понятий и терминов в процессе исторического развития общества, что, в свою очередь, влечет соответствующие изменения в праве [8, с. 9].

Полагаем необходимым устранение терминологического разнообразия в обозначении одного и того же понятия, считая некорректной позицию [9], ставящую под сомнение саму возможность присутствия справедливости в праве при

прямом нормативном закреплении данного термина в ряде основополагающих международно-правовых и внутренних нормативных актов. В дальнейшем применительно к характеристике проявления категории справедливости в праве предлагаем пользоваться термином «юридическая справедливость», признавая очевидную нетождественность проявления справедливости в праве и во всех остальных сферах общественной жизни.

С позиций социальной справедливости как общефилософской категории, оперирующей прежде всего морально-нравственными категориями добра и зла, «хорошего» и «плохого», может быть дана оценка практически неограниченному кругу общественных явлений. Введение категории справедливости в право возможно лишь при четком определении предмета ее оценки, введении ясных критериев данной оценки. Поэтому следует сделать вывод, что с точки зрения юридической справедливости могут оцениваться лишь юридические факты, как влекущие за собой возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

Таким образом, юридическая справедливость распространяет свое действие лишь на те общественные отношения, которые урегулированы правом. При этом, соглашаясь с мнением И.И. Андриановской [10], заметим: справедливость в праве может рассматриваться, во-первых, как особое качество, присущее праву в целом (всем отраслям права); во-вторых, как принцип права (общеправовой, отраслевой).

Идея справедливости заложена, в сущности права изначально, притом что нормативного определения справедливости право не содержит. Следует отметить, что в действующем законодательстве используется понятие справедливости, однако фактически оно носит чисто идеологический, а не функциональный характер. Например, в преамбуле Конституции РФ выражена вера в добро и справедливость.

В юридической практике получается парадоксальная ситуация, когда, оперируя термином «справедливость» (в качестве примера использования данного понятия можно привести ч. 2 ст. 6 УК РФ; ст. 2 ТК РФ; п. 3 ст. 2 АПК РФ; п. 2 ст. 6, п. 3 ст. 451, п. 2 ст. 1101 ГК РФ), законодатель не указывает, какое вложено в него содержание. Отсутствие в законодательстве легального определения справедливости приводит к «размыванию» сущности данного понятия, а то и дроблению ее на множество подкатегорий, таких, как «историческая справедливость» [11], «социальная справедливость» (ст. 43 УК РФ; ст. 9 Закона «О политических партиях»), оперированию на нормативном уровне некой «идеей социальной справедливости» (например, в ст. 9 Закона «Об общественных объединениях»). Не отрицая саму возможность существования данных подкатегорий в праве, еще раз подчеркнем, что первичным является задача выработки базового определения справедливости в праве, без чего всякое, в том числе и дифференцированное, по отношению к различным отраслям, использование данного понятия утрачивает практический смысл.

Рассматривая указанную проблему в сравнительно-правовом аспекте, отметим, что европейскому законодательству понятие справедливости отнюдь не чуждо. Более того, справедливость воспринимается там как одна из фундамен-

тальных основ современного судопроизводства и судоустройства, будучи закреплённой в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, причем фактически указанный документ не ограничивается констатацией необходимости построения судебного процесса на основе данного принципа, а содержит четкие критерии создания условий для справедливого судебного разбирательства, относя к ним прежде всего разрешение дела независимым, беспристрастным судом, созданным на основании закона. В качестве примера удачной рецепции приведенного положения можно привести ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Украины, в котором указано, что заданием гражданского судопроизводства является справедливое, беспристрастное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел [12, с. 33].

Возвращаясь к анализу российского законодательства, нельзя не отметить непоследовательность подхода к отражению справедливости в «родственных» процессуальных отраслях права, когда данная категория, присутствуя в арбитражном процессуальном и уголовном процессуальном кодексах, не находит отражения в ГПК РФ. Буквальный анализ содержания указанных нормативных актов позволяет сделать парадоксальный вывод, что, в то время как можно наблюдать четкую тенденцию к унификации рассматриваемых процессуальных отраслей права в части регламентации содержания основных процессуальных принципов, как, впрочем, и их состава, ключевых процессуальных институтов (доказывания и доказательств, судебных извещений), требование справедливости, являясь в доктрине европейского права базовой основой судоустройства и судопроизводства, не только совершенно различным образом закреплено в УПК и АПК РФ, но и вообще не распространяется на гражданский процесс.

Очевидно, что следует единообразно подойти ко всему процессуальному законодательству, нормативно закрепив справедливость в качестве межотраслевого принципа в области права. Считаем, что юридическая справедливость должна найти свое отражение в праве и в качестве общеправового принципа, будучи закреплённой на конституционном уровне, и на уровне отдельных отраслей права, где данный принцип должен получить более детальное закрепление и наполнение с учетом соответствующей специфики.

Применительно к сфере гражданского и арбитражного процессов укажем, что социальная природа судебной власти как раз и состоит в разрешении судьями с позиции справедливости конфликтов противоборствующих интересов в обществе. Именно суд при осуществлении правосудия олицетворяет истинное право, истинную справедливость. Не случайно во многих иностранных языках понятия «правосудие» и «справедливость», «право» и «справедливость» являются синонимами и неотделимы в своем значении.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, необходимость «социализации» права, отражения в нем нравственных начал, повышения авторитета права, а значит, и государства в жизни общества обуславливает необходимость введения в правовую материю категории справедливости. Во-вторых, с позиции как теории права, так и правоприменения в качестве конечной цели введения в область права понятия справедливости выступает достижение максимально возможного сближения справедливости в общеправовом

ском и общественном понимании с нормативным ее закреплением, что возможно лишь в результате последовательной итерации данных понятий в процессе развития права и общественного сознания. В-третьих, в контексте рассматриваемой проблемы процесс этот возможен лишь при условии выработки четких критериев оценки справедливости нынешнего гражданского и арбитражного судопроизводства, позволяющих создать систему с обратной связью, постоянно проверяющую соблюдение заложенного принципа в правоприменительной деятельности судов. В-четвертых, представляется необходимой разработка четкого законодательного определения юридической справедливости.

Опираясь на проведенное исследование справедливости как философской и правовой категории, юридическую справедливость можно определить как нормативно закрепленное в качестве общеправового принципа понятие, призванное отражать в праве морально-нравственные представления о должном, сложившиеся в данном обществе, определяющее требование соответствия прав и обязанностей субъектов правоотношений. Категория справедливости, объективируясь в праве, должна быть отражена в нем, во-первых, на уровне общей теории, где требуется разработать концепцию юридической справедливости, в том числе как общеправового принципа, дать ее определение, сформулировать критерии, а во-вторых, на уровне отраслевых наук, где юридическая справедливость должна находить свое конкретное наполнение и воплощение.

Применительно к гражданскому и арбитражному процессу справедливость должна стать уравнивающим началом, нормативно социализирующим действие принципов состязательности и диспозитивности в «чистом» их виде.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20.
2. Малешин Н.С. О справедливости, праве, ответственности // Теория права: новые идеи: сб. М., 1992. Вып. 2.
3. Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М., 2008.
4. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992.
5. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986.
6. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Саратов, 1989.
7. Афанасьев С.Ф. Институциональный элемент права на справедливое судебное разбирательство в интерпретации Европейского Суда по правам человека // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2007.
8. Вилкут М.А. О лицах, участвующих в судебном гражданском деле // Там же.
9. Бозров В.М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2005. № 4.
10. Андриановская И.И. Проявление категории «справедливость» в праве // Наука, образование, общество: Интернет-журнал СахГУ. URL: <http://journal.sakhgu.ru/work.php?id=54> (дата публикации: 14.09.2006).
11. О реабилитации репрессированных народов: Закон РФ от 26 апр. 1991 г. // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 18. Ст. 572.
12. Белоусов Ю.В. Основные направления развития гражданского процессуального законодательства Украины // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2007.

V.S. Egorov
 The Basic Theories of State
 Compulsion in Criminal Law

The basic concepts of the state compulsion in various stages of formation and development of the scientific-legal doctrine are considered. The conclusion of their conditionality and social value is drawn.

Key words and word-combinations: compulsion, punishment, the state, the law, the norm.

Рассматриваются основные концепции государственного принуждения на различных этапах становления и развития научно-правовой доктрины. Делается вывод об их обусловленности и социальном значении.

Ключевые слова и словосочетания: принуждение, наказание, государство, право, норма.

УДК 343.222
 ББК 67.408

В.С. Егоров

ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Будучи многоаспектным явлением, государственное принуждение в уголовном праве в различные периоды развития отечественной правовой доктрины трактовалось неоднозначно. На этом основании немаловажным для определения юридической природы государственного принуждения является исследование юридических концепций, определяющих исследуемый институт.

Одной из первых научных позиций, объясняющей содержание принуждения уголовно-правового характера, стала теория защиты или необходимой обороны. Представители этой теории, отмечает И.Я. Фойницкий, рассматривают наказание как институт, существующий для поддержания силы и авторитета государственной власти. Они исходили из признания того, что законы могут быть нарушены, а значит, для их охранения необходимо наказание [1, с. 16]. Поэтому согласно этой концепции задача государства заключается в ограждении общей безопасности, в силу чего совершение преступления порождает применение наказания. В соответствии с анализируемой теорией наказание определяется как мера охранения государственного и общественного существования. Его применение позволяет пресечь начавшееся нарушение закона, представляющее опасность для интересов общества, а также оградить окружающих от преступника.

Один из авторов рассматриваемого подхода – Монтескье – указал, что причинение государственного зла одним разумным суще-

ством заслуживает причинения такого же зла для охранения общества от его повторения [2, с. 66]. С.А. Муромцев, характеризуя защитные свойства права, отмечал следующее: «Юридическая (организованная) защита составляет основное отличительное свойство права, своим существованием обуславливающее и вызывающее другие характерные свойства его» [3, с. 266].

Преступник, по убеждению П. Гольбаха, фатально определен средой, а значит, наказание неизбежно обусловлено стремлением общества к защите своих интересов [4, с. 106]. Следовательно, несмотря на строгость воздействия, правовое принуждение являет собой естественную реакцию на совершение преступления и способствует недопущению повторения преступного деликта.

Близкие по содержанию взгляды высказал Ч. Беккариа, основавший свою позицию на концептуальных положениях договорной школы права, в соответствии с которой наказание происходит из общественного договора, в результате чего граждане поступились своими свободами, осознавая необходимость защиты общих интересов. Ввиду этого применение мер принуждения уголовно-правового характера является крайним способом воздействия, основанным на необходимости защиты общественного блага от посягательств частных лиц [5, с. 17–19].

Теория полезности разработана в политико-правовом учении Бентама, с точки зрения которого преступником признается тот, кто неправильно рассчитал, какой поступок окажется для него более полезным. Шведский исследователь Х. Там констатирует, что в рамках данной теории тяжесть наказания определяется ценностями, которые индивид утрачивает, будучи подвергнутым наказанию. Этими ценностями, в частности, являются количество свободного времени, личные права и материальные блага [6, с. 67].

Основывая свое учение на признании демократической природы государственной власти, созданной нравственно здоровой и свободной нацией, Бентам делает вывод, что государство, борясь с преступностью, стремится тем самым создать максимальную пользу для людей и избавить их максимально от вреда их интересам [7, с. 11–15]. В случае если это будет необходимо, Бентам допускает возможность применения и позорящих и членовредительских наказаний, а также принципа талиона [8, с. 168–170]. В рамках своей теории Бентам определяет, что наказание всегда должно превосходить прибыль от преступления. При этом мыслитель приходит к выводу, что наказание по своей сути есть зло, вследствие чего оно не должно быть большим, нежели это необходимо в конкретной ситуации [9, с. 243–249]. Разумность и обоснованность права, по мнению Бентама, настолько очевидны, что не требуют рационального обоснования, должны восприниматься необходимо и также необходимо исполняться [10, с. 29].

Сторонник рассматриваемой доктрины – Макиавелли отмечает, что сильное государство, способное в случае необходимости подавить инакомыслие и обеспечить общественную стабильность, является полезным и необходимым для своих граждан [11, с. 41–44]. Государь – это разумный властитель, применяющий на практике правила борьбы, ведущие к достижению цели, успеху. Макиавелли отвергает мысль об идеальном государстве и правителе. В сущности, он

провозглашает в качестве закона правило «цель оправдывает средства», однако целью этой является не частный интерес, а всеобщее благо, которое немыслимо без сильного государства, способного обеспечить порядок [12, с. 151–152].

Теория возмездия определяет наказание и иные меры государственного принуждения как ответную реакцию государства на совершение преступления, которая выражается в адекватном принуждении виновного. Для наказания-возмездия, пишет Е.Н. Зиньков, центром тяжести является соблюдение принципа, провозглашающего, что вред от наказания не должен превышать вреда от преступления [13, с. 14].

Интересные мысли по этому поводу высказал М. Фуко, понимавший преступление как опасное для государства и граждан посягательство, в связи с чем применение к виновному наказания являет собой способ защиты общества и воздаяния в ответ на нарушение закона. Он считал, что «правонарушение противопоставляет индивида всему общественному телу; для того чтобы наказать его, общество вправе подняться против него всем корпусом» [14, с. 131]. Но при этом меры принуждения должны быть, по его мнению, направлены не столько на устрашение, сколько на возмещение обществу вреда от преступления и предупреждение нового, посредством применения наименее строгого из числа возможных воздействия. Поэтому М. Фуко приходит к выводу, что наказание – во многом вынужденное, но все же необходимое средство воздействия, применяемое, в предусмотренных законом случаях, для защиты общественного интереса, соразмерное последствиям преступления.

Нравственный подход к природе принуждения заключается в обусловленности его не столько свойствами права и интересами общества, сколько моральными требованиями, изначально присущими человеческой природе. На данном основании главное свойство наказания определяется способностью чувственно воспринять его воздействие, отразив в сознании отрицательную оценку поведения определенного индивида. И.В. Михайловский указывает, что этические начала преобладают в сознании индивида над нормами права, поэтому наказуемость поведения в первую очередь определяется внутренней оценкой, пониманием безнравственности своего поступка [15, с. 269–275].

Схожую по содержанию концепцию разработал Гегель, выводя свойство права принуждать из особенностей человеческого мышления: право в форме сознания представляет собой закон, который является проявлением творящего начала, восходит к единичности и коренится в свойствах человеческой природы. Закон, по Гегелю, олицетворяет собой сущность сознания, непосредственное нравственное бытие [16, с. 224–228], определяет преступление как отрицательную жизнедеятельность, которая уничтожает абсолютную нравственность как идеальную определенность, поэтому в связи с преступлением находится справедливость возмездия, которое подчиняет себе отрицание.

Право, считал Гегель, будучи объективной категорией, подчинено силе разума, следовательно, любое его нарушение само по себе является ничтожным, поэтому наказание являет собой отрицание отрицания. «В уголовном правосудии нет определенности, а есть индивидуальность, безразличие к целому, жизненность, личность. Отрицание в гражданском праве является чисто идеаль-

ным, а в уголовном – реальным; ибо отрицание, которое направлено на целокупность, реально» [17, с. 365].

Кант при характеристике морали довольно часто использует термин «закон» и даже «законодательство», отражая связь правового и нравственного [18, с. 65–66]. «Все видели, что человек своим долгом привязан к законам, но не догадывались, что он подчинен только своему собственному и однако же всеобщему законодательству и что он обязан действовать, только сообразуясь со своей собственной волей, всеобщезаконодательной, однако, согласно цели природы» [19, с. 181]. Критикуя чистый разум, философ определил наиболее приоритетными направлениями развития человеческую мудрость и разум, основанные на моральных понятиях [20, с. 45–347].

Основанное на воле правителя право, считал Кант, есть способ обеспечения гражданской безопасности, нравственного развития человека. По мысли великого гуманиста, принуждение должно увеличивать свободу – только в этом случае оно оправдано и способствует развитию общества. Им разработана идея карающего императива: наказание лишь потому должно налагаться на преступника, что он совершил преступление; преступник должен быть признан подлежащим наказанию до того, как возникнет мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для него самого или для его сограждан. Карающий императив есть категорический императив, и горе тому, кто в изворотах учения о счастье попытается найти нечто такое, что по соображениям обещанной законом выгоды избавило бы его от кары или хотя бы от какой-то части ее. В итоге категорический императив позволяет достичь высшие цели человечества, обеспечив существование совершенного гражданского общества [21, с. 50–51].

Психологическую природу государственного принуждения в уголовном праве обосновал Э. Дюркгейм, который видел преступление как нарушение чувств, оскорбление общественного и властного авторитета. На этом основании он не считает возмездие и искупление основными свойствами государственного принуждения в уголовном праве. Наказание, по убеждению Э. Дюркгейма, по своему существу состоит во внушенной страстью реакции различной степени интенсивности, осуществляемой обществом через посредство установленного органа в отношении тех своих членов, которые нарушили известные правила поведения [22, с. 80–96].

Сторонники биологической школы преступности, объясняя природу последней клиническими и психологическими свойствами человека, выводят из этого особый тип прирожденного преступника, рано или поздно способного пойти на нарушение уголовного закона [23, с. 188–189]. Так, основоположник этого направления Ч. Ломброзо определил склонность к совершению преступлений врожденными качествами личности [24, с. 138–140]. На данном основании для предупреждения преступления, которое непременно должно произойти, требуется применение средств безопасности. При этом приверженцы рассматриваемой теории обосновывают необходимость реализации мер безопасности в отношении не только душевнобольных, но и нормальных людей, потенциально способных совершить преступление.

Представители теории безопасности рассматривают преступное поведение с

позиций социологической школы, согласно которым опасное состояние лица может само по себе стать предпосылкой применения мер предупреждения. Один из авторов этой концепции – Ф. Граматика выступает против понимания наказания как возмездия и аргументирует необходимость осуществления предупредительно-воспитательных мер на ранней стадии, в процессе формирования антиобщественных привычек [25, с. 21–22]. Теоретический подход к государственному принуждению, являвшийся отражением социологической школы права, преобладал в уголовно-правовых концепциях отечественной науки 20–30-х годов прошлого столетия. Так, по мнению Н.В. Крыленко, наказание и иные меры уголовно-правового характера должны были являться не способом реакции на совершенное преступление, а способом социальной защиты от лица, представляющего по своему состоянию или поведению опасность для общества [26, с. 235]. На опасность лица как предпосылку применения мер принуждения уголовно-правового характера в указанный период обращает внимание О.Ф. Шишов [27, с. 28–29]. Рассматриваемый подход нашел отражение в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР 1924 г., а впоследствии и в УК РСФСР 1926 г.

С развитием правовой мысли получили распространение теории, отрицающие право государства наказывать человека. Сторонники этой школы права, в частности Р. Оуэн, придерживаются мнения, что система карательных мер во всем ее объеме или, по крайней мере, в отдельных частях лишена всякого разумного основания. Такое положение дел противоречит природе человека, в связи с чем государство должно уделять внимание вопросам не наказания, а предупреждения преступлений [28, с. 168–176].

Т. Мор в рамках своего социал-утопического учения отстаивал идеалы не подчинения личности обществу, а гармоничного сочетания индивидуальных и общесоциальных интересов. В данной связи мыслитель отрицал возможность подавления личности государством, ее принуждения во имя всеобщего блага [29, с. 120–121]. Вместо наказания Т. Мор предлагал применять меры увещевания и внушения, лежащие на специально уполномоченных священниках, и только за наиболее «ужасные» преступления в виде исключения допускал возможность назначения наказания. Казнь, равно как и иные строгие наказания, недопустимы и опасны, ибо загоняют преступника в угол, поэтому как альтернативу им Т. Мор предлагал применение общественных работ [30, с. 138–141]. Он указывал, что источником преступлений служат обеднение народа, непристойные дома, праздное дворянство.

Кампанелла в своем «Городе солнца» порицал аморализм политиков и тиранов, придумавших понятие «государственная необходимость», которое сводится только к выгодному для них правилу сохранения власти, ради которой они готовы на ущемление интересов граждан. Способами недопущения проступков он называет вместо применения наказания повсеместное искоренение пороков, их замену на любовь к общине, равное распределение труда [31, с. 136–137].

Близкие по своему содержанию мысли о неправомерности государства к принуждению личности высказал Н.А. Бердяев в рамках своего многоаспектного христианско-персоналистского учения, затрагивающего различные вопросы,

в том числе свободы, справедливости, предназначения человека, его борьбы с природным злом. Одним из основных в концепции Н.А. Бердяева является положение об абсолютных правах человека, имеющих божественное происхождение и независимых от государства [32, с. 49]. Интересы личности имеют высшую ценность и приоритет над государственными, власть которых греховна и не вправе подавлять прав и свобод индивида: «Нация, государство, семья, внешняя церковность, общественность, социальный коллектив, космос – все представляется мне вторичным, второстепенным, даже призрачным и злым по сравнению с неповторимой индивидуальной судьбой человеческой личности» [33, с. 321–332]. Государство, по убеждению Н.А. Бердяева, не имеет морального права карать человека, для этого необходима более высокая и нравственная – религиозная – сила [34, с. 121–122].

Здравый смысл, отражающий наиболее характерные свойства государственного принуждения в уголовном праве, прослеживается в каждой из приведенных доктрин. В отечественной системе мер уголовного принуждения в настоящее время наиболее ярко проявляются черты теории устрашения, когда государство, не имея возможности эффективно реализовывать меры исправительного и воспитательного воздействия, строго принуждает осужденного, формируя тем самым страх перед возможностью последующего карательного воздействия. В то же время, по нашему мнению, по-настоящему эффективным является государственное принуждение в уголовном праве, сочетающее в себе черты не только устрашения, но также справедливого возмездия, воспитывающего позитивные социально ориентированные установки и направленного не только на причинение виновному страданий, но и на формирование у него общественно полезных навыков.

Библиографический список

1. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000.
2. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980.
3. Золотухина Н.М., Исаев И.А. История политических и правовых учений России XI–XX вв. М., 1995.
4. Гольбах П. Система природы. М., 1940.
5. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.
6. Там Х. Преступность и уровень жизни. М., 1982.
7. Бентам И. Тактика законодательных собраний. Челябинск, 2006.
8. Утевский Б.С. История уголовного права буржуазных государств. М., 1950.
9. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998.
10. Ковалев В.А. Буржуазная законность: теоретические иллюзии и судебно-полицейская реальность. М., 1986.
11. Темнов Е.И. Макиавелли. М., 1979.
12. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980.
13. Зиньков Е.Н. Теория наказания в правовых учениях XVIII–XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
15. Михайловский И.В. О религиозно-нравственных началах права // Русская философия права (антология). СПб., 1999.
16. Гегель. Политические произведения. М., 1978.
17. Гегель. Система наук. СПб., 1999. Ч. 1: Феноменология духа.

18. *Алексеев С.С.* Самое святое, что есть у Бога на земле. Имманиул Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998.
19. *Кант И.* Сочинения не немецком и русском языках. М., 1997. Т. 3.
20. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994.
21. *Кант И.* Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 6.
22. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
23. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации. М., 1984.
24. *Ломброзо Ч.* Женщина преступница и проститутка. Ставрополь, 1991.
25. *Шаргородский М.Д.* Современные теории буржуазного уголовного права. Л., 1958.
26. Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1978.
27. *Шишов О.Ф.* Проблемы уголовной ответственности в истории советского уголовного права. М., 1982.
28. *Оуэн Р.* Избранные сочинения. М.; Л., 1950. Т. 1.
29. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007.
30. *Томас Мор.* Утопия. М., 1978.
31. *Кампанелла.* Город солнца. М., 1954.
32. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990.
33. *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
34. *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999.

A.K. Gagiev
To the Question of the Concept
of Civil and Arbitrary Procedural
Law Efficiency

The problems of civil and arbitrary legal procedure efficiency estimation are considered. The concept of efficiency and its basic criteria, and the possibility of their introduction into the current legislation are researched.

Key words and word-combinations: civil procedure, arbitrary procedure, efficiency.

Статья посвящена проблемам определения эффективности гражданского и арбитражного судопроизводства. Исследуется понятие эффективности, определяются основные критерии эффективности и возможности их внедрения в действующее законодательство.

Ключевые слова и словосочетания: гражданский процесс, арбитражный процесс, эффективность.

УДК 347.9
 ББК 67.410

А.К. Гагиев

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Тематика эффективности права в целом и правовой нормы в частности является достаточно исследованной, хотя и весьма дискуссионной [1, с. 42]. В различных отраслях права и направлениях юридической науки отсутствует единообразное понимание дефиниции «эффективность». Вместе с тем данная категория часто используется как в научно-теоретическом, так и в практико-применительном отношении.

Анализ того или иного понятия не будет полным без обращения к этимологии слова, его обозначающего. Прилагательное «эффективный» в русском языке имеет значение «дающий эффект», «действенный» [2, с. 837]. «Эффективность» происходит от латинского слова «effectus», что в переводе означает «действие», «результат», «следствие». Отметим, что предлагаемый набор значений неоднороден по значению и содержит две когнитивные подсистемы – аспект действия / процесса и аспект достигаемого результата.

В науке гражданского процессуального права категория эффективности подвергалась изучению применительно к глобальному понятию правосудия. Дореволюционные и советские процессуалисты постановкой проблемы эффективности не занимались, соответственно поиски дефиниции эффективности в трудах тех лет представляются в известной мере бессмысленными. Элементы научного анализа можно найти применительно к отдельным процессуальным институтам. Так, распространенной была точка зрения относительно дифференцированного подхода к выявлению социальной эффективности каждой конкретной нормы гражданского процессуального права [3, с. 106–108].

Впервые в науке советского гражданского процесса на научный потенциал исследования прикладных аспектов эффективности права, в том числе и эффективности гражданского процессуального права, указала Н.А. Чечина. Она же определила эффективность судопроизводства как «соотношение между фактическим результатом и теми социальными целями (конституционными задачами), для достижения которых судебные органы созданы» [4, с. 31]. Таким образом, определение эффективности целесообразно в рамках оценки действия институтов правосудия в целом.

Системный кризис 1990-х годов отразился и на развитии науки. Долгое время исследования по проблеме эффективности правосудия по гражданским делам и гражданского процессуального права не велись. Первая монография, посвященная эффективности в гражданском процессе, увидела свет в 1997 г. [5]. Значение этой монографии трудно переоценить: именно А.В. Цихоцким была предложена достаточно обоснованная дефиниция эффективности правосудия по гражданским делам, исследованы проблемы измерения эффективности правосудия, произведен поиск средств повышения эффективности гражданского судопроизводства.

Ученый уделит внимание достаточно широкому кругу проблем, включая методологическую проблему гражданского судопроизводства, разграничение средств повышения эффективности правосудия и самой категории эффективности правосудия. Определение эффективности, данное А.В. Цихоцким, более широкое, нежели у Н.А. Чечиной: «Эффективность правосудия по гражданским делам есть способность (свойство) правосудия, как вида осуществляемой судом в установленной гражданской процессуальной форме государственной деятельности по рассмотрению и разрешению конкретных судебных дел вынесением по ним законных, обоснованных и справедливых постановлений, обеспечивать при определенных условиях достижение социально значимых целей» [5, с. 152].

Исследователь сводит правосудие к социально значимой деятельности суда, но ничего не пишет о процессуальной деятельности лиц, участвующих в деле. В настоящее время в рамках гражданского процесса формируются направления

процессуальной деятельности, которые нельзя свести к процессу отправления правосудия по гражданским делам судом. Развитие институтов гражданского общества и повышение уровня правовой культуры и юридической помощи обусловили зарождение и развитие институтов альтернативного разрешения споров, а также примирительных процедур, которые осуществляются сторонами самостоятельно, а суд лишь утверждает результат таких действий.

По поводу более традиционных процессуальных институтов заметим, что оценка эффективности исключительно деятельности суда искусственно снижает исследовательский потенциал в условиях известной доказательственной самостоятельности сторон, развития институтов диспозитивности и состязательности. Однако несомненной сильной стороной анализируемого определения является акцент именно на достижении социально значимых целей правосудия.

Эффективность правосудия М.С. Шакарян приравнивает к достижению цели судебной защиты, задач правосудия: для конкретного гражданина или организации правосудие доступно и эффективно, если его субъективные права, свободы или охраняемые законом интересы защищены судом, дело рассмотрено своевременно и правильно, то есть вынесено законное и обоснованное, аргументированное и справедливое решение. Но само по себе решение не всегда означает, что цель правосудия достигнута, право защищено. Для этого надо исполнить решение, если оно добровольно не исполняется. На этапе же исполнительного производства эффективность правосудия достигается законными действиями судебного пристава-исполнителя [6]. Таким образом, М.С. Шакарян считает исполнительное производство по делу, а точнее говоря, результат такого производства одним из критериев его эффективности, в целом отстаивая позицию о единстве гражданского и арбитражного процесса и исполнительного производства.

Т.Е. Абова не дает доктринального определения эффективности судопроизводства, однако останавливается на непосредственных элементах эффективности. Эффективность правосудия, по мнению исследователя, зависит от многих факторов. Один из них состоит в вынесении правильных, то есть законных и обоснованных, справедливых и разумных судебных решений и других судебных актов. Решение должно быть не только законным и мотивированным, но и справедливым. Оно должно восприниматься обеими сторонами как правильное и справедливое. Подтверждением признания решения сторонами может быть добровольное его исполнение [7].

Ю.А. Попова полагает, что оценить эффективность правосудия, абстрагируясь от гражданских процессуальных норм и перейдя к социальным целям отправления правосудия, не представляется возможным. По ее мнению, эффективность судебной деятельности при осуществлении правосудия может быть оценена прежде всего по уровню соблюдения судами гражданской процессуальной формы, регулируемой Гражданским процессуальным кодексом. Сущность гражданской процессуальной формы в настоящее время нуждается в новом осмыслении в связи с тем, что судебная деятельность по осуществлению правосудия своими специфическими формами призвана решать сложные задачи по построению истинно правового государства с широко развитым правовым гражданским обществом. Решить эти задачи без укрепления института

судебной власти вряд ли возможно, а судебная власть реализует свою основную функцию – отправление правосудия, подчиняясь строго регламентированной процессуальной форме [8].

И.А. Приходько отмечает, что эффективность процесса, который имеет своей конечной целью защиту прав и интересов граждан и юридических лиц, напрямую зависит от загрузки суда [9].

На наш взгляд, эффективность судопроизводства относится прежде всего к модели судопроизводства, изложенной в гражданском процессуальном законе. Заметим, однако, что легальная модель рассмотрения и разрешения гражданских дел в целом может быть оценена с позиций целей и задач судопроизводства, изложенных в нормах процессуального права.

В узком смысле можно определить эффективность отдельного процессуального института, нормы гражданского и арбитражного процессуального права, а также эффективность судопроизводства по гражданскому делу. Но в этом случае эффективность судопроизводства в широком смысле должна охватывать понимание эффективности в узком смысле.

Эффективность судопроизводства в широком смысле отличается определенными чертами. В первую очередь необходимо выделить нормативно-правовое определение целей и задач для гражданского судопроизводства. Следующим логическим элементом понятия эффективности является наличие адекватного механизма реализации указанных прав, что не исключает анализа эффективности отдельных гражданско-процессуальных норм.

Ф.А. Фаткуллин замечает, что достаточно проблематично оценить эффективность правовой нормы в статике, без учета реального механизма ее действия. Это отрывает правовую норму от регулируемых ею общественных отношений [10, с. 16]. Представляется, что категорию эффективности невозможно отождествлять с совершенством, поскольку такой взгляд не подходит для научного описания права, правовых систем и воздействия закона на жизнь общества.

Подводя итоги обзору научных точек зрения понятия эффективности, отметим, что, по нашему мнению, затруднительно определить критерии того или иного правового явления, минуя проблему дефиниции самого явления.

В социально-гуманитарных дисциплинах эффективность играет роль категории в значительной мере прикладной, направленной на оценку результатов деятельности человека или явления с позиции соответствия их определенной цели. В рамках юридической науки исследовалась как эффективность права в целом, так и эффективность отдельных его структурных элементов: норм, отраслей, институтов. Представляется, что выделенные учеными-правоведами существенные черты должны использоваться и в процессе конструирования общего определения эффективности в гражданском и арбитражном процессуальном праве, равно как и дефиниции критериев эффективности процессуальной деятельности суда и лиц, участвующих в деле. Данными чертами выступают: социальный результат воздействия права или его элемента на систему общественных отношений, форма воздействия права, а также наличие адекватного задачам права в гражданском обществе механизма правового регулирования.

В рамках науки цивилистического процесса исследованию подвергалась эф-

фективность правосудия как системообразующей для отрасли гражданского и арбитражного процессуального права деятельности. В целом эффективность правосудия определялась учеными либо в свете соответствия судебных решений социальным целям правосудия, либо с точки зрения соответствия конкретного решения суда целям защиты прав сторон судопроизводства.

Распространенной является привязка эффективности судопроизводства исключительно к закрепленным в законодательстве целям и задачам правосудия. Подобный подход представляется несоответствующим современному процессуальному статусу лиц, участвующих в деле, развитию состязательности в гражданском и арбитражном процессе, а также формированию институтов альтернативного разрешения споров в начавшемся процессе. Более того, роль гражданского и арбитражного процесса в обществе представляется более существенной и гибкой, нежели цели судопроизводства, закрепленные легально.

По нашему мнению, необходимо исследовать эффективность процессуальной деятельности не только суда, но и лиц, участвующих в деле. Как теоретическое, так и прикладное значение будут в сложившихся социальных условиях иметь исследования проблемы критериев эффективности процессуальной деятельности суда и лиц, участвующих в деле.

С учетом изложенного предлагаем определять эффективность гражданского и арбитражного процессуального права как соответствие результатов регулятивного воздействия норм указанных отраслей конституционным ценностям защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Следовательно, основными чертами понятия эффективности гражданского и арбитражного процессуального права необходимо считать, во-первых, наличие результатов регулятивного воздействия права на общественные отношения; во-вторых, соответствие таковых результатов ценностной ориентации российского права в целом.

Естественным представляется оценочный характер категории эффективности. Вместе с тем необходимо выработать единую систему критериев эффективности гражданского и арбитражного процесса.

Полагаем, что отождествление эффективности гражданского и арбитражного процессуального права и закрепленных в действующем законодательстве целей гражданского и арбитражного судопроизводства является неоправданным с позиции ценностей гражданского общества и правового государства сужением анализируемого понятия. Предложенное определение отражает как генетическую связь эффективности и результативности, так и зависимость системы права в целом и процессуального права в частности от ряда фундаментальных ценностей.

Высшей ценностью российской правовой системы является человек, его права и свободы. В соответствии с этим определение эффективности гражданского и арбитражного процессуального права, выделение критериев эффективности процессуальной деятельности суда и лиц, участвующих в деле, возможно только сообразно с категорией защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Библиографический список

1. *Ткачев Н.И.* Эффективность гражданских процессуальных норм и качество правосудия // Проблемы совершенствования правосудия по гражданским делам: сб. науч. тр. Ярославль, 1991.

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1978.
3. Курс советского гражданского процессуального права: в 2 т. М., 1981. Т. 1.
4. Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л., 1987.
5. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997.
6. Шакарян М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2001. С. 61–69.
7. Абова Т.Е. Обеспечение юридическим и физическим лицам права на судебную защиту // Там же. С. 153–160.
8. Попова Ю.А. Гражданская процессуальная форма – гарантия эффективности правосудия по гражданским делам // Там же. С. 193–204.
9. Приходько И.А. Доступность правосудия в гражданском и арбитражном процессе: основные проблемы // Российский судья. 2001. № 5. С. 22–33.
10. Фаткуллин Ф.Н. Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976.

O.V. Kulakova
Legal Conditions and Problems
of Municipal Autonomous
Institutions Formation

The problems arising at the autonomous institutions' establishment and issues of their functioning are considered. The conclusion of the necessity to correct a number of clauses, and introduce some changes in the current normative acts is made.

Key words and word-combinations: e-commerce organization, autonomous institution, structure of management.

Рассматриваются проблемы, возникающие при создании автономного учреждения, и спорные вопросы при его функционировании. Делается вывод о необходимости корректировки ряда положений, внесения изменений в действующие нормативные акты.

Ключевые слова и словосочетания: некоммерческая организация, автономные учреждения, структура управления.

УДК 334
ББК 65.291.212.1

О.В. Кулакова

ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ
И ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО
АВТОНОМНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ

Появление в 2006 г. института автономных учреждений и активный процесс создания таковых в настоящее время актуализировали проблемы статуса и правового регулирования деятельности автономного учреждения. В соответствии с законодательными положениями *автономным учреждением* признается некоммерческая организация, созданная Российской Федерацией, субъектом РФ или муниципальным образованием для выполнения работ, оказания услуг в целях осуществления предусмотренных законодательством Российской Федерации полномочий органов государственной власти, полномочий

органов местного самоуправления в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта, а также в иных сферах [1].

Научный юридический анализ данного института необходимо осуществлять на основе действующего законодательства, а также посредством осмысления практического опыта создания и деятельности автономных учреждений в различных субъектах РФ. Недостаточная правовая урегулированность рассматриваемого института ведет к тому, что проблемы возникают уже при создании автономного учреждения.

Специалистами отмечается, что в соответствии с Федеральным законом «Об автономных учреждениях» учредителем автономного учреждения может выступать только одно из перечисленных лиц – Российская Федерация, субъект Федерации, муниципальное образование. Однако отдельными федеральными законами допускается возможность наличия нескольких учредителей [2], поэтому можно сделать вывод о фактической и юридической возможности соучредительства и наличии в данном вопросе правовой коллизии и пробельности в действующем законодательстве. Выход из такой ситуации видится, например, в установлении диспозитивности нормы Федерального закона «Об автономных учреждениях»: наряду с Российской Федерацией, субъектом Федерации, муниципальным образованием соучредителем автономного учреждения может выступать иное лицо. Это поможет увеличить возможности функционирования автономного учреждения, привлечь частный капитал [3, с. 7].

Механизм создания автономных учреждений отличается от методов и способов создания бюджетных учреждений. Если бюджетное учреждение создается в соответствии с решением учредителя, то автономное учреждение может быть создано либо путем создания (учреждения) вновь, либо путем изменения типа существующего бюджетного учреждения (преобразования) в автономное. Необходимым условием создания муниципального автономного учреждения выступает принятие пакета нормативно-правовых актов, куда входят следующие документы:

1) порядок определения видов особого ценного движимого имущества муниципального автономного учреждения (в соответствии со ст. 20 Закона «Об автономных учреждениях» изменение типа существующего учреждения на автономное до момента принятия этого порядка запрещено);

2) порядок подготовки и рассмотрения предложений о создании автономных учреждений путем изменения типа существующих муниципальных учреждений и о порядке создания автономных муниципальных учреждений;

3) порядок осуществления функций и полномочий учредителя автономного муниципального учреждения и распоряжения его имуществом;

4) условия и порядок формирования задания учредителя;

5) порядок финансового обеспечения муниципального задания автономного учреждения;

6) типовой устав автономного учреждения и форма типового трудового договора с учредителем автономного учреждения.

В случае если муниципальное автономное учреждение создается вновь, решение принимается администрацией муниципального образования. Однако в

случае соучредительства возникает ряд последующих проблем, проистекающих из разграничения полномочий между Российской Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями. Соучредительство делает проблемным решение вопросов в области земельных отношений и налогообложения, финансирования и ответственности.

В случае если автономное учреждение создается путем изменения типа уже существующего бюджетного учреждения, необходимо соблюсти юридическую процедуру такого изменения, включающую в себя следующие моменты:

выражение инициативы (получение согласия) существующего бюджетного учреждения по изменению типа на автономное (оформляется протоколом общего собрания коллегиального органа учреждения либо письмом руководителя учреждения о согласии в изменении типа);

подготовку предложения о создании автономного учреждения путем изменения типа существующего муниципального учреждения. Предложение выполняется в предусмотренной Правительством РФ форме [4] и готовится органом местного самоуправления, в ведении которого находится муниципальное учреждение, по согласованию с органом местного самоуправления, на который возложено управление муниципальным имуществом на основании информации, предоставленной бюджетным учреждением.

Также должны быть оговорены сведения об имуществе, находящемся в оперативном управлении соответствующего государственного или муниципального учреждения, сведения об ином имуществе, подлежащем передаче в оперативное управление создаваемого автономного учреждения.

Федеральный закон «Об автономных учреждениях» (ст. 5) требует, чтобы решение уполномоченного органа о преобразовании государственного или муниципального учреждения в автономное учреждение не влекло за собой нарушения конституционных прав граждан (права на получение бесплатного образования, права на участие в культурной жизни) [1]. Создание автономного учреждения путем преобразования из бюджетного должно быть обосновано, в частности определены возможные социально-экономические последствия, доступность такого учреждения для населения, качество выполняемых им работ или оказываемых услуг.

Изменение типа существующего государственного или муниципального учреждения предусматривает одобрение высшим коллегиальным органом этого учреждения при наличии такого органа и определение перечня мероприятий по созданию автономного учреждения с указанием сроков их проведения.

Решение о создании автономного учреждения путем изменения типа существующего государственного или муниципального учреждения должно содержать сведения об органе, наделяемом полномочиями учредителя создаваемого автономного учреждения и ответственном за проведение мероприятий по созданию автономного учреждения. Указываются также сведения об имуществе, закрепляемом за автономным учреждением, в том числе перечень объектов недвижимого имущества и особо ценного движимого имущества.

В Законе об автономных учреждениях четко закреплено, что создание автономного учреждения путем изменения типа существующего государственного или муниципального учреждения не является его реорганизацией. При измене-

нии типа существующего государственного или муниципального учреждения в его устав вносятся соответствующие изменения.

Таким образом, создание автономного учреждения может осуществляться различными путями, обуславливающими реализацию различных в правовом отношении процедур.

Подчеркнем, что действующий Закон об автономных учреждениях разрабатывался в соответствии с принципами реструктуризации бюджетного сектора в Российской Федерации. Суть производимого преобразования состоит в снятии с государства обязанности гарантированного финансирования таких организаций на основе сметы доходов и расходов и ответственности государства по их обязательствам. Однако наряду с сугубо финансовыми вопросами на настоящий момент в правовом отношении не решены проблемы материального обеспечения автономных учреждений. В частности, законодателю следует предусмотреть некий обязательный минимальный набор оборудования, фондов, средств и имущества, необходимый для нормального функционирования автономных учреждений.

Определение круга особо ценного имущества происходит на этапе создания автономного учреждения и имеет важное практическое значение. Однако отдельного внимания заслуживает правовое определение режима имущества, без которого осуществление автономным учреждением своей деятельности будет существенно затруднено. Например, в отношении образовательных учреждений это могут быть библиотечные фонды, хозяйственный инвентарь (парты, кафедры, доски), компьютеры, определенные препараты и техника, необходимые для опытной исследовательской деятельности.

Касаясь вопросов финансирования автономного учреждения, важно заметить, что учредитель устанавливает финансовое обеспечение выполнения задания, исходя лишь из учета расходов на содержание недвижимого или особо ценного движимого имущества, необходимости уплаты обязательных налоговых платежей, а также финансового обеспечения развития автономного учреждения в рамках программ, утвержденных в установленном порядке. Специалистами же предлагается установить в законе обязанность учредителя полностью компенсировать расходы автономного учреждения на содержание недвижимого и особо ценного движимого имущества, на заработную плату персоналу и связанные с ней налоги и платежи, а также установить размеры ежегодного бюджетного финансирования со стороны учредителя не ниже уровня прошедшего года (с учетом фактической инфляции) и предусмотреть имущественную ответственность учредителя за нарушения сформулированных финансовых обязательств [5, с. 8]. Стоит согласиться с высказанными предложениями, исходя из того, что государство, вводя новый вид учреждения, должно обеспечить имеющимися в его распоряжении средствами баланс между государственными и коммерческими началами.

Отдельного внимания заслуживают вопросы управления автономным учреждением. Закон закрепляет двухзвенную структуру органов автономного учреждения: наблюдательный совет и руководитель автономного учреждения. Наблюдательный совет дает рекомендации учредителю по вопросам внесения изменений, дополнений в устав, создания филиалов и представительств, реорганизации и ликвидации автономного учреждения, другим вопросам. Коллегиальный орган

выносит заключения для руководителя по проекту плана финансово-хозяйственной деятельности и отчетам по его исполнению, а также годовому бухгалтерскому балансу, принимает решения по вопросам совершения крупных сделок и сделок, в отношении которых имеется заинтересованность членов наблюдательного совета, руководителя автономного учреждения или его заместителей.

В соответствии со ст. 10 Закона об автономных учреждениях наблюдательный совет создается в составе не менее пяти и не более одиннадцати членов. В состав наблюдательного совета могут входить представители: органов власти, в ведении которых находится автономное учреждение; органов власти, на которые возложено управление государственным имуществом; государственных и муниципальных органов; общественности (в том числе имеющие заслуги в соответствующей сфере деятельности); трудового коллектива. Однако о равенстве представительства говорить в данном случае не приходится. Количество представителей государственных органов или органов местного самоуправления в наблюдательном совете должно превышать одну треть от общего числа его членов, тогда как количество представителей работников автономного учреждения не может быть больше этой величины [6].

Статья 13 Закона об автономных учреждениях определяет наименования руководителей в зависимости от вида автономного учреждения. К компетенции руководителя автономного учреждения относятся вопросы осуществления текущего руководства деятельностью автономного учреждения, за исключением вопросов, отнесенных федеральными законами или уставом автономного учреждения к компетенции учредителя автономного учреждения, наблюдательного совета автономного учреждения или иных органов автономного учреждения.

Руководитель автономного учреждения без доверенности действует от имени автономного учреждения, в том числе представляет его интересы и совершает сделки от его имени, утверждает штатное расписание автономного учреждения, план его финансово-хозяйственной деятельности, его годовую бухгалтерскую отчетность и регламентирующие деятельность автономного учреждения внутренние документы, издает приказы и дает указания, обязательные для исполнения всеми работниками автономного учреждения.

На основании изложенного можно сделать вывод, что создание автономного учреждения может осуществляться различными способами: либо путем создания (учреждения) вновь, либо путем изменения типа существующего бюджетного учреждения (преобразования) в автономное. Каждый путь создания предусматривает определенные юридические процедуры. Закон закрепляет специфический принцип формирования персонального состава наблюдательного совета автономного учреждения. В хозяйственных обществах подобные органы формируются участниками (акционерами) и выступают как средство текущего контроля инвесторов за деятельностью единоличного исполнительного органа общества. Закон допускает также возможность создания иных, предусмотренных законами и уставом автономного учреждения органов (общее собрание (конференция) работников автономного учреждения, ученый совет, художественный совет и др.).

Перспективы развития автономного учреждения видятся таковыми: с учетом существования страны в условиях рыночной экономики некоммерческие органи-

зации будут приобретать все большие черты частных учреждений, однако кризисная ситуация может привести к усилению государственного финансового контроля над созданием и функционированием автономных учреждений.

Библиографический список

1. Об автономных учреждениях: Федер. закон от 3 нояб. 2006 г. № 173-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 46. Ст. 4626.
2. О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федер. закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.
3. Лескова Ю.Г. Некоторые проблемы правового положения учреждений по новому законодательству // Юрист. 2007. № 4.
4. Об утверждении формы предложения о создании автономного учреждения путем изменения типа существующего государственного или муниципального учреждения: постановление Правительства РФ от 28 мая 2007 г. № 325 // Рос. газ. 2007. 19 июня.
5. Михайлов С.Г., Реутов В.П. Федеральный закон «Об автономных учреждениях» и проблемы образования // Вестн. Перм. ун-та. Пермь, 2007. Вып. 8: Юридические науки.
6. Мясников О.А. О Федеральном законе «Об автономных учреждениях» // Налоговый вестник: комментарий к нормативным документам для бухгалтеров. 2007. № 1.

K.S. Mosolkov
Participation of Law-Enforcement
Bodies in the Implementation
of Citizens' Suffrage:
Normative Maintenance
and Practice of Implementation

The relations developing between election commissions and law-enforcement bodies during the implementation of their powers at various stages of the election process are researched. The organizational-legal forms of interaction of election commissions and law-enforcement bodies are considered.

Key words and word-combinations: law-enforcement bodies, maintenance of public safety, elections, protection of the rights.

Исследуются отношения, складывающиеся между избирательными комиссиями и органами внутренних дел в ходе осуществления ими своих полномочий на различных стадиях избирательного процесса. Рассматриваются организационно-правовые формы взаимодействия избирательных комиссий и органов внутренних дел.

Ключевые слова и словосочетания: органы внутренних дел, обеспечение общественной безопасности, выборы, защита прав.

УДК 334
 ББК 65.291.212.1

К.С. Мосолков

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ГРАЖДАН: НОРМАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

В ч. 1 ст. 32 Конституции РФ закрепляется право, традиционно считающееся основным, определяющим саму природу политических прав и свобод граждан, – конституционное право граждан на участие в управлении делами государства [1]. Право граждан на участие в управлении делами государства выходит далеко за рамки обычного субъективного права, соприкасаясь с другими политическими правами и свободами граждан [2].

Возможно, оно является не столько субъективным правом, входящим в систему политических прав и свобод, сколько основополагающим принципом взаимоотношений между демократическим государством и его гражданами.

Реализация конституционного права на участие в управлении государством конкретизируется прежде всего в избирательном праве граждан. В ч. 2 ст. 32 Конституции РФ это выражается в праве избирать, быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в референдуме.

Анализ конституционного законодательства зарубежных стран показывает, что в настоящее время конституции ряда государств возлагают на министерства внутренних дел всю работу по организации и проведению выборов либо какую-то ее часть (Великобритания, Италия, Франция, Германия). В России роль правоохранительных органов, и особенно органов внутренних дел, в обеспечении избирательных прав граждан изначально была и остается значительной, хотя они непосредственно организацией и реализацией избирательного процесса не заняты.

В выборный период функция охраны и защиты избирательных прав граждан для органов внутренних дел выделена в качестве первоочередной. Большой объем и разнообразие применяемых избирательных технологий требуют от органов внутренних дел профессиональных действий по выявлению и пресечению нарушений избирательного законодательства в целях обеспечения эффективной защиты избирательных прав граждан.

Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в отношении всех государственных органов в избирательном процессе использует термин «оказание содействия избирательным комиссиям» [3]. Судя по анализу избирательного законодательства, в совместной деятельности органов внутренних дел и избирательных комиссий складывающиеся правоотношения основываются на двух формах – взаимодействии и оказании содействия.

Взаимодействие органов внутренних дел с избирательными комиссиями – это основанная на законах и подзаконных актах, согласованная по целям, формам и методам совместная деятельность органов внутренних дел и избирательных комиссий, направленная на создание благоприятных условий для подготовки и проведения честных и справедливых выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Под формами взаимодействия понимаются основные направления совместной деятельности органов внутренних дел и избирательных комиссий в целях обеспечения законности избирательных кампаний, по охране и защите избирательных прав граждан.

Органы внутренних дел принимают меры по оказанию содействия избирательным комиссиям в реализации их полномочий по подготовке и проведению выборов в соответствии с обращениями (представлениями) комиссий, то есть их совместная деятельность носит формы организационно-правового и практического сотрудничества. Они постоянно развиваются и наполняются новым содержанием, исходя из требований избирательного законодательства и в соответствии с задачами органов внутренних дел.

Содействуя избирательным комиссиям в реализации их полномочий, органы внутренних дел при выполнении своих обязанностей участвуют в решении

задач по предотвращению негативных воздействий на избирательную кампанию в интересах кандидатов, избирательных объединений, зарегистрировавших списки кандидатов; по противодействию использованию административного ресурса, направленного на достижение определенного результата в пользу «нужных» кандидатов и партийных списков, в том числе с привлечением государственных служащих к незаконной агитации, с использованием силовых методов воздействия на избирателей либо их подкуп; по защите жизни, здоровья и безопасности членов комиссий, кандидатов и других участников выборов.

Выполняя поставленные задачи, органы внутренних дел оказывают содействие избирательным комиссиям в проведении проверки достоверности сведений об избирателях и их подписей. Без оперативной помощи органов внутренних дел избирательные комиссии справиться с нарушениями, совершаемыми при сборе подписей и проверке их достоверности, практически не в состоянии. Органы внутренних дел выявляют и пресекают нарушения порядка сбора подписей, устанавливают лиц, виновных в принуждении избирателей поставить свои подписи в подписных листах.

В органы внутренних дел часто не поступает информация о нарушениях в силу того, что организаторы не хотят придавать огласке свои действия, а граждане, принимающие участие в нарушениях избирательного законодательства, «боятся» возражать данным нарушениям. Поэтому при получении информации о нарушениях сотрудникам следует оперативно выезжать на место для пресечения нарушения, выявления организаторов и участников. Но, как показывает практика, оперативного реагирования зачастую не происходит ввиду отсутствия свободной дежурной машины или занятости следственной группы на других преступлениях и происшествиях. Учитывая это, следует рекомендовать руководителям органов внутренних дел в обязательном порядке и в возможно более короткие сроки направлять своих специалистов в рабочие группы избирательных комиссий.

Закон предоставляет право комиссиям в связи с обращениями граждан направлять в правоохранительные органы представления о проведении соответствующих проверок и пресечении нарушений закона. Органы внутренних дел обязаны в пятидневный срок организовать проверку фактов о нарушении закона, изложенных в представлении избирательной комиссии, принять меры по их пресечению и незамедлительно информировать о результатах избирательную комиссию.

Оперативного реагирования на представления избирательных комиссий зачастую не происходит, ввиду того что у сотрудников находится на исполнении большое количество материалов проверки и они не уделяют должного внимания материалам, связанным с выборами. В результате происходят нарушения сроков рассмотрения материалов. Кроме того, материалы проверок в большинстве случаев носят формальный характер, так как сотрудники органов внутренних дел довольно редко сталкиваются в своей повседневной работе с нарушениями избирательного законодательства. Поэтому руководителям органов внутренних дел следует обеспечивать регулярные консультации с избирательными комиссиями, взаимообмен необходимой информацией, проведение иных совместных мероприятий.

За нарушение законодательства о выборах в соответствии с федеральными законами устанавливается уголовная, административная либо иная ответствен-

ность. В ходе избирательной кампании по выборам Президента РФ в 2008 г. на территории Саратовской области выявлено 98 фактов нарушений избирательного законодательства, по которым составлено 63 административных протокола, 4 материала рассмотрены в судебном порядке, по четырем вынесены постановления об отказе в возбуждении дел, не рассмотренными остались 45 материалов. По заявлениям депутатов и их доверенных лиц зарегистрировано 28 фактов нарушений, по четырем материалам заведены уголовные дела, по пятнадцати вынесены постановления об отказе в возбуждении дел и по четырем составлены административные протоколы по ст. 5.12 КоАП РФ [4].

Эти цифры не отражают реальной картины нарушений, а лишь свидетельствуют о том, что предусмотренный законом механизм защиты избирательных прав граждан работает не на полную мощность и что составление протоколов об административной ответственности по указанным статьям Кодекса должно найти более широкое применение в деятельности сотрудников органов внутренних дел. Анализ правоприменительной практики доказывает существование определенных проблем в сфере уголовно-правовой охраны избирательных прав граждан.

По причине недостаточной регламентации в уголовном законе отдельных признаков преступлений, нарушающих избирательные права, следственные и судебные органы сталкиваются с определенными трудностями при решении вопросов о квалификации. Отсутствуют четкие критерии отграничения преступлений, посягающих на избирательные права граждан, от смежных преступлений и целого ряда административных правонарушений в сфере проведения выборов, что также вызывает затруднения в правоприменительной практике. Как следствие, уголовно-правовые нормы об ответственности за такие преступления применяются недостаточно эффективно.

С 1997 по 2003 г. (за 7 лет действия Уголовного кодекса РФ 1996 г.) по ст. 141, 142 УК РФ было возбуждено всего лишь 421 уголовное дело, хотя, по оценкам экспертов, в ходе выборов совершается значительное число таких преступлений. Следовательно, можно сделать вывод об объективной необходимости исследования проблем, существующих в сфере уголовно-правовой охраны избирательных прав граждан, и поиска путей их преодоления [5, с. 4].

В июле 2003 г. система норм уголовного законодательства, обеспечивающих охрану избирательных прав, претерпела существенные изменения. Внесены поправки в ст. 141 «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий», ст. 142 «Фальсификация избирательных документов, документов референдума». Кроме того, в Уголовный кодекс РФ включены новые нормы, предусматривающие ответственность за неправомерное вмешательство в работу Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы» (ч. 3 ст. 141 УК РФ), нарушение порядка финансирования избирательных кампаний, кампаний референдума (ст. 141.1 УК РФ), а также за фальсификацию итогов голосования (ст. 142.1 УК РФ) [6]. Таким образом, возникла необходимость теоретического анализа происшедших изменений и разработки научно обоснованных рекомендаций по их применению.

В 2002–2004 гг. приняты новые нормативно-правовые акты о выборах и референдумах в Российской Федерации. Поскольку содержание бланкетных

признаков преступлений, предусмотренных ст. 141–1421 УК РФ, во многом зависит от положений указанных нормативно-правовых актов, то необходим анализ уголовно-правовых норм об ответственности за нарушения избирательных прав с учетом изменений в законодательстве о выборах и референдумах.

В соответствии с требованиями демократического правового государства степень участия органов внутренних дел в защите избирательных прав граждан строго определяется нормативными правовыми актами, и сотрудники органов внутренних дел должны четко знать свои основные обязанности, связанные с обеспечением охраны общественного порядка в период подготовки и проведения выборов. Постоянное изменение избирательного законодательства не позволяет им в полной мере его изучить и получить навыки применения. Следовательно, необходимо повышение правовой культуры, изучение норм избирательного законодательства сотрудниками на занятиях по служебной подготовке.

Выборы представляют собой важное социально значимое явление, требующее комплексного использования сил и средств органов внутренних дел в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности при их проведении, согласованных действий не только различных подразделений органов внутренних дел и внутренних войск, но и других государственных органов, органов местного самоуправления, общественных формирований [7, с. 138]. Комплексность в охране общественного порядка может быть достигнута лишь при условии, что каждый ее участник постоянно реализует материальные и процессуальные нормы в сфере охраны правопорядка. Органы внутренних дел должны действовать с учетом конкретных потребностей и законных целей, а также использовать соразмерные обстоятельствам методы и средства, не превышающие потребностей правоохранительных действий.

На органы внутренних дел возлагается задача по созданию условий реализации избирателями своих прав на всех стадиях избирательного процесса, а в необходимых случаях – по защите и восстановлению нарушенных законных интересов граждан. Деятельность органов внутренних дел должна строиться в соответствии с принципами законности, гуманизма, уважения прав человека, гласности, взаимодействия с другими государственными органами, общественными объединениями, трудовыми коллективами и гражданами.

Необходимость взаимодействия органов внутренних дел с избирательными комиссиями в избирательном процессе очевидна и подчеркивается реалиями избирательных кампаний, но, учитывая тот факт, что действующие нормативно-правовые акты не раскрывают содержания данного взаимодействия, требуется законодательное определение границ понятия «оказание содействия» для конкретного государственного органа, в силу их различных по объему функций и полномочий. Поэтому важным является законодательное обеспечение полномочий органов внутренних дел с точки зрения определения меры их участия в избирательном процессе.

Следует расширить организационно-правовые формы взаимодействия органов внутренних дел с избирательными комиссиями в целях создания наиболее благоприятных условий для реализации гражданами избирательных прав. Представляется целесообразным рекомендовать органам внутренних дел и избирательным комиссиям в целях повышения эффективного взаимодействия обеспе-

чить своевременную разработку, принятие и совершенствование совместных и самостоятельных нормативных правовых актов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. М., 2008.
2. Постатейный научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации коллектива ученых правоведов под руководством ректора МГЮА, академика РАН О.Е. Кутафина [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/DOC_3866952.htm
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 2253.
4. Кодекс РФ об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Елисеева Т.Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. ун-т МВД России. М., 2004.
6. Уголовный кодекс РФ: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Бондарь Н.С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д, 2000.

I.S. Alikhadzhieva
Implication in Prostitution
and Organization of Prostitution:
Drawbacks of the Constitution
and the Contents of the Articles 240
and 241 of the Criminal Code
of the Russian Federation

Drawbacks of set legal formulations of implication in prostitution and the organization of prostitution are researched. Various interpretations of terms "implication", "organization of a brothel for prostitution", "running a brothel for prostitution", and "system character" used in disposition by criminal-legal theory and practice is analyzed.

Key words and word-combinations: implication in prostitution, organization of prostitution, brothel, system character.

Исследуются недостатки закрепленных в УК РФ юридических формулировок вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией. Анализируется различное толкование уголовно-правовой теорией и практикой используемых в диспозиции терминов: «вовлечение», «организация притона для занятия проституцией», «содержание притона для занятия проституцией», «систематичность».

Ключевые слова и словосочетания: вовлечение в занятие проституцией, организация занятия проституцией, притон, систематичность.

УДК 343.544

ББК 67.408

И.С. Алихаджиева

ВОВЛЕЧЕНИЕ В ЗАНЯТИЕ ПРОСТИТУЦИЕЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАНЯТИЯ ПРОСТИТУЦИЕЙ: НЕДОСТАТКИ КОНСТРУКЦИИ И СОДЕРЖАНИЯ СТАТЕЙ 240 И 241 УК РФ

В российском Уголовном кодексе [1] содержатся две нормы, регламентирующие ответственность за деяния, способствующие сексуальной эксплуатации людей. К таковым традиционно относятся вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ) и организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ). Данные статьи не являются принципиально новыми: ответственность за указанные преступления была введена в отечественном уголовном законодательстве в начале прошлого века. Однако сложившаяся практика пока-

зывает, что нормативные положения указанных статей УК РФ нередко трактуются различными учеными и правоприменителями по-разному, что в немалой степени обусловлено имеющимися недостатками конструкции и содержания рассматриваемых статей.

Говоря о недостатках диспозиции ст. 240 УК РФ, следует отметить, что дефиниция «вовлечение в занятие проституцией» в нынешней редакции стилистически неудачна, поскольку дискуссионным является понимание сущности термина «вовлечение» и момента окончания данного действия. Терминологическая и содержательная неопределенность «вовлечения» породила различные подходы уголовно-правовой теории к моменту его окончания, что вынуждает правоприменителя по-разному квалифицировать содеянное, о чем свидетельствует судебная практика.

Нормы УК находятся во взаимосвязи, поэтому содержание понятий, используемых законодателем при формулировании уголовно-правовых норм, в идеале должно быть одинаковым. Представленное в науке понимание термина «вовлечение» должно отвечать требованиям содержательного, смыслового единства с тем, чтобы данный уголовно-правовой термин был универсально применим безотносительно к роду и виду деяния, помещенного в УК.

В научной литературе термин «вовлечение» трактуется через его синонимы – такие, как склонение [2, с. 546], побуждение [3, с. 471], привлечение лица к занятию проституцией [4, с. 408]. Более точная позиция, на наш взгляд, выражена С.Я. Улицким: термином «вовлечение» он предлагает обозначать «как процесс обработки виновным кого-либо, так и результат такой обработки – фактическое занятие проституцией» [5, с. 35]. Подобная неоднозначность содержания рассматриваемого термина заметна и в самом уголовном законодательстве. Например, при сравнительном анализе норм ст. 240 и 150 УК РФ заметно, что вкладываемый в понимание процесса «вовлечения» смысл в указанных статьях различается. В связи с этим представляется необоснованным вывод некоторых исследователей «о прозрачности новелл Федерального закона от 8 декабря 2003 г., приведших к уяснению термина «вовлечение» в контексте ограничения действий, направленных на вовлечение в занятие проституцией в отношении заведомо несовершеннолетнего от вовлечения несовершеннолетних в иную антиобщественную деятельность» [6, с. 85].

Различное толкование момента окончания акта вовлечения в занятие проституцией отражается на качестве правоприменения и приводит к допущению многочисленных ошибок при постановлении обвинительных приговоров. Наиболее распространенным в литературе является мнение об окончании преступления в тот момент, когда вовлекаемый выразил желание заняться проституцией безотносительно к тому, стал ли он заниматься ею. По нашему убеждению, вовлечение окончено только тогда, когда вовлеченный стал систематически оказывать платные сексуальные услуги. «...Поскольку закон говорит здесь не о деяниях, направленных на вовлечение в занятие проституцией, а о вовлечении его в занятие, следует полагать, что «вовлечение» окончено, когда вовлеченный фактически стал заниматься проституцией» [5, с. 35].

Таким образом, вовлечение в занятие проституцией, на наш взгляд, есть

сложная совокупность двух составляющих: самого *процесса*, суть которого составляют целенаправленные конкретные действия информационного, психического, физического характера с воздействием на телесную, психическую неприкосновенность потерпевшего в целях включения, вхождения, втягивания вовлекаемого в занятие проституцией, так и *оконченного, наступившего результата, очевидного факта*, которым выступает становление вовлекаемого проституирующим лицом, систематически оказывающим сексуальные услуги на коммерческой основе.

Согласно ст. 1 Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 декабря 1949 г. наказуемо лицо, которое: сводит, склоняет или совращает в целях проституции другое лицо, даже с согласия этого лица; эксплуатирует проституцию другого лица, даже с согласия этого лица [7, с. 150]. Руководствуясь названным конвенционным положением, российский законодатель в ст. 241 УК РФ криминализировал организацию занятия проституцией, понимая под ней не только деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами, но и содержание притонов для занятия проституцией или систематическое предоставление помещений для занятия проституцией.

Анализ конструктивных и содержательных изъянов состава преступления «организация занятия проституцией» показал, что, ограничившись в диспозиции статьи (ч. 1 ст. 241 УК РФ) расплывчатой формулировкой «деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами», законодатель не уточнил суть таких деяний, в то время как диспозиция, безусловно, должна быть конкретизирована теми действиями, которые закон причисляет к организации занятия проституцией. Следует согласиться с высказанным на страницах юридической печати мнением, что имеющееся определение такой деятельности является весьма обобщающим [8, с. 73–74]. На наш взгляд, в диспозиции законодательно необходимо закрепить все формы организации занятия проституцией, отсутствующие в ней, включая сводничество и сутенерство.

В соответствии со ст. 2 Конвенции в уголовном порядке преследуется лицо, которое содержит дом терпимости или управляет им или сознательно финансирует или принимает участие в финансировании дома терпимости; сдает в аренду или снимает здание или другое место или часть такового, зная, что они будут использованы в целях проституции третьими лицами.

Одной из основных проблем нормы о притоносодержательстве представляется *теоретическое толкование ключевого понятия «содержание» притона, используемого в диспозиции ст. 241 УК РФ*. Его неточное понимание в теории влияет на правоприменительное толкование, которое в сходных ситуациях криминальных проявлений весьма разнообразно и неоднозначно. Так, в комментариях к уголовному законодательству указывается, что деяние заключается «в действиях, направленных на содержание помещения для занятия проституцией, т.е. совершение совокупности ряда согласованно-последовательных действий по содержанию соответствующего помещения, в котором клиенты систематически обеспечиваются платными сексуальными услугами» [9, с. 14]. К. Бубон,

раскрывая понятие «содержание притона для занятия проституцией», причисляет к нему «приискание, привлечение клиентов притона, систематическое предоставление помещения для половых сношений, а также любые другие действия по поддержанию деятельности притона» [10, с. 42–44].

Термин «содержание», по нашему мнению, означает наступивший результат, закономерный итог ранее предпринимаемых конкретными лицами усилий по организации нелегальной деятельности в конкретном помещении в целях занятия проституцией, последующее обеспечение уже созданных и необходимых условий для функционирования незаконного бизнеса, эксплуатации подысканного помещения, а также иные, дополнительные действия, направленные на дальнейшее поддержание работы уже организованного притона (подбор проституирующего и вспомогательного персонала, реклама, поддержание свойств помещения, оплата аренды, производство ремонтных работ).

В юридической литературе и в судебной практике неверно, на наш взгляд, производится отождествление понятий «организация» и «содержание» притона для занятия проституцией. Уголовный кодекс РФ преследует содержание притонов для занятия проституцией, однако подготовка к функционированию притона путем подбора помещений для целей проституции, лиц, готовых оказывать платные интимные услуги, реклама деятельности помещений для досуга представляют собой не что иное, как организацию притона.

Содержание притона для занятия проституцией, с нашей точки зрения, есть совокупность целенаправленных действий, обеспечивающих только в своем единстве конечную цель притоносодержательства – создание условий для оказания проституирующими лицами платных сексуальных услуг в конкретном помещении, функционирующем определенное время, а организация притона – совокупность подготовительных действий, конечной целью которых является последующая за организацией стадия – содержание притона.

Однако прямой запрет на организацию притонов для занятия проституцией отсутствует, к примеру, в ст. 232 УК РФ «Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ», что означает признание таких действий юридически нейтральными. Такой подход законодателя к конструированию статьи представляется неверным в ситуации, когда притон был организован, однако в силу разных причин не стал функционировать, поскольку для наступления уголовной ответственности необходимо начало деятельности по оказанию на его территории платных секс-услуг, а потому следует вернуться к признанию организации притона уголовно наказуемым деянием.

В тексте Конвенции прямо говорится об ответственности за предоставление помещения для целей проституции на условиях аренды. Согласно положениям Конвенции арендодатель несет уголовную ответственность за организацию занятия проституцией наряду с нанимателем при очевидности и осведомленности арендодателя о цели такой аренды, а именно использования жилого или иного предоставляемого по договору помещения для оказания платных секс-услуг. Однако разграничить содержание притона для занятия проституцией и

юридически нейтральное *предоставление помещения по договору аренды для последующего использования помещения в целях проституции* весьма проблематично.

Именно к содержателям притона В.В. Сучкова относит владельцев жилого помещения, сдаваемого в аренду и используемого в качестве притона для занятия проституцией, если арендодатель был информирован о целях аренды помещения и выразил согласие именно на использование квартиры для организации притона [11, с. 73]. Между тем в подобных случаях правомерность вменения собственнику или иному владельцу жилья или иного помещения (гаража, сарая, дачи) содержания притона спорна, ибо содеянное не подпадает под притоносодержательство.

Оформление договорных отношений, предметом которых являются жилище, иные помещения, сопровождается соглашением сторон относительно существенных условий сделки (оплата, срок ее внесения, обязанности сторон по сохранности арендуемого имущества, его поддержания в удовлетворительном состоянии). Осознание арендодателем того, что принадлежащее ему помещение другими лицами будет использовано в дальнейшем для платного сексуального обслуживания клиентов, не является наказуемым, ибо целью сделки арендодателя являлось извлечение прибыли именно от сдачи в коммерческий найм недвижимого имущества, что не выходит за пределы правомерного поведения, должным образом оформленного (заключение устного соглашения либо письменного договора). В этом смысле следует вести речь о пособничестве в деяниях, направленных на организацию занятия проституцией, нежели причислять собственника к содержателям притона, когда он фактически еще не создан. Если же собственник узнал о цели аренды после заключения договора и не предпринял мер к его расторжению, то его действия признаются пособничеством в содержании притона для занятия проституцией [11, с. 73].

Нет правовых оснований и для признания собственника жилья содержателем притона, если после оформления договора аренды собственник, будучи осведомлен о нахождении притона в сдаваемом им помещении, его пролонгировал. В содержании притона собственник никакого участия не принимает, ибо не мотивирован к такой деятельности. О пособничестве в содержании притона свидетельствуют только активные действия арендодателя, когда он оказывает непосредственное личное содействие в поддержании деятельности притона путем оборудования помещения для целей проституции независимо от того, на чьи средства оно производилось, приискания клиентуры, вспомогательного персонала и секс-работников, изготовления и тиражирования объявлений об оказании платных интимных услуг.

Если арендодатель, заключив договор коммерческого найма, был осведомлен о характере услуг, оказываемых в будущем, однако на этом этапе организации притона устранился от иных форм содействия его организации, то инкриминировать владельцу жилья содержание притона не представляется возможным, поскольку ни одно из действий, составляющих суть притоносодержательства, им не совершалось. Очевидно, что если арендодатель при наличии договорных

отношений, предметом которых является конкретное помещение, ни одно из перечисленных действий не совершает, ограничиваясь получением оплаты за предоставленное в найм помещение, то в содеянном им отсутствуют признаки притоносодержательства. В подобной ситуации возможно вести речь о содействии организации притона, однако, как известно, с декабря 2003 г. эта самостоятельная форма организации занятия проституции необоснованно исключена из УК РФ.

Изучение судебных приговоров демонстрирует противоречивые решения правоприменительных органов о квалификации содержания притона и систематического предоставления помещения для занятия проституцией. Имеется в виду то, как квалифицировать деяние собственника при его проживании в предоставленном в аренду помещении: *как содержание притона либо как систематическое предоставление помещения другому лицу с целью его функционирования как притона*. По мнению В.В. Сучковой, «использование жилой квартиры, в которой остается проживать ее владелец для занятия проституцией во время намеренного отсутствия хозяина, предоставление для этой цели и при таких же обстоятельствах дачи, салона автомобиля и т.п. в соответствии с действующей редакцией ст. 241 УК не подпадает под понятие притона для занятия проституцией, а образует самостоятельную форму выражения объективной стороны данного преступления» [11, с. 73]. По нашему мнению, намеренное отсутствие собственника в помещении в то время, когда предоставляются платные секс-услуги, не позволяет разграничивать содержание притона и систематическое предоставление помещения для занятия проституцией.

Если собственник получает арендную плату за принадлежащую ему часть помещения (комнату в квартире), где оказываются платные секс-услуги, продолжая проживать в квартире, сознательно удаляясь во время сексуальных контактов, то наличествуют все признаки притона. То, что собственник не присутствует в помещении при платном сексуальном обслуживании, никоим образом не влияет на понимание места, в котором регулярно происходят оплачиваемые половые контакты, как притона. Специальный обязательный признак места в контексте ст. 241 УК РФ наличествует не в зависимости от того, кто присутствует в помещении при оказании интимных услуг, а от рода таких услуг, их свойства и характеристики вступления в платные сексуальные отношения как акта проституирования.

Научной теорией и судебной практикой не дано четкое разъяснение сути так называемого *систематического предоставления помещений для занятия проституцией*. Ученые сходятся только во мнении, что разовое или эпизодическое предоставление помещений для оказания платных интимных услуг не образует состава преступления. Между тем требуется разработка точных признаков этого уголовно-правового термина для его применения ко всем составам преступлений, помещенным в УК. Юридический текст уголовного закона не может допускать двоякого толкования, поскольку двусмысленность правовой нормы чревата ошибками в правоприменении и расширением границ уголовной репрессии.

По смыслу ст. 241 УК РФ предоставлению помещений для занятия проституцией характерна систематичность. Ученые расходятся в толковании этого термина, а разница наблюдается в количестве запрещенных уголовным законом действий, образующих так называемую систематичность. Так, Р.А. Арсланбекова пишет: «Систематическое предоставление помещений в целях занятия проституцией предполагает предоставление для занятия проституцией квартир, комнат, спортивных, оздоровительных и иных комплексов, дачных строений и т.д. *не менее двух и более раз*, что образует определенную систему в поведении виновного» [12, с. 14]. Ряд ученых признают систематичностью *трех- и более кратное* предоставление виновным помещения для занятия проституцией [3, с. 473; 13, с. 42–44; 14, с. 806].

К сожалению, законодатель не раскрывает сути большинства включаемых в диспозицию оценочных понятий, что обуславливает тщетные попытки теоретиков выработать универсальные критерии систематичности, зачастую раскрываемой через синонимичное понятие «неоднократность». Не вносит ясность в понимание систематичности толкование этого слова в словаре русского языка. Значение систематичности заключается в постоянном повторении, последовательности в действиях; прилагательное «систематичный» трактуется как «склонный к порядку и последовательности в действиях, поступках» [15, с. 719]. Категория «систематичность» применяется и в других статьях Кодекса. Однако вне зависимости от рода и вида состава преступления, помещенного в УК РФ, употребляемая законодателем лексика должна соответствовать требованиям однозначности и смыслового единства. По правилам законодательной техники в любой норме уголовного закона юридическая суть криминообразующих признаков должна быть равнозначна и едина безотносительно к тому, какую ценность защищает закон [16, с. 47].

В научной литературе по уголовному праву предпринимались попытки ухода от количественных показателей систематичности и вычленении других существенных ее признаков. По мнению В.В. Сучковой, систематичность «определяется не столько количеством повторяющихся деяний, сколько их неразрывной связью, благодаря которой каждое из этих деяний превращается в звено единой цепи преступных действий» [11, с. 75]. В.В. Палий акцентирует внимание на другом свойстве систематичности, полагая, что «уголовно-правовое значение систематичности главным образом заключается в том, что предполагает не только повторное совершение каких-либо действий, но и определенную тенденцию в поведении лица, общую линию поведения при совершении сходных по характеру деяний, внутреннюю их связь. Поэтому определяющим критерием систематичности является не количественный, а социальный» [17, с. 142]. У А.Н. Игнатова систематическое предоставление помещения для занятия проституцией означает предоставление такого помещения не менее трех раз в течение, например, одного года [18, с. 602]. Применительно к ст. 241 УК РФ С.Я. Улицкий рассматривает систематичность как предоставление помещения не менее *трех раз*, если это выражает определенную тенденцию в поведении виновного [5, с. 45].

На наш взгляд, основным критерием систематичности является повтор-

ность преступных действий, их однородность, позволяющая утверждать о сформировавшемся у виновного умысле на неоднократное предоставление помещения для занятия проституцией, а количественный показатель весьма условен. Предпринимаемые в науке попытки разработать универсальные, единые критерии систематичности малоэффективны, поскольку введение формальных признаков, таких, как периодичность предоставления помещений для занятия проституцией (в течение определенного времени), повлечет необходимость последующего разъяснения юридической сути временных понятий (исчисление такого срока, момент начала его течения, необходимость фиксации первого, официально зарегистрированного факта предоставления помещения для использования в целях проституции). Избрав в качестве ориентира систематичности определенно сложившуюся в поведении виновного линию, образ жизни, взаимосвязь между повторяющимися, однородными актами преступного поведения, правоприменитель будет вынужден всякий раз приводить неопровержимые доказательства наличия так называемой тенденции в действиях лица, что нарушит единство уголовно-правового подхода к оценке содеянного, а потому такие предложения не могут быть восприняты законодателем.

Изучение правоприменительного толкования ст. 241 УК РФ обнаружило размытость действующей диспозиции, словесная неточность которой самым негативным образом отражается на итоговых результатах юридической деятельности правоохранительных органов и судей по оценке содеянного. Действенным инструментом урегулирования сложившейся кардинально противоположной правоприменительной ситуации, зависимой от субъективного взгляда правоприменителя, является модификация действующей нормы ст. 241 УК РФ с учетом сформулированных нами предложений.

Таким образом, современная юридическая практика применения уголовного закона, преследующего действия, сопряженные с занятием проституцией, показывает, что теоретическое и, как следствие, правоприменительное толкование двух норм неоднозначно. Данный недостаток искажает сущностное содержание рассматриваемых уголовно-правовых норм и отражается на важнейшем этапе их правоприменения – квалификации преступлений, влияет на ход развития процесса реализации уголовной ответственности, в частности, за организацию занятия проституцией другими лицами.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс РФ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Рос. газ. 2009. 5 мая.
2. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев, А.В. Наумов и др. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
3. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник для вузов / И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов / отв. ред.: И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1998.
4. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / Б.Т. Разгильдиев, А.Н. Красилов; под ред. Б.Т. Разгильдиева, А.Н. Красикова. Саратов, 1999.
5. Улицкий С. Защита общественной нравственности в системе мер борьбы с преступностью: учеб. пособие. Владивосток, 2004.

6. Станская А.А. Проституция несовершеннолетних – социальная и правовая проблема общества / науч. ред. С.Ф. Милоков. СПб., 2005.
7. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека: документы и материалы. М., 1989.
8. Романов А.С. Содержание объективной стороны организации занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) // Вестн. Омск. юрид. ин-та. 2004. № 1.
9. Воронин В. Ответственность за проституцию // Уголовное право. 2006. № 3.
10. Бубон К. Ответственность за организацию и содержание притонов // Законность. 1999. № 2.
11. Сучкова В.В. Уголовно-правовая характеристика организации занятия проституцией // Соискатель. 2004. № 1.
12. Арсланбекова Р.А. Вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией (уголовно-правовые и криминологические проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004.
13. Уголовное право. Особенная часть: учебник / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов; под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005.
14. Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А.В. Наумова. М., 2007.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2002.
16. Кубиц Г.В. О проблеме применения специальной оценочной лексики в юридических текстах // Российская юстиция. 2007. № 5.
17. Палий В.В. Систематичность: спорные вопросы определения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2007.
18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. 2-е изд., доп. и испр. М., 2004.

F.Kh. Yuldasheva
Cultural Globalization
and its Influence
on Human Consciousness

Processes of cultural globalization are studied. Globalization is analyzed as an objective and regular process of interculturalization and development of social-economic and cultural interaction between different peoples and countries, as the top level of integration of their modern social life.

Key words and word-combinations: globalization, spiritual-cultural globalization, national-cultural and spiritual values, mass society.

Исследуются процессы культурной глобализации. Глобализация анализируется как объективный и закономерный процесс углубления и развития социально-экономического и культурного взаимодействия различных народов и стран, как высший этап интеграции их современной социальной жизни.

Ключевые слова и словосочетания: глобализация, духовно-культурная глобализация, национально-культурные и духовные ценности, массовое общество.

УДК 1:311
ББК 71.4(0)

Ф.Х. Юлдашева

КУЛЬТУРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Глобализация в современных условиях выступает качественно новым этапом интеграции, возникшим в ходе закономерного процесса развития общемировой истории. В общем ее можно определить как объективный и закономерный процесс углубления и развития социально-экономического и культурного взаимодействия различных народов и стран, как высший этап интеграции их социальной жизни.

Определяющая закономерность глобализации сводится к тому, что современное социально-экономическое развитие общества невозможно без его либерализации и модернизации, вовлечения на их базе в общемировые процессы. Такие объективные явления в итоге приводят к универсализации экономической, политической, культурной, экологической жизни разных народов и стран. По всей видимости, будут возникать новые, не известные до сих пор формы глобализации. На настоящем этапе существенно возрастают масштабы охватываемости и стремитель-

ность тенденций глобализации, которая приводит к трансформации национально-культурных ценностей, ценностных ориентаций общества и человека.

Все это не может не влиять на духовное развитие и духовные потребности человека. Появляются новые, неожиданные условия ценностного выбора, в которых человек и его сознание как бы «теряются», меняются его мировоззрение, потребности, взгляды и сознание. В период формирования рыночных отношений субъект вынужден стать мобильным и динамичным. Он одновременно находится здесь и везде, его окружает и национальное, и наднациональное. Персональное сознание в такой ситуации выражает синтез элементов различных культур и ценностей. В связи с этим актуализируется проблема готовности человека к восприятию того культурного и духовного нового, что с собой несет глобализация.

Общество все больше глобализируется, и, соответственно, человек становится социально глобализированным: ему все сложнее сохранить свои национальные, традиционные и индивидуальные особенности, свою самоидентичность. Испанский мыслитель XX в. Хосе Ортега-и-Гассет такое общество называл «массовым», где человек превращается в «массу», главной особенностью которой является то, что она одинакова, унифицирована, имеет одинаковые культурные ценности. Человек в такой среде особо не выделяется и не должен отличаться от массы людей в целом. Его устраивает среднего уровня культура, средний рационализм, массовое искусство и т.п. «Толпа, возникшая на авансцене общества, внезапно стала зримой. Прежде она, возникая, оставалась незаметной, теснилась где-то в глубине сцены; теперь она вышла к рампе – и сегодня это главный персонаж. Солистов больше нет – один хор» [1, с. 45]. В подобном обществе основное место занимает не уникальный человек с его особенностями и индивидуализмом, а масса. Перед ним не встает проблема отличиться от других. «Масса – это «средний человек»... Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни во зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [1, с. 46].

Некоторые исследователи считают, что в основе современной массовой культуры находится западная, точнее, американская культура. Один из теоретиков глобализации американского типа Збигнев Бжезинский утверждает следующее: «Культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире. Ее привлекательность, вероятно, берет свое начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она проповедует, но ее притягательность во всем мире неоспорима. Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже одежде все больше подражают во всем мире» [2, с. 39].

Конечно, считать, что «человек-масса» имеет только негативные черты, было бы неправильно. Но увеличение численности таких субъектов в обществе и их

влияния на социальную, культурную и духовную жизнь далеко не всегда приводит к положительным последствиям. Не учитывать данный фактор нельзя. В настоящее время задаваться вопросом: что должен делать человек под влиянием глобализации – уже поздно. Очевидно, следует ставить вопрос: как быть человеку в условиях глобализации, на каких духовных ценностях должно основываться его сознание?

Часто западная культура отождествляется в большинстве случаев с американской. Как представляется, это не совсем верно. Американская культура более сциентична, больше связана с новыми технологиями, обладает массовым характером. Между тем технологичность и сциентичность не могут заменить другие необходимые национальные и традиционные духовные черты культуры. Неамериканизированная западная культура не ограничивается только сциентичностью и массовостью. Она в отличие от американской культуры имеет глубокие национальные, традиционные и религиозные корни.

Сильное влияние американской культуры, по нашему мнению, объясняется тем, что она чаще всего отражает повседневность, потребности комфорта и быта. С такими явлениями человек сталкивается постоянно, и, значит, он постоянно ощущает на себе влияние данной культуры. Кроме того, данная культура более чувственна, чем рациональна, и не требует от человека особых усилий и способностей в усвоении своих образцов. Она преимущественно проявляется как материальная потребность. Человеческая природа такова, что она быстрее воспринимает то, что связано с его комфортом, тем более если это воспринимается легко. «Для Америки вопрос об истоке не существует, она не культивирует ни свои корни, ни какую-то мифическую аутентичность, она не имеет ни прошлого, ни основополагающей истины. <...> У Америки нет проблем, связанных с идентификацией» [3, с. 150]. Значит, американская культура в наибольшей степени способствует превращению человека в «массу».

Общественное сознание быстро воспринимает все новое, поэтому в теоретическом плане важен вопрос о способности и готовности принятия, изучения и правильного отражения местной (национальной, региональной, локальной) культурой культуры глобальной. В настоящий период требуется разработка методологии данного вопроса, а также изучения способности местной культуры к пониманию и взаимодействию с другими культурами, проникновения ее элементов в систему иной культуры.

Прогрессивная глобальная культура не разрушает национальные черты и менталитет местной культуры. Наоборот, она, отражая исторические национальные и демократические общечеловеческие ценности, имеющие гуманистическую сущность, способствует культурному прогрессу. Прогрессивная глобальная культура представляет собой синтез элементов всех культур, традиций и ценностей, которые активно включены в процесс глобализации. Она более либеральна и демократична, чем конкретная национальная культура. Представляется, что в условиях глобализации общество должно опираться именно на ценностно ориентированное сознание, которое, в свою очередь, должно основываться, с одной стороны, на традиционных национальных и религиозных

ценностях, а с другой – на прогрессивной глобальной культуре, имеющей демократическую и гуманистическую сущность.

В зависимости от конкретных ситуаций общество должно принимать новое прогрессивное и гуманное, возникающее в результате глобализации, иногда приспособляясь к ее результатам (модернизации), а также защищаться от негативных последствий глобализации, когда это необходимо. Неправильно как полное отрицание глобальной культуры, так и полное ее принятие. В этом отношении социуму следует быть гибким и прагматичным. Общественному сознанию необходимо постоянно рефлексировать динамику и тенденции глобализации, осознавать их, просчитывать ее возможные последствия и быть готовым к ним.

В период глобализации общества еще больше актуализируется проблема приоритетности духовности, национальных и общечеловеческих ценностей. Именно они могут по-настоящему противостоять негативному влиянию массовой и глобальной культуры. В современном Узбекистане духовная сфера признана приоритетной, проблемы, связанные с духовностью народа, считаются одним из важнейших. Президент Республики Узбекистан И.А. Каримов отметил, что против всякой опасности, будь она вооруженная, материальная, идеологическая или социальная, может выстоять именно духовность. Данная концепция базируется на следующих устоях: приверженности общечеловеческим ценностям; укреплении и развитии духовного наследия народа; свободной самореализации человеком своего потенциала; патриотизме [4, с. 74].

Глобализация не может полностью снять различия между людьми и культурами, ликвидировать их своеобразие. У человека всегда сохраняется способность к творчеству, а значит – к обновлению и совершенствованию, что позволяет ему сохранять свою уникальность и идентичность. По этой причине утверждение, что глобализация превращает всех людей в «массу», не совсем соответствует действительности. В культурном сознании глобального человека проявляется противоречивость глобализации культуры. С одной стороны, он обладает широким мировоззрением, актуальными знаниями, способен сравнивать свою культуру с другими, реально их оценивать и переоценивать. В сознании глобального человека преобладают черты скорее рационализма, реализма и прагматизма, чем сенсуализма. Он привносит элементы нового прогрессивного мировоззрения в систему собственной национальной культуры. С другой стороны, глобальный человек может обладать и некоторыми негативными чертами: под влиянием чужой культуры он способен отрываться от корней национальных и традиционных культурных ценностей и стать субъектом, способствующим разрушению своей культуры.

Национальная культурная задача современной стадии развития состоит в том, чтобы совершенствовать собственные традиционные ценности и вместе с тем заимствовать прогрессивные демократические начала. Культурный изоляционизм не может быть продуктивен. В противовес призывам оценивать глобализацию сугубо негативно, следует согласиться с мнением, что «...государства, регионы, общественные движения находили и будут находить формы выживания в условиях глобализации и приспособления к ней, сохраняя при этом свои особенности и культурные ценности» [5, с. 14].

Библиографический список

1. *Ортега-и-Гасет Х.* Восстание масс // Избранные труды. М., 1997.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998.
3. *Бодрийяр Ж.* Америка. СПб., 2000.
4. *Каримов И.А.* Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Ташкент, 1996. Кн. 1.
5. *Цыганков П.А.* Российская социальная наука в поисках национального ответа на вызовы глобального мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2004. № 4.

E.E. Nechaevskaya
Socio-Communicative Parameters
of Public Administration
Efficiency in the Sphere
of Culture

The necessity of application of management technologies and the implementation of system approach in the cultural sphere management is substantiated. The major directions that may influence the efficiency of management in the sphere of culture are shown.

Key words and word-combinations: public administration efficiency, management technologies, the sphere of culture.

Обосновывается необходимость применения технологий менеджмента и реализации системного подхода в управлении сферой культуры. Выделяются основные направления, способные повлиять на эффективность управления в сфере культуры.

Ключевые слова и словосочетания: эффективность государственного управления, технологии менеджмента, сфера культуры.

УДК 316.334.3:351
ББК 60.561.3:66.3(0),4

Е.Е. Нечаевская

СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Глобальные проблемы современности и новые социальные вызовы, изменение коммуникативного пространства и иномационная культурная экспансия актуализируют потребности концептуального осмысления культурной политики и оценки эффективности государственного управления в сфере культуры. Объективные показатели открывают дополнительные возможности прагматично оценивать последствия культурной динамики в социально-историческом толковании конкретных проявлений социальной действительности.

Многообразие подходов в осмыслении культурной политики обусловливается разнообразием концептуальных моделей культуры. С утверждением основных теоретических концепций социокультурные процессы переосмысливаются во взаимосвязи между культурой и социальным развитием, трансформа-

цией и политической модернизацией. Постепенно принцип культуроцентричности утверждается как важнейшая основа современного социогуманитарного знания, что способствует изменению традиционного взгляда на проблемы взаимодействия человека, культуры и социальной среды [1, 2]. Научная рефлексия культурных процессов все чаще осуществляется с позиции социокоммуникативного подхода. Коммуникация рассматривается в качестве важнейшего системообразующего фактора функционирования общества, являясь феноменом культурного общения [3–5]. Социокоммуникативный подход к осмыслению культурной политики и государственного управления в сфере культуры позволяет осмыслить роль государственного управления в сфере культуры в контексте мультикультурализма, транскulturализма и демократических преобразований, понимания культуры как диалога культур и культурных политик.

Вопрос о значимости культуры для общества в целом и для отдельной личности, о необходимости особой политической и экономической деятельности для ее функционирования в условиях радикальных изменений последних десятилетий приобретает особую актуальность. Дискурсивная практика показывает, что для понимания всеми субъектами социально-культурной деятельности управленческих решений в области культуры требуется концептуальное осмысление культурной политики. На наш взгляд, культурную политику целесообразно рассматривать как некое «коммуникативное поле», в котором происходит ее реализация и влиянию которого она подвержена.

Культурная политика представляет собой специфический вид деятельности по регулированию культурной жизни. Ее важнейшим субъектом является государство, располагающее не только наибольшим объемом ресурсов, но и разнообразными организационными структурами, способными непосредственно влиять на различные сегменты культурной жизни. Культурная политика связывается с общенациональной картиной мира – ее формированием, распространением среди граждан, поддержанием и сохранением ее в форме традиции и передачи ее последующим поколениям, а также развитием, модернизацией и приспособлением к меняющейся реальности [6].

Ни одно культурное явление не обладает лишь одним смыслом и непосредственным содержанием, а представляет собой совокупность различных смыслов и содержания как актуального, так и мемориального характера. Это обуславливает сложность управленческой стратегии и тактики в области культуры и необходимость многоуровневого подхода государственного управления в данной сфере.

Процессы политического и экономического реформирования, изменение информационно-коммуникативного пространства и активная интеграция России в мировое сообщество в условиях глобализации способствовали смене устоявшихся значений, регулирующих социальные взаимоотношения. Рефлексивная деятельность социальных субъектов обнаруживает глубокие изменения в ценностях и аттитюдах российского общества. Вместе с тем традиционные ориентиры, ментальные программы, встраиваясь в ткань современных ценностных систем, влияют на успешность общественных преобразований.

Понять коллизии ценностных аспектов сознания россиян в условиях бифур-

кационного каскада возможно при уяснении коммуникативных оснований, факторов, а также содержательных тенденций трансформации социокультурных процессов. По утверждению П. Штомпки, различные факторы экзистенциальной неуверенности, интерпретируемые и определяемые с помощью наследуемых референтных рамок, приводят к различным проявлениям культурной травмы, таким, как синдром недоверия, ностальгия по прошлому, политическая апатия, высокий электоральный абсентеизм [7].

В настоящее время адаптация к новым условиям в культурной и масс-коммуникативной сферах происходит преимущественно по понижающему варианту – наблюдается усреднение качества культурных образцов и информации, снижение уровня аналитических материалов и передач, «пожелтение» и деинтеллектуализация многих средств массовой информации, сужение разнообразия запросов людей, обеднение их жизненных горизонтов. Работающий в категориях рейтингов, популярных форматов, брэндов рынок духовной продукции функционирует как некий квазичивилизационный процесс на фоне коммерциализации культурной сферы. По результатам социологических исследований, в общественном сознании доминирует критическая оценка населением состояния духовной культуры, которое характеризуется чаще всего как «засилье бескультурия» (36,9%), «застой» (19,3%). Лишь 4,5% респондентов видят признаки «значительного возрождения» культуры и еще 27,8% – «частичного обновления на пути к возрождению» [8].

Население и эксперты оценивают деятельность власти в сфере культуры скорее как неэффективную – доминирует вариант «заботы» всех уровней власти о культуре: «от случая к случаю». Отрицательная оценка сохраняется и при характеристике культурной политики государства. Лишь 34,3% населения и 26,5% экспертов относятся к этой политике «положительно» и «скорее положительно, чем отрицательно»; 44,5% граждан и 59,3% экспертов оценивают проводимую политику «отрицательно» и «скорее отрицательно, чем положительно». Более выраженный негативизм экспертов объясняется их взглядом на проблемы культуры «изнутри».

Наиболее проблемной зоной, по мнению респондентов, является финансирование культуры. Расчеты, согласно которым вместо государства в эту сферу должен прийти частный капитал, не оправдываются. Российский бизнес не в состоянии содержать начальное и среднее образование, фундаментальную науку, крупные музеи, библиотеки. Это зона ответственности современного, тем более – социально ориентированного государства, каковым по Конституции РФ является Россия.

Самоустраненность государства от проблем культуры и невнятная культурная политика побуждают 49,6% экспертов считать, что сегодня система бюджетных учреждений культуры и искусства не способна эффективно выполнять свои интегрирующие функции [8]. Современные реалии требуют от органов и организаций культуры переосмысления своей роли, инновационных форм и методов управленческой деятельности. Социальная значимость культуры должна быть понятна не только работникам этой сферы, но и населению, чиновникам, спонсорам, благотворителям.

Сфера культуры является важнейшим структурообразующим элементом общественного развития, поскольку через нее осуществляются процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей общества. Культура в современном обществе во все большей степени выступает и осознается не как следствие социально-экономического и политического развития, а как необходимое условие, важнейший фактор этого развития, нравственный стержень личности и общества. Без опоры на этот ресурс, без его сохранения и развития невозможно обеспечение других стратегических целей и задач, таких, как формирование благоприятного социального климата, интеграция и продвижение России в мировое информационное пространство.

При выборе определенной формы управления в сфере культуры необходимо учитывать тот факт, что организации культуры относятся к публичной сфере, результаты их деятельности направлены на удовлетворение гуманитарных общественных потребностей, а доля так называемых «общественных благ», создаваемых организациями культуры, достаточно высока. Нельзя не согласиться с мнением, что деятельность таких организаций должна контролироваться обществом и необходимо обеспечить динамичный переход к общественно-государственной системе управления сферой культуры [9]. В связи с этим важным представляется развитие различных моделей участия заинтересованной общественности в управлении организациями культуры: участие в проектах, в оценке, в получении результатов, наконец, участие в принятии решений, которое, безусловно, требует высокого уровня профессионализма и компетентности. Эффективный коммуникативный дискурс позволяет формировать объективные оценки процессов, происходящих в культурной сфере.

Менеджмент государственных организаций культуры в последние годы практически не развивался, и сейчас наличествует несовременная, негибкая, требующая значительных усилий по своему изменению управленческая модель для государственных и муниципальных учреждений культуры. Большинство государственных организаций культуры могут быть охарактеризованы как закрытые организационные системы [10]. Поэтому в практическом плане актуализируется проблема развития субъектов государственного управления в сфере культуры как открытых диссипативных структур, адекватно реагирующих на изменяющиеся социальные потребности.

Проблема управления таким сложным комплексом, как культура, не позволяет сформулировать простых рецептов осуществления наиболее эффективного подхода в достаточно противоречивой ситуации, которая обусловлена особенностями исторического развития нашего общества, сегодняшней ситуации в стране, а также внешними факторами, воздействующими на нее. Поэтому следует использовать комплексный подход в управлении учреждениями культуры. Очевидно, что на современном этапе уже недостаточно руководствоваться только традиционным административным опытом. Необходимы научные знания и всеобъемлющая информация, адекватно отражающие связь социально-политических изменений, социокультурных и информационно-коммуникативных процессов.

Футурологические прогнозы Д. Белла, Э. Тоффлера, З. Бжезинского о качественном преобразовании социума на основе информационных технологий, высокого уровня инноваций, управления знаниями находят свое подтверждение в социальной действительности, однако реальности информационного общества оказались пронизаны множеством противоречий. Информация стала превращаться в «эксформацию» и разрушать знания. Одновременно сфера культуры стала все более коммерциализироваться. Изменения информационных и коммуникативных процессов не только не привели к качественно новому уровню гуманизации отношений и развитию знаний в различных областях социальной практики, но, напротив, способствовали различным социокультурным разломам. Проблема разрыва коммуникации и информации, коммуникативного и коммуникационного в современном мире все более актуализируется. Она накладывает существенный отпечаток на аксиомы коммуникации, необходимость антропологического и социального измерения коммуникативного процесса.

Социальная действительность в настоящее время характеризуется беспрецедентной насыщенностью, интенсивностью и неравновесностью информационных процессов, медиатизацией культурной политики и индивидуализацией. В этих условиях субъекты культурной политики объективно вынуждены незамедлительно и гибко отвечать на быстрые и внезапные изменения как социальной реальности, так и общественного сознания. Как следствие, учреждениям культуры и структурам управления данной сферой приходится решать целый ряд специфических задач, призванных снизить соответствующий негативный коммуникативный эффект и уровень энтропийных явлений.

Повышение эффективности управления в сфере культуры неразрывно связано с необходимостью разработки интегративной парадигмы государственного управления в сфере культуры и определением онтологических оснований культурной политики, формированием соответствующей методологии и расчетом параметров, способствующих устойчивости развития культуры.

Библиографический список

1. Толстых В.И. Культуроцентризм // Глобалистика: энциклопедия. М., 2003.
2. Шугуров М.В. Самоорганизация в природе и в культуре: аналогичность и инаковость // Философская и правовая мысль: альманах. Саратов; СПб., 2001. Вып. 1.
3. Востряков Л.Е. Модели культурной политики (кросскультурный анализ) // Общество и экономика. М., 2004.
4. Зборовский Г.Е. Социальная политика и ее культура // Политика и культура. Екатеринбург, 1990.
5. Майнхоф У. Дискурс // Контексты современности. Казань, 2001.
6. Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика России: теория и история. М., 2001.
7. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.
8. Митрошенков О.А. Пространство российской духовной культуры: испытание переменами // Социологические исследования. 2005. № 11.
9. Модернизация менеджмента: нужны ли радикальные меры? // Справочник руководителя учреждений культуры. 2003. № 5. С. 10.
10. Джерелиевская И.К. Аргументы в пользу менеджмента организаций // Там же. № 12. С. 19–23.

E.S. Gracheva
Museum Activity in the Context
of PR-Technologies:
Socio-Cultural Tendencies

Motives, requirements, and interests of museum audience are analyzed. Some specialists' views on museum activities are presented. The necessity of the use of advertising, PR-programs, and Internet-technologies to attract customers is substantiated.

Key words and word-combinations: PR-communications, museum advertisement, sponsorship, Internet-technologies.

Проанализированы мотивы, потребности и интересы музейной аудитории. Представлены взгляды специалистов на деятельность музеев. Обоснована необходимость использования рекламы, PR-программ и Интернет-технологий в музейной практике для привлечения потребителей услуг.

Ключевые слова и словосочетания: PR-коммуникации, музейная реклама, спонсорство, Интернет-технологии.

УДК 659:008
 ББК 76.006

Е.С. Грачева

МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ PR-ТЕХНОЛОГИЙ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Гармонизация отношений и достижение взаимопонимания между организацией и ориентированной на нее общественностью в современных рыночных условиях приобретают первостепенное значение. Рост значимости целенаправленно формируемых связей с общественностью (PR) обусловлен самим процессом создания и развития деловой среды, которая постепенно становится все более зависимой от поведения и мнения общества в отношении организации. Сегодня PR, или связи с общественностью, – это специфическая область деятельности, которая способствует достижению организацией высокой общественной значимости посредством выстраивания и эксплуатирования эффективной системы коммуникации.

В условиях глобализации, развития информационных технологий усиливается внимание к проблемам культуры, играющей все большую роль в жизни современного человека. Именно этим объясняется повышение социальной миссии музеев, которые участвуют в процессах формирования культуры, становясь научными, образовательными и даже развлекательными центрами для различных категорий посетителей. В музейных коллективах проявляются уникальность и неповторимость того или иного общественного, социального или этнического объединения, отражаются ценности, нормы, идеи, исповедуемые его членами [1, с. 6]. Музеи становятся

интерпретаторами и хранителями ресурсов прошлого, трансляторами социальной памяти и опыта, передающихся из поколения в поколение.

Музеи и художественные галереи являются ценным элементом культурного пространства города. Живя в современном мире, они не могут остаться в стороне от изменений в политике, экономике, социальном устройстве общества. Переход к рыночной экономике и демократизация российского общества существенно трансформировали концепцию существования музея как современного социокультурного института. Для решения проблем, стоящих перед музеем в моменты модернизации его деятельности, необходимо использовать инструментарии маркетинга, менеджмента, информационных коммуникаций.

Связи с общественностью выполняют функцию управления, нацеленную на установление и поддержание коммуникации между культурной организацией (музеем) и ее окружением (потребителями, спонсорами, государственными и муниципальными органами, иными организациями и учреждениями). В условиях современной трансформации социокультурных процессов, изменения образа и стиля жизни, появления новых стереотипов и установок поведения PR дает возможность организации функционировать более эффективно, помогая управлению социально значимой информацией, целенаправленному воздействию на общественное сознание, созданию корпоративных связей посредством формирования репутации, взаимопонимания и доброжелательности.

Сегодня любому учреждению культуры, в том числе и музеям, нельзя стоять на месте, игнорируя логику развития общества. На них возложена творческая задача изменить себя, сделать предлагаемые публике услуги привлекательными. Достаточно жесткая конкурентная борьба различных предприятий индустрии досуга за внимание потребителей способствует повышению значения рекламы и внедрению PR-программ. Новые требования к качеству работы музеев привели к появлению в их структуре соответствующих отделов, что, на наш взгляд, является вполне обоснованным.

Одна из главных задач информационного сопровождения деятельности музеев – познакомить широкую общественность с тем, какие культурные артефакты они в себе хранят, какие программы и проекты предлагают. Для потенциальных потребителей культурных услуг, так необходимых людям для профессиональной деятельности, самообразования, досуга и рекреации, важно знать, где и когда они смогут их получить. Поэтому учреждения культуры, в том числе музеи, должны профессионально и креативно использовать такие составляющие менеджмента, как реклама и PR.

В настоящее время сфера культурного досуга представлена множеством учреждений и организаций, обладающих различными возможностями. Чтобы выявить отношение жителей г. Саратова к музею как социокультурному институту, оценить субъективную потребность современного общества в музее и его восприятие современниками, нами был проведен анкетный опрос, который состоял из 19 вопросов. Исследование проводилось в феврале – марте 2009 г. и охватило 165 человек в возрасте от 12 до 57 лет. Выборочную совокупность составили посетители Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева. Анкетные данные были обработаны с помощью SPSS-программы.

Полученная эмпирическая информация позволяет сформулировать рекомендации по созданию наиболее благоприятного имиджа музея.

Один из вопросов анкеты касался предпочтений респондентов в выборе заведений досуга и развлечений. Так, абсолютное большинство (50,6%) опрошенных предпочитают проводить свободное время в кино. Второе место среди учреждений досуга у респондентов занимает театр (31,2%). Кафе, рестораны в качестве привлекательного способа проведения досуга находятся на третьем месте (20,7%). В целом ответы респондентов дают основание сделать вывод о низкой популярности музея как учреждения досуга и рекреации.

Исследование показало, что большинство опрошенных посещают музей два-три раза в год (87%), при этом 46,1% респондентов предпочитают бывать в музее с друзьями или семьей, 35% – с одноклассниками, самостоятельно – 1,1%. Напомним, что исследование проводилось среди посетителей музея, и поэтому приведенные показатели не могут экстраполироваться на общество в целом.

Тем не менее полученные результаты позволяют предположить, что музейные PR-программы или отдельные рекламные акции должны быть направлены на различные категории посетителей, учитывая их интересы и желания при выборе тех или иных форм музейно-образовательной деятельности. Не следует забывать и о том, что чем выше популярность музея и социокультурная значимость его проектов, тем больше вероятность привлечения дополнительных средств на финансирование новых музейных программ из бюджетных и внебюджетных источников.

Очевидно, PR помогает наладить связи не только с непосредственными потребителями музейных услуг, но и с потенциальными партнерами – предпринимателями и коммерческими организациями, способными выступить в роли спонсоров и меценатов. В настоящее время музеи накопили немалый опыт сотрудничества с различными фондами, которые стараются оказать того или иного рода помощь в создании и реализации музейных проектов. Спонсорская поддержка может выражаться не только в выделении финансовых средств, но и в предоставлении специального оборудования, транспорта, а также касаться тех областей, в которых музейные сотрудники не имеют достаточной подготовки (например, решение юридических вопросов, проведение маркетинговых и социологических исследований) [2, с. 15].

Во многих музеях создаются специальные информационные базы данных о потенциальных спонсорах. В них включаются сведения о предмете деятельности, сфере интересов, традициях спонсорства, потенциале и ценностных ориентирах меценатов. Подобная информационная система разработана сотрудниками сектора рекламы и PR в Саратовском Радищевском музее.

Участие в музейных мероприятиях обладает притягательностью и для спонсирующей стороны. Сотрудничество с музеями предоставляет дополнительные возможности для рекламы деятельности, товаров и услуг организации-благотворителя. Порой это оказывается выгоднее и эффективнее, чем покупка эфирного времени или рекламных площадей в средствах массовой информации. Участие в социально значимых проектах и программах не только демонстрирует прочное экономическое положение спонсоров, но и создает им социально привлекательный имидж. В роли спонсоров выступают как коммерческие, так и поли-

тические организации. В этом случае результатом оказывается политическая поддержка, чаще всего электоральная.

Как показывает практика, настоящего спонсора редко удается найти в результате случайных встреч, поэтому музеи стали выделять время и ресурсы на разработку программ по привлечению спонсоров и создавать отделы развития, в которых профессионалы занимаются привлечением источников дополнительного финансирования.

В ходе проведенного исследования респондентам был задан вопрос: «Должен ли музей сотрудничать с коммерческими организациями, привлекая их в качестве спонсоров?». Большинство посетителей (73,6%) ответили положительно, считая, что это «вполне нормальное явление», и только 10% не согласны с этой точкой зрения, мотивируя свое мнение тем, что «музей – храм муз и искусства, а не рынок». Однако практически все респонденты считают, что государство должно активно проводить культурную политику и оказывать помощь музеям различными способами: создать благоприятные правовые и налоговые условия (81%), разрабатывать систему внебюджетных источников финансирования культурных проектов (23%), развивать специальные правительственные программы в области культуры (12,4%), поддерживать благотворительность предприятий и граждан (7,8%).

Привлечь внимание широкой публики к проблемам музеев помогают не только PR-технологии, но и грамотно продуманная реклама, которая является одним из действенных средств формирования и стимулирования спроса на услуги музея.

Наряду с традиционными афишами и баннерами с информацией о работе музея в качестве носителя рекламы сегодня используются разнообразные варианты сувенирной продукции, упаковочные и печатные средства с символикой и названием музея. Оформленные в едином стиле музейные издания, видеофильмы, сувенирная продукция становятся визитной карточкой музея, что обеспечивает ему популярность, формирует определенный социальный имидж [3, с. 124].

Ощутимый рекламный эффект приносят многочисленные формы музейно-педагогической деятельности, которые не только пропагандируют работу музея, но и привлекают потенциальных посетителей различных возрастных, профессиональных групп и социального статуса. В частности, в практике Радищевского музея получили распространение образовательные, познавательные и рекреационные формы работы с посетителями: лекции, экскурсии, различного рода клубы и кружки, ролевые игры, встречи с интересными людьми, концерты, литературные вечера, театрализованные представления, кинопросмотры.

Какие же формы культурно-образовательной деятельности музеев наиболее привлекательны для наших респондентов? Результаты исследования свидетельствуют, что 30% опрошенных предпочитают посещать выставки; 45,4% – отдельные мероприятия и праздники, проводимые музеем; 20,2% – специальные экспозиции; 5% – лекции и кружки по интересам.

Несмотря на то что Радищевский музей использует различные рекламные средства и способы привлечения аудитории, анализ результатов исследования показал, что респонденты узнают о происходящих в музеях мероприятиях от

друзей (81%), для 10% опрошенных таким источником информации является афиша, для 5,5% – местные газеты. Сами сотрудники музея не отрицают тот факт, что, по их сведениям, основным способом рекламы музейных мероприятий является «живое слово» – отклик друзей, знакомых. Таким образом, можно сделать вывод, что либо посетители не обращают особого внимания на рекламу выставки или экспозиции (о чем говорят сотрудники музея), либо отдел рекламы музея не активно использует имеющиеся методы и средства продвижения музейных услуг и товаров (так считают 47,8% респондентов).

Достаточно большая часть респондентов (21%) совсем не обращают внимания на рекламу музейных событий или мероприятий. В целом есть основание отметить отсутствие широкой рекламы музейной деятельности на телевидении и радио, что подтверждается ответами респондентов. Так, 87% опрошенных недовольны тем, как СМИ информируют о музейных выставках и экспозициях.

Современная эпоха характеризуется развитием и интенсивным применением компьютерных коммуникационных технологий. Большинство коммерческих предприятий, промышленных корпораций используют их в рекламировании и реализации своих услуг. В этом отношении музей не является исключением.

С помощью сайтов, созданных в Интернете, музеи информируют публику о текущих и перспективных направлениях своей деятельности, анонсируют выставки и экспозиции, формируют благоприятный имидж и даже осуществляют продажу своих услуг. Получаемую информацию можно использовать в практической деятельности музея. В частности, виртуальная гостевая книга посетителей Интернет-сайта позволяет анализировать мотивы посещения, вкусы и предпочтения музейной публики.

Сотрудники музея отмечают, что существуют определенные границы и барьеры в реализации компьютерных проектов: отсутствие финансовых средств, площадей, специалистов в области информационных технологий. Важно заметить, что музей, не желающий оказаться в информационном вакууме, должен использовать электронные коммуникации для установления контакта с широкой общественностью. Об этом свидетельствуют результаты исследования: 79,5% опрошенных считают, что музей должен иметь свой сайт, тогда как только 22% респондентов равнодушно относятся к этой идее, заявляя, что «наличие музейного сайта никак не скажется на посещении и увеличении интереса к музейной деятельности». Однако 48% опрошенных не сталкивались с виртуальными рекламными музейными проектами и презентациями, а подавляющее меньшинство респондентов (10%) отметило, что знакомо с компьютерными презентациями.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать определенные выводы. В первую очередь грамотно разработанные и взаимно дополняющие рекламные и PR-программы помогают налаживанию устойчивых связей с уже состоявшимися и потенциальными партнерами, демонстрируя им, что музей готов пойти навстречу их пожеланиям и требованиям.

В результате интервью удалось выявить тенденцию использования музеем PR-акций как способа налаживания связей не только с потребительской аудиторией, но и с коммерческими предприятиями, фирмами, выступающими в роли спонсоров или благотворителей. Такое социальное партнерство приносит

выгоду обеим сторонам, помогая привлечь внимание к своей деятельности, создать наиболее благоприятный общественно значимый имидж, репутацию.

Другая социокультурная тенденция в работе музея обнаруживает необходимость использования электронных коммуникаций для продвижения музейной продукции и услуг.

По нашему мнению, в настоящее время PR – одно из важнейших направлений деловой активности не только современных коммерческих и государственных структур, но и учреждений культуры и искусства. PR-акции способствуют повышению социальной значимости музеев, их общественной востребованности, созданию хорошо запоминающегося и привлекательного образа. Главная цель таких мероприятий – ввести необходимое количество людей в соответствующую форму контакта с музеем и при этом добиться наилучшего финансового результата. Кроме того, растущий динамизм, изменчивость современной деловой и культурной среды обуславливают необходимость установления и поддержания устойчивых информационных связей с самой разнообразной музейной аудиторией. Ведь без участия широкого круга учреждений, организаций культуры, образования, науки, общественности музеев не станет тем привлекательным, научным, образовательным центром, который отвечает интересам и потребностям современного человека.

Библиографический список

1. Косова И.М. Культурное наследие и современный музей // Музей и нематериальное культурное наследие / сост. И.М. Косова. М., 2003. Вып. 6.
2. Воронова Н. Интермузей-2005 // Мир и музей. 2005. № 11. С. 15–18.
3. Лорд Б., Гэйл Д.Л. Менеджмент в музейном деле / под ред. А.Б. Голубовского. М., 2007.

E.A. Zinovieva
Socio-Cultural Status
of Education as a Space of Equality

Education is represented as a space of equality formation. Forms and problems of implementation of equal behavior in the given area are analyzed.

Key words and word-combinations: education, equality, equality factor, liberal model of education, social and spiritual experience.

Образование представлено как пространство формирования равноправия. Анализируются формы и проблемы реализации равноправного поведения в данной сфере.

Ключевые слова и словосочетания: образование, равноправие, фактор равенства, либеральная модель образования, социальный и духовный опыт.

УДК 316.3:37
ББК 60.54

Е.А. Зиновьева

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРОСТРАНСТВА РАВНОПРАВИЯ

Изменение принципов организации жизни и деятельности людей, их социальных и поведенческих норм и ценностей вызывает необходимость поиска новых механизмов, путей и средств регулирования со-

циальных процессов и управления ими. Образование как социальный институт испытывает на себе практически все изменения, происходящие в современном обществе. Анализ многосторонних и многоаспектных противоречий в сфере образования ведет к осознанию и раскрытию сущности глобального и национального образовательного кризиса, состоящего в неспособности современного образования удовлетворительно решать стоящие перед ним социальные и индивидуально-личностные задачи, выполнять основные функции.

Многообразие подходов к определению сущностных особенностей образования обусловлено различием в понимании целей и функций образования в разные эпохи. Основанием любой образовательной концепции служат идеология и социальные воззрения, отражающие стратегическую цель, к которой стремится общество в контексте его социального устройства, в связи с чем основной функцией образования на каждом этапе его развития является передача норм и правил последующим поколениям.

Для уяснения этого механизма, в частности, М.К. Петров использует понятие социокода, которое объясняет то, как в обществах поддерживалась легитимация, то есть распознавание, понимание и принятие символических структур в общении субъектов [1, с. 46]. По его мнению, для того чтобы ввести опыт в каналы трансляции, его необходимо фрагментировать. При этом, во-первых, фрагменты должны быть представлены дискретными единицами, емко упаковывающими, надежно сохраняющими опыт и доступными к выявлению, распознаванию. Во-вторых, в канале трансляции с помощью имени-кода следует указать адресанта. В-третьих, с помощью определенных средств надо поддерживать коммуникацию, трансляцию и трансмутацию (переводить новое в привычное).

Для понимания образования как способа передачи социального и духовного опыта от одного поколения к другому важно остановиться на концепции П. Бергера и Т. Лукмана. В символическом интеракционизме обозначилась проблема, сформированная этими учеными: «Благодаря реификации (переводов в предметно-знаковую структуру) образ обобщенного другого надежно откладывается в памяти, и его можно передать следующим поколениям» [2, с. 78]. Согласимся с А.А. Гусейновым, считающим, что «образование и воспитание... – специфический феномен эпохи письменной культуры...» [3, с. 8].

В древности образование существовало скорее в обратной своему современному виду тенденции, то есть в виде собственной антитезы: не распространение, а сокрытие знаний составляло его основу [4, с. 134]. Х. Ортега-и-Гассет, исследуя процесс институционализации образования, утверждает, что необходимость в таком особом институте не могла возникнуть в доисторический период, поскольку ничтожно малое количество находящихся в распоряжении человечества знаний можно было без особого труда усвоить в процессе повседневной трудовой деятельности. Примитивный уровень развития общества предполагал, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, определенные антиобразовательные тенденции. Дающие право на особое социальное положение знания могли быть усвоены любым членом общества – и заинтересованными людьми практиковалось сокрытие важнейших умений и навыков, таких, как изготовление наиболее сложных орудий труда, исцеление больных или изгнание злых духов.

Образование здесь выступает как фактор неравенства, поскольку сокрытие знаний позволяло одним членам общества быть более социально защищенными, нежели другим, и соответственно первые имели доступ к большим ресурсам.

В своей современной форме институт образования возникает только тогда, когда объем важнейших знаний увеличивается настолько, что усвоить даже определенную часть их оказывается в состоянии далеко не каждый член общества, и когда появляется проблема неуправляемого количества важного знания. Институционализация образования на этом этапе сопровождается усилением его классового характера, что опять свидетельствует о неравенстве.

Идея равенства людей вообще не получила распространения и не стала значимым этическим и социальным принципом в античности и в средневековье. Только эпоха Просвещения отмечена развитием представлений о равенстве в философии Жан-Жака Руссо и особенно Джона Локка, в экономической концепции Адама Смита и других мыслителей либерального направления. Более того, эти процессы совпадают со становлением либеральной модели образования.

Переход к всеобщему образованию в буржуазно-демократическую эпоху был исключительно важным качественным скачком в истории человечества и является одним из специфических признаков этой эпохи. По мнению А.А. Гусейнова, в его основе лежат, как минимум, три кардинальных и постоянно действующих мотива [5, с. 10], которые определяются как преодоление социального патернализма; выработка языка социальной коммуникации; формирование страты носителей знаний и профессиональных навыков.

Анализируя последовательно указанные мотивы, приходим к выводу, что преодоление социального патернализма требовало приобщения всех граждан к знаниям, их умственного развития как условия самостоятельного суждения и действия. При этом образованность, общеобязательные стандарты, которые постоянно возрастали от элементарной грамотности до среднего, а в ближайшей перспективе и высшего образования, стали выражением гражданской правосознательности и человеческой зрелости индивида, его самоуважения и достоинства. Что касается второго мотива, то разрушение феодальной структуры и консолидация народа в нацию требовали нейтрализации сословий, религиозных, этических различий как источников социальных конфликтов, что детерминировало выработку специфического средства социальной коммуникации, которое интегрировало людей вопреки социальной дифференциации. Таким средством стал язык науки, рационального мышления. В этом случае система образования определяется как пространство обретения такого интегрирующего языка. Третий мотив возникает тогда, когда промышленное производство, все более и более тесно смыкающееся с наукой, в массовых количествах потребовало грамотных, знающих, просвещенных работников, свободных от предрассудков предшествующих эпох. Подтверждение находим у Э. Дюркгейма: «Если в доиндустриальном обществе система образования была ориентирована главным образом на сохранение и воспроизводство культуры, опыта и знаний предшествующих поколений, то в индустриальном обществе институт образования становится важнейшим фактором культурного и социального изменения» [5, с. 275].

Переход к всеобщему образованию в буржуазно-демократическую эпоху спо-

собствовал расширению пространства образования. Наметилась тенденция, в соответствии с которой знание превращается в определяющий фактор производства, отодвигая на задний план и капитал, и рабочую силу. Человечество вступает в новый этап цивилизации, на котором движущей силой являются ценности, создаваемые знанием, этот этап получил название общества, базирующегося на знаниях, создающих ценности (knowledge-value society).

Знание стало сегодня основным условием производства. Знание означает реальную полезную силу, средство достижения социальных и экономических результатов. В настоящее время оно систематически и целенаправленно применяется для того, чтобы определить, какие новые знания требуются, является ли получение таких знаний целесообразным и что следует предпринять, чтобы обеспечить эффективность их использования. Иными словами, знание применяется для систематических нововведений и новаторства.

Если считать образование силой, интегрирующей общество в единое целое, то необходимо расширить само понятие социального образования и поставить задачу использования системы образования для воздействия на формирование социальных воззрений не только младших, но и старших поколений, пропагандируя такие виды образования, как повторяющееся, на протяжении всей жизни или непрерывное, а также образование для формирования равноправия. Социальная ценность образования позволяет людям и группам обнаруживать, осознавать на любом жизненном этапе свои образовательные потребности и удовлетворять их в соответствующих возрасту и интересу способах и формах. Образование на протяжении всей жизни с помощью книг, телевидения, радио, открытого университета создает не только иллюзию, но и реальное удовлетворение человеческих образовательных потребностей.

Не вызывает сомнений, что образование является способом, которым общество воспроизводит условия своего существования. В связи с этим на первый план выходит моральный аспект образования, ибо под моралью понимаются не только моральные учения, но также и привычки и стереотипы поведения. Образование помогает людям определить и устанавливать эти общие идеалы и распространяет их в обществе, создавая тем самым предпосылки цивилизованного социального (гражданского) развития. Иными словами, комплекс общепризнанных идеалов есть не что иное, как набор усваиваемых в процессе образования общепризнанных представлений или идей о жизни общества и о жизни в обществе.

Исходя из этого постулата, следует, что те, кто получают одинаковое образование, имеют сходные представления. Определенная совокупность идей руководит действиями определенной совокупности людей и цементирует созданный этими людьми общественный строй. Отсюда следует, что общество можно изменить, если изменить идеи, которыми руководствуются живущие в нем люди, а следовательно, идеи можно изменить, изменяя отношение к образованию и само образование.

Образование призвано решать проблему изменчивости мира, старения знаний, стереотипов мышления и действия, устаревания привычных форм, методов, приемов трудовой деятельности, способов ее организации. Уже сейчас ясно, что степень и скорость изменения предметного и социального окруже-

ния человека будет повышаться. Интеллектуальная технология производит в современном обществе изменения, сравнимые по масштабам и значимости с теми, которые были связаны с развитием машинного производства. Ожидается, что, в XXI в. до 80% населения наиболее развитых промышленных стран будут работать с информацией, а большинство видов работ станут осуществляться посредством дистанционного управления [6, с. 156].

В условиях формирования постиндустриального общества расширяется состав требований к профессионализму работников организации, расширяются его структурные компоненты. Здоровье и интеллектуальные способности дополняются сложным комплексом других характеристик, формальная оценка признака профессионального образования в контексте профессиональных знаний, умений, навыков объективно добавляется целым перечнем социальных качественных характеристик профессионализма. По данным экспертов, нормы устаревания профессий в последнем десятилетии XX в. не превышали в среднем восьми лет, а по ряду профессий – пяти, то есть ежегодно обесцениваются 20–30% знаний каждого специалиста [7, с. 12]. Готовность к обучению в течение всей жизни стала одним из главных условий успешной адаптации человека к постоянным изменениям в профессиональной деловой жизни.

Для профессионального труда, модель которого ориентируется на высшее образование, большее значение приобретает функция работать со сложными и различными по своей природе системами. Специалисты должны быть способны не только работать, но и изменять, конструировать технологические компоненты, диагностировать их состояние, регулировать режим работы, налаживать системную организацию. Поэтому значительное внимание в обучении отводится освоению и развитию научных форм деятельности: умению диагностировать, прогнозировать состояние процессов, принимать решения в сложных ситуациях, то есть демонстрировать профессиональную компетентность. Взаимодействия, происходящие при этом в социуме, нередко оборачиваются столкновением, конфликтом. В нем участвуют, с одной стороны, возможности, предоставляемые обществом молодежи (в частности, в сфере образования), а с другой – ориентации молодежи относительно набора предоставляемых ей обществом возможностей.

Первая составляющая обусловлена прежде всего рядом факторов, соотносимых с общей ситуацией в стране, глобальными условиями, ее определяющими. Вторая, кроме того, – социальными, демографическими, социально-психологическими и другими характеристиками как молодежи в целом, так и ее частей, групп выходцев из разных слоев общества, а также отдельных индивидов. Итогом взаимодействия обеих составляющих являются жизненные пути, судьбы молодых людей. Это не что иное, как вероятность реализации возможностей.

Таким образом, в соответствии с изложенным задача современного образования заключается в том, чтобы передать человеку не только сумму базовых знаний, не только набор полезных и необходимых навыков труда, но и умение воспринимать и осваивать новое: новые знания, новые виды и формы трудовой деятельности, новые приемы организации и управления, новые эстетические и культурные ценности. Это означает, что недостаточно выработать у человека способы адаптации к изменяющейся среде и достижениям научно-технического прогресса.

са. Образование призвано формировать у человека способность к творчеству, способствовать превращению творчества в норму и форму его существования, в инструмент свершений во всех сферах человеческой деятельности – в труде, в науке, в технике, в культуре, в искусстве, в управлении, в политике. Чем выше темпы изменений в мире, тем выше требования социума к образованию.

Важнейшая проблема современного образования – его эффективность для общества и для личности. Оно всегда связано с определенной социокультурной сферой, его проблемы вступают в теснейшее взаимодействие с проблемами других сфер общества. Образование – один из наиболее динамичных факторов воздействия на социальные процессы. Наиболее общей, стратегической целью образования должны стать воспроизводство и развитие культуры во всем ее многообразии. Подобное окажется возможным только тогда, когда образовательная среда станет специфическим пространством формирования равноправного поведения.

Библиографический список

1. Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991.
2. Берсер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
3. Гусейнов А.А. Выражение кризиса и симптомы обновления // Вопросы философии. 1999. № 3.
4. Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. М., 1991.
5. Дюркгейм Э. Социология образования / пер. с фр. Т.Г. Астаховой; науч. ред. В.С. Собкин, В.Я. Нечаев. М., 1996.
6. Долженко О. Очерки по философии образования. М., 1995.
7. Александрова Т.Л. Методологические проблемы социологии профессий // Социологические исследования. 2000. № 8.

A.A. Zhelezinsky
Environment Conservation
as a Constitutional-Legal
Category: Concept and Content

The article considers the issue of the legislative consolidation of such concepts as favorable environment and environment conservation and shows the drawbacks of their definitions.

Key words and word-combinations: environment, environment conservation, ecological safety.

Рассмотрен вопрос законодательного закрепления таких понятий, как окружающая среда и охрана окружающей среды, а также выявлены недостатки данных определений.

Ключевые слова и словосочетания: окружающая среда, охрана окружающей среды, экологическая безопасность.

УДК 342:502.1
 ББК 67.400:20.1

А.А. Железинский

ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Понятие «окружающая среда» впервые было введено в научный оборот во второй половине XIX столетия немецким биологом Якобом Исколем «для обозначения внешнего мира, окружающего живые суще-

ства, в той мере, в какой он воспринимается органами чувств и органами передвижения животных и побуждает их к определенному поведению» [1, с. 14]. В современной науке конституционного права вопрос охраны окружающей среды, несомненно, относится к наиболее дискутируемым. Как утверждает М.М. Бринчук, «различное отношение к данному правовому феномену в научной сфере было особенно проявлено со времени закрепления в ст. 72 Конституции РФ триады «природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности» как одного из предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов» [2, с. 30].

Для того чтобы понять содержание рассматриваемого института, необходимо проанализировать охрану окружающей среды как правовую категорию.

Вводные статьи с определениями основных используемых понятий стали непременным атрибутом практически всех федеральных законов, принимаемых в последние годы, и это, безусловно, положительная тенденция современного законодательства. Легальные определения достаточно часто играют решающую роль в толковании и применении законов. Ранее действовавший Закон РСФСР 1991 г. назван «Об охране окружающей природной среды» [3] и исходил из понимания окружающей среды только лишь как самой природы во всех ее взаимосвязях, в том числе с человеком и человеческим обществом. Он не содержал собственного понятийного аппарата, что, в свою очередь, породило «терминологические блуждания в экологии» [4, с. 27]. Как верно подметила Д.С. Велиева, «на современном этапе развития российского права термин «природа» заменяется термином «окружающая среда», так как именно она является как объектом научных исследований, так и предметом правового регулирования» [5, с. 23].

В Конституции России и действующем законодательстве под окружающей средой понимается сложный комплекс. В настоящее время законодатель в легальное определение понятия «окружающая среда» включает «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов», понятие же «природная среда» трактуется как «совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов» [6].

С.А. Боголюбов считает, что «такой подход можно считать революционным поворотом в российском законодательстве. <...> Включение антропогенных объектов в понятие окружающей среды, как и выделение, разделение в действующем законодательстве окружающей среды и природной среды, может иметь далеко идущие теоретические и, самое главное, практические последствия, которые сегодня даже трудно полностью предвидеть» [7, с. 56]. В свою очередь, М.И. Васильева отмечает, что «подход «окружающая среда» = «природная среда» + «антропогенные объекты» имеет право на существование и, более того, реализован в зарубежных правовых системах» [8].

На наш взгляд, скорее следует согласиться с мнением С.А. Боголюбова, нежели с точкой зрения М.И. Васильевой, поскольку российский законодатель при формулировании понятия «окружающая среда» в действующем Федеральном законе «Об охране окружающей среды» исходил не из зарубежного опыта

правового регулирования в сфере охраны окружающей среды, а из сформировавшегося на тот период российского законодательства. Выражается это в том, что в Конституции РФ использовалось понятие «окружающая среда», а не «окружающая *природная* среда» (которое закреплял Закон РСФСР «Об охране окружающей природной среды» 1991 г. и которое соответственно использовалось во всех законах и подзаконных правовых актах, принимаемых впоследствии).

На момент разработки и принятия Федерального закона «Об охране окружающей среды» создавалась ситуация, когда российское законодательство содержало два похожих понятия: «окружающая среда» и «окружающая *природная* среда». При этом первое было закреплено Конституцией РФ и поэтому имело первостепенное значение, а второе использовалось уже более десяти лет в период действия Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды» 1991 г., вследствие чего сформировалась группа правовых актов, содержащих понятие «окружающая *природная* среда», которые нужно было приводить в соответствие с Конституцией РФ. Поскольку процесс внесения изменений в законы и подзаконные акты трудоемок, российский законодатель решил не «избавляться» ни от одного из понятий и закрепил их в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» 2002 г. Признаком, отличающим «окружающую среду» от «природной среды» по смыслу Федерального закона «Об охране окружающей среды» 2002 г. стали «антропогенные объекты», включенные в состав «окружающей среды».

Не менее важным представляется определение содержания и правовых характеристик феномена охраны окружающей среды.

По мнению правоведов, «правовая охрана природы в СССР представляет собой установленную законом систему мероприятий, направленных на организацию охраны природы и рациональное использование, восстановление и умножение ее ресурсов» [9, с. 16]. В.В. Петров приводил в своих трудах определение понятия охраны природы в СССР со ссылкой на ГОСТ СССР, введенный в действие 1 января 1977 г.: «Охрана природы в СССР – система мероприятий, направленных на поддержание рационального взаимодействия между деятельностью человека и окружающей природной среды, обеспечивающая сохранение, восстановление природных богатств, рациональное использование природных ресурсов, предупреждающая вредное влияние результатов хозяйственной деятельности на здоровье человека» [10, с. 199]. А.К. Голиченков говорит, что «охрана окружающей природной среды – форма экологической деятельности, содержанием которой является достижение и поддержание такого ее качества, при котором возможны сохранение, защита и восстановление здорового состояния и целостности экосистемы Земли, а также защита разнообразия флоры и фауны (биоразнообразие) для удовлетворения интересов и потребностей общества [11, с. 42].

Подход В.В. Петрова представляется более точным и емким, поскольку он предполагает включение в деятельность по охране природы помимо охранных и восстановительных еще и превентивных природоохранных мероприятий. Как следствие, в таком случае предусматривается предупреждение вредного влияния результатов хозяйственной деятельности на здоровье человека, к чему,

на наш взгляд, и должно в идеале стремиться государство, реализуя политику в сфере охраны окружающей среды.

Действующее легальное понятие «охраны окружающей среды» дается в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды». По его поводу существует множество различных мнений в научной среде, но специалисты отмечают, что законодатель не учел в предлагаемом определении положения Конституции РФ и ряда иных, уже действующих федеральных законов.

Так, в содержание деятельности по охране окружающей среды включено рациональное использование природных ресурсов. Следовательно, здесь полностью проигнорирован конституционный подход к разграничению охраны окружающей среды и природопользования. И.А. Игнатьева отмечает по этому поводу, что «Конституция РФ ценна для развития экологического законодательства России не только непосредственно содержанием своих правовых норм, теми правами и обязанностями, которые в них заключены, но и своей терминологией. Термины Конституции РФ также являются определяющими для последующих законодательных актов, поскольку, как известно, за каждым термином стоит правовое понятие, которое, в свою очередь, должно иметь однуединственную дефиницию» [12, с. 16].

Исходя из данного в федеральном законе определения охраны окружающей среды, можно сделать вывод, что содержанием охраны окружающей среды в Российской Федерации является деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных и иных некоммерческих объединений, юридических и физических лиц, направленная на сохранение и восстановление природной среды; рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов; предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду; ликвидацию ее последствий вследствие негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. Такой подход в очередной раз подтверждает, что в триаде «личность – общество – государство» интересы государства остаются на первом месте, поскольку в данном определении нет ни слова относительно прав человека в области охраны окружающей среды.

Согласно ст. 42 Конституции РФ каждому гарантируется право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Понимая важность экологических прав человека, а также их гарантированность Основным Законом России, законодатель в определении понятия «охрана окружающей среды» должен был указать на необходимость со стороны государства обеспечивать экологические права человека.

Легальное определение охраны окружающей среды также будет оставаться неполным до тех пор, пока в нем не появится конечная цель такой охраны – экологическая безопасность государства. Она – это тот положительный результат, которого и должен достигнуть государственный аппарат в процессе своей деятельности по охране окружающей среды, что следует из даваемого в Федеральном законе легального определения самой экологической безопасности.

Думаем, что категория «экологическая безопасность» должна быть интегрирована в легальное определение понятия «охрана окружающей среды».

Кроме того, устанавливая несовершенство рассматриваемого определения, отметим, что «за бортом» даваемого в Федеральном законе определения понятия «охрана окружающей среды» остается следующее:

деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления по соблюдению конституционных экологических прав человека и гражданина (хотя соблюдение прав человека на благоприятную окружающую среду закрепляется как приоритетный принцип в ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды»);

деятельность федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, направленная на принятие мер по недопущению нарушения экологических прав человека и гражданина;

деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, а также общественных и иных некоммерческих объединений, юридических и физических лиц по защите уже нарушенных прав;

цель охраны окружающей среды – достижение экологической безопасности в стране.

Подводя итог изложенному, есть основание утверждать, что данное в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» определение понятия «охрана окружающей среды» по сути является неполным и больше подходит для определения понятия «охрана природы», а потому нуждается в корректировке.

На наш взгляд, под охраной окружающей среды должна пониматься деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных и иных некоммерческих объединений, юридических и физических лиц, направленная на соблюдение и защиту гарантированных Конституцией РФ и федеральными законами прав человека, на сохранение и восстановление природной среды, на предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию его последствий, на обеспечение экологической безопасности.

Библиографический список

1. Нескромный В. От философии «вражды» к философии «взаимозависимости» // Зеленый мир. 1995. № 20.
2. Бринчук М.М. Обеспечение экологической безопасности как правовая категория // Государство и право. 2008. № 9.
3. Об охране окружающей природной среды: Закон РСФСР // Ведомости РФ. 1992. № 10. Ст. 457.
4. Колбасов О.С. Терминологические блуждания в экологии // Государство и право. 1999. № 10.
5. Велиева Д.С. Конституционно-правовые вопросы реализации права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
6. Об охране окружающей среды: Федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

7. Боголюбов С.А. Новый Федеральный закон «Об охране окружающей среды» // Журнал российского права. 2002. № 6.
8. Васильева М.И. Федеральный закон «Об охране окружающей среды»: новое содержание и старые проблемы // Спасение (всерос. эколог. газ.). 2002. № 11 (269).
9. Казанцев Н.Д., Колотинская Е.Н. Правовая охрана природы в СССР: учеб. пособие. М., 1962.
10. Петров В.В. Экология и право. М., 1981.
11. Голиченков А.К. Охрана окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рациональное использование природных ресурсов: термины, содержание, соотношение // Экологическое право России: сб. материалов науч.-практ. конференций 1995–1998 гг. М., 1999.
12. Игнатьева И.А. Отражение конституционных норм в экологическом законодательстве России: проблемы законодательной техники // Журнал российского права. 2003. № 5.

E.N. Bondarenko
Development of a Closed
Administrative-Territorial Body's
Youth Life Strategies:
Specific Character of Conditions
and Process in the State of Crisis
at the Beginning
of the 21st Century

In crisis conditions individual life strategies become a significant factor in determining whether the society will overcome the crisis or fall deeper into it. The author considers the influence of the present crisis situation on the formation of life strategies of youth of the closed cities.

Key words and word-combinations: nominalism, life strategy, closed administrative-territorial formations ("ZATO").

В условиях кризиса жизненные стратегии индивидов становятся фактором выведения общества из кризиса или, наоборот, углубления кризиса. Автор рассматривает влияние сложившейся кризисной ситуации на формирование жизненных стратегий молодежи закрытых городов.

Ключевые слова и словосочетания: номинализм, жизненная стратегия, закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО).

УДК 316
 ББК 60.542.15

Е.Н. Бондаренко

ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖИ ЗАКРЫТОГО АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СПЕЦИФИКА УСЛОВИЙ И ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА НАЧАЛА ХХІ ВЕКА

В трансформирующемся обществе, каковым до сих пор в значительной мере остается российский социум, процессы перемен идут слишком быстро, масштабно и зачастую непредсказуемо. Это обстоятельство значительно осложняет задачу формирования жизненных планов и стратегий молодых людей, «которым не посчастливилось жить в эпоху перемен». При этом следует заметить, что успех реформирования российского общества как раз зависит от тех планов и стра-

тегий, которые будут реализовывать в своей жизни сегодняшние юноши и девушки. Теоретики и практики единодушны во мнении, что выход из нынешнего кризиса требует качественно новых стратегий, подходов, форм деятельности.

В классических социологических теориях сложились два противоположных методологических подхода к анализу единства общества и личности: холизм (Конт, Маркс, Дюркгейм) и номинализм (Вебер). Каждый из этих подходов по-своему эвристичен, но актуальность определяется конкретными условиями развития социальных систем и личностей, действующих в их границах.

На рубеже XX–XXI вв. особую актуальность приобрела номиналистическая традиция, суть которой в том, что источником и субъектом исторической реальности является индивид. Большую роль в разработке и утверждении номинализма сыграл М. Вебер. Он считал, что любое социальное образование необходимо рассматривать «как продукт и способ организации, связи специфических действий отдельных людей, так как только люди могут быть носителями ориентированного действия, имеющего смысл». При этом М. Вебер подчеркивал, что при изучении тех или иных видов «человеческого совместного действия» задача ученого «состоит в том, чтобы свести их к осмысленным действиям, что означает целиком свести их к действиям участвующих отдельных индивидов» [1, с. 227].

Соответственно в методологическом плане принцип номинализма задавал целью исследование «живых» индивидуальных коммуникаций и уникальных жизненных практик.

Продолжая традиции номинализма, З. Бауман характеризует особые черты индивидуализирующегося общества XXI в. и выделяет три процесса, имеющих непосредственное отношение к формированию молодежью жизненных планов и стратегий: 1) человек утратил контроль над социальными процессами; 2) человек оказался в ситуации неопределенности, будучи незащищенным перед неконтролируемыми им переменами; 3) человек утратил способность к планированию и достижению долговременных целей, жизненных стратегий и стал ориентироваться на немедленные результаты. При этом, согласно З. Бауману, разрушается преемственность поколений, снижается значение семейных традиций и ценностей, партнерства. Формирование стратегии жизни личности высвобождается из классовых, групповых, институциональных рамок, оно деятельностно включено в повседневное поведение индивида. Таким образом, стратегия выступает задачей, зависящей от решений индивида, за которые тот будет нести персональную ответственность. При этом доли принципиальных жизненных возможностей, закрытых для решения, уменьшаются, а доли, открытые решению, самостоятельно создаваемой биографии, увеличиваются. Индивидуализация жизненных ситуаций и процессов, стало быть, означает, что стратегии жизни становятся «авторефлексивными»; социально заданная стратегия жизни трансформируется в самостоятельно создаваемую [2, с. 199].

Современные исследователи отмечают, что возможность выбора особенно актуализируется в кризисные периоды развития общества. Именно в такие эпохи человек действительно превращается в «точку бифуркации», а контуры

будущего общества, траектории развития оказываются в существенной зависимости от воли и выбора самого человека. Дело в том, рассуждает финский социолог Т. Пиирайнен, что в течение «революции» социальные структуры только формируются, выглядят аморфными, постоянно меняющимися до такой степени, что их основы очень трудно проследить; именно люди создают новые структуры, подвергают общество реструктуризации; социальный порядок формируется как коллективный результат индивидуальных выборов и действий. Реструктуризация общества в подобной ситуации может рассматриваться как взаимодействие старых коллективных достижений и новых индивидуальных выборов и действий членов современного общества [3, с. 160].

Импонирующий подход Т. Пиирайнена сводится к сосредоточению внимания в первую очередь на повседневной жизни обычных людей, выявлении основных путей и жизненных стратегий, которые они используют, чтобы справиться с трудностями кризисного периода. Таким образом, приходим к теоретически важному выводу, что в условиях кризиса жизненные стратегии индивидов становятся фактором выведения общества из кризиса, или, наоборот, фактором углубления кризиса.

Специалисты отмечают, что неустойчивый характер социального развития, сформировавшийся вследствие социальных трансформаций нашей страны, в качестве основных жизненных стратегий порождает «стратегии адаптации» и «стратегии выживания» [4, с. 5]. По нашему мнению, такое разделение адекватно направлению социального транзита российского общества рубежа XX–XXI вв. В ней «схвачена» личностная жизненная ситуация молодых людей, чье самоопределение совпало с трансформацией социальной системы. В представленном исследовании исходим из данной типологии, но дополняем и конкретизируем ее в соответствии с ценностными доминантами молодых людей. Реконструкция типологии была осуществлена в ориентации на объект настоящего исследования.

В качестве объекта исследования выбран процесс формирования жизненных стратегий молодежи так называемых ЗАТО (закрытых административно-территориальных образований), что позволяет проанализировать его в качестве завершенной модели (ввиду административной замкнутости социального пространства). Исходим из гипотезы, что ценности, ожидания, жизненные стратегии молодежи, прошедшей социализацию в закрытых административно-территориальных образованиях, существенно отличаются от ценностей и стратегий молодежи других городских и сельских поселений. В пользу этого свидетельствует ряд перечисленных далее факторов, сказывающихся на особенностях молодежной политики в ЗАТО, где ее основными субъектами выступают градообразующие предприятия, а органы публичного управления и общественные организации зачастую становятся подвластными субъектами.

Во-первых, ЗАТО – обязательно некрупное поселение городского типа, и население здесь всегда выступает носителем городского типа сознания. Во-вторых, ЗАТО – поселение с искусственно закрытым социумом. В силу этой специфики формирование жизненных стратегий молодежи обладает своими особенностями. В-третьих, социум ЗАТО обладает еще одной значительной

особенностью – из-за не столь давнего возникновения такого типа населенных пунктов ценности, стереотипы и стандарты поведения старшего поколения населения, мигрировавшего из различных частей бывшего СССР, накладываются в сознании молодежи на нормы, установки и стереотипы, принятые в среде закрытых городов. В-четвертых, как показывают исследования, структура самих ЗАТО далеко не однородна и можно выделить различные модели социального управления в ЗАТО, касающегося, в том числе и напрямую, формирования жизненных стратегий молодежи. В-пятых, относительное социальное и материальное благополучие жителей ЗАТО, сохраняющееся даже в современных условиях финансового кризиса, по сравнению с населением других населенных пунктов России накладывает определенный отпечаток и на процесс социализации молодежи, и на формирование их жизненных стратегий.

Представляется, что «чистые» типы жизненных стратегий («стратегии адаптации» и «стратегии выживания») здесь не могут проявиться в связи с особыми условиями среды и их абстрактный анализ будет означать искусственное упрощение исследуемого процесса.

С учетом обозначенных факторов первый тип стратегии успешной внутренней и внешней адаптации можно представить в единстве вариантов «прагматик» и «профессионал». Второй тип – «плывущий по течению» и «подражатель». Третий возможный («достижительный») тип стратегии, по нашему мнению, крайне условен и становится результатом различных типов стратегий: «новатор», «прагматик», «профессионал», «иждивенец» и «игрок». Четвертый («стоический») тип проявляется в варианте «профессионал», стремящийся следовать собственным устремлениям, ценностям и идеалам.

Предложенная типология явилась результатом теоретического осмысления интересующей проблемы. Ее верификация была осуществлена в ходе исследования на тему «Жизненные стратегии молодого поколения закрытых административно-территориальных образований в условиях разворачивающегося кризиса (на примере г. Новоуральска)». Использовались методы анкетирования (количество опрошенных – 200 человек, время проведения – май 2009 г.) и фокус-групп (количество участников – 12 человек, время проведения – июнь 2009 г.). Полученные результаты позволили сделать вывод, что гипотеза о сосуществовании различных типов жизненных стратегий среди молодежи ЗАТО подтвердилась. Нами выделено пять основных типов жизненных стратегий молодежи ЗАТО: 1) «плывущие по течению» (21% от числа ответивших); 2) «прагматики» (8%); 3) «профессионалы» (37%); 4) «иждивенцы» (21%); 5) «игроки» (13%).

В молодежной среде ЗАТО на современном этапе «достижительный» тип жизненной стратегии является доминирующим (подтверждается ответами 64% опрошенных). Однако респонденты рассчитывали достигнуть цели за счет различных средств – таких, например, как формирование профессионализма или ставка на риск в жизненной игре.

Выявление среди респондентов 34% «плывущих по течению» означает, на наш взгляд, наличие серьезной угрозы потери потенциала ЗАТО. Во-первых, эти

молодые люди ориентированы на самореализацию вне закрытого города, и, во-вторых, остающиеся в городе «плывущие по течению» просто не смогут сохранить и нарастить конкурентные преимущества города. Подчеркнем, что полученное в ходе анализа данных распределение демонстрирует явно выраженное преобладание «профессионалов» в молодежной среде на современном этапе развития ЗАТО, однако можно с уверенностью предположить, что если кризис продолжится, то количество «плывущих по течению» резко возрастет.

В ходе осмысления материалов качественного исследования представилось возможным зафиксировать внутреннюю противоречивость жизненных стратегий молодых людей ЗАТО: то, что они называют «достижительными» стратегиями, на самом деле оказывается «стратегиями подражания». Молодежь ЗАТО нередко в своих «достижительных» на первый взгляд стратегиях стремится перенять, скопировать стратегию жизни своих родителей, но для успешной ее реализации им не хватает ресурсов, в том числе личностного. Таким образом, напрашивается парадоксальный вывод: «достижительные» стратегии, по сути, являются «запаздывающими», так как в них не учитывается неопределенность социальной ситуации, о которой упоминают. Возможно, данный парадокс как раз и является следствием закрытости города, которая способствует сокрытию неопределенности.

Результаты исследований показали, что кризис существенно повлиял на жизненное планирование молодежи закрытых городов, сместив ориентиры, заставив корректировать жизненные цели, способы их достижения. В условиях кризиса сдвинулись ценностные ориентации молодежи.

В сознании молодого поколения ЗАТО отчетливо выделились коллективистско-патерналистские установки. При этом обращает на себя внимание тот факт, что растет число молодых людей, допускающих возможность достижения целей с помощью криминала. Увеличивается процент согласившихся с высказыванием: «главное в жизни материальное благополучие, а свобода второстепенна» (17,5% в период кризиса против 14,4% в докризисный период). Готовы преступить через некоторые нормы морали и всеми средствами «драться за свое место в мире» на период кризиса 59,4% опрошенных молодых жителей Новоуральска (против 53,4% в докризисный период).

В целом молодежь ЗАТО демонстрирует неподготовленность к современным социально-экономическим изменениям, столкнувшись с незапланированными условиями реализации жизненных целей. Многие из участвующих в фокус-группе отмечали, что на данном этапе оказались в тупике.

На наш взгляд, именно «простота», размеренность, комфорт жизни в ЗАТО в прошлом способствуют некоторой аморфности молодого поколения в отношении своего будущего сегодня. Однако, размышляя над полученными результатами, мы склонны думать, что в известной мере они характеризуют настроение всех молодых россиян, их страх перед неопределенностью и неумение строить жизненную стратегию в ориентации на собственные конкурентные преимущества.

Имеет смысл рекомендовать всем институтам воспитания и образования, имеющимся в ЗАТО, объективно решать проблему индивидуальных жизнен-

ных стратегий. Для этого, на наш взгляд, необходимо продумать и внедрить школьные программы, позволяющие развивать личностную активность молодых людей.

Готовить человека к реализации потребности стратегического планирования будущего можно с помощью приемов стимулирования рефлексии на школьных занятиях с психологом, ориентируя молодежь на выработку алгоритма решения проблемных ситуаций. Особого внимания заслуживает анализ социализирующими агентами (комитетами по делам молодежи, образовательными и воспитательными учреждениями) выявленных «провальных зон» в реализации жизненных стратегий, а также систематическое и целенаправленное информирование молодежи о возможных трудностях, ожидающих ее при реализации жизненных стратегий.

Библиографический список

1. Наумова Н.Ф. Номинализм в социологии // Современная западная социология: словарь. М., 1990. С. 227. (*Weber M. Schriften zur theoretischen Soziologie. Fr./M., 1947. S. 102.*)
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.
3. Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. Helsinki, 1997.
4. Наумова Н.Ф. Жизненные стратегии в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5–11.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

E.V. Chekmarev
Contemporary Russian
Modernization:
Stages, Subjects, Resources

Stages of modernization of contemporary Russia are marked out. The role of different subjects is shown, and specific character of the youth participation in the process of modernization is substantiated.

Key words and word-combinations: modernization, stages of modernization, political resource, youth.

Выделяются этапы модернизации современной России. Показана роль различных субъектов и обосновывается специфика участия молодежи в процессе модернизации.

Ключевые слова и словосочетания: модернизация, этапы модернизации, политический ресурс, молодежь.

УДК 323.22/.28(470+571)
ББК 66.2(Рос)

Э.В. Чекмарев

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ЭТАПЫ, СУБЪЕКТЫ, РЕСУРСЫ

Проблемы современной модернизации России находятся под пристальным вниманием различных научных школ и отдельных ученых разного профиля. Анализ многочисленных исследований позволяет сгруппировать их по основным направлениям, связанным с осуществленными подходами и даваемыми оценками.

1. *Кризисная трактовка* исходит из того, что в результате модернизации в России произошел откат от постиндустриальной стадии развития цивилизации к индустриальной. Такая точка зрения первоначально была высказана представителями оппозиции [1, с. 133], а в научный оборот внедрилась значительно позже, в основном под влиянием книги «Крестный отец Кремля, или История разграбления России», написанной доктором наук лондонской школы экономики П. Хлебниковым. Валерий Бушуев, сторонник такого

подхода, утверждает, что «практически не построив ничего нового и не вложив ни копейки в элементарное поддержание того, что досталось ему в наследство от советских времен, ельцинский режим создал идеальные возможности расхищения национального потенциала... от 35 до 70% россиян при этом оказались за чертой бедности» [2, с. 33].

2. Сторонники *либеральной трактовки* произошедшей модернизации акцентируют внимание на движении России по демократическому пути развития, хотя в то же время объясняют специфику процесса демократических преобразований цивилизационными особенностями России [3, с. 423]. В политологической литературе часто подчеркиваются такие факты и критерии демократизации, как свободные демократические выборы парламента и президента, проведение референдумов, развитие рыночных отношений, формирование «среднего класса», функционирование политических партий. Вместе с тем в ряде работ высказывается сомнение по поводу обоснованности толкования современной российской политической системы как демократической. Это отражается, в частности, в применяемой терминологии. Например, в труде «Стратегия для России» [4] используются такие термины, как «незрелая демократия», «недодемократия».

3. *Традиционалистская концепция* оценки модернизации во многом противоположна либеральной. Примечательно, что она в значительной степени апеллирует к зарубежным разработкам так называемого «третьего пути» известного британского социолога Э. Гиденса, который своими исследованиями подготовил переход команды Т. Блэра к «новому лейборизму». Согласно современным отечественным исследователям, понятие третьего пути включает в себя такие ценности, как социальное государство, гражданское общество, «восстановление в правах» понятий общественного блага и социального равенства, сочетание индивидуализма и коллективизма, пересмотр концепции социальной политики и обеспечение устойчивого экономически безопасного развития, раскрытие человеческого потенциала. Данная концепция предполагает формирование способности жить в глобальном мире, ощущать ответственность за мир в целом [5, с. 50]. С точки зрения сторонников данного направления, Россия находится в самом начале этого пути.

4. *Евразийская трактовка* российской модернизации базируется на мнениях значительного числа зарубежных и отечественных исследователей, которые обращают внимание на тот факт, что Россия в своих преобразованиях была слишком ориентирована на Запад, который, в свою очередь, тоже меняется. Следовательно, по логике ученых, Россия вынуждена будет снова и снова модернизироваться. На основе переосмысления опыта Запада снова актуализировалась идея евразийства. В рассуждениях Ю.Г. Волкова, В.С. Полосина, А.С. Панарина содержатся идеи о соединении ценностей, идеологий и культур Востока и Запада [6, с. 26]; В.В. Лапкин и В.И. Пантин утверждают, что в «настоящее время в Азии происходят столь глубокие и принципиальные для будущего мирового развития сдвиги, что без их осмысления Россия просто никогда не сможет осуществить органичную и полноценную модернизацию, но будет вечно «догонять» позавчерашний день» [7, с. 54].

Особую значимость в современных условиях приобрели работы ученых, не укладывающиеся ни в одну из обозначенных трактовок и посвященные выяснению новых тенденций в развитии России и задач, стоящих перед страной, властью и обществом.

В частности, по мнению Т.И. Заславской, приоритетными считаются три основные задачи: легитимация властно-управленческой элиты; становление средних слоев и развитие гражданского общества; повышение общественной активности наиболее массового, базового слоя общества [8, с. 3–11]. А. Неклесса достойное будущее России видит реализованным через миссию государства и предназначение личности [9, с. 81]. Интересны также суждения В.Н. Иванова о будущем государственном патриотизме России как объединяющей идее [6]. Достаточно подробно и, безусловно, оригинально концепция будущей, модернизированной России изложена А.К. Адамовым, предложившим идею ноосферной демократии [10]. В исследовании ученого содержится интеллектуальный призыв к исконно русским ценностям, который может быть принят определенной частью молодежи, интересующейся российской историко-философской мыслью.

А. Кара-Мурза и Э. Пантин осмысливали проблемы модернизации современной России, исходя из признания цикличности развития страны [11–13]. В целом соглашаясь с предлагаемыми подходами, выразим некоторые возражения в отношении даваемых оценок. Так, утверждение Э. Пантина, что российская модернизация является догоняющей (верхушечной, мобилизационной), можно отнести лишь к периоду 1990–1995 гг. Полагаем, что и верхушечной ее можно назвать лишь по форме, тогда как по содержанию это были глубинные потрясения, полностью изменившие политическую систему страны, сознание населения, формы его политической активности. Вызывает недоумение и характеристика российской модернизации как «периферийной». Периферия, как известно, это пространство, удаленное от геополитических полюсов, Россия же находится в центре внимания всего мира и к моменту модернизации была великой державой. Даже в период кризиса 1990-х годов в силу своего геополитического положения она по-прежнему выполняла функцию оплота европейско-азиатского мира и равновесия. Об этом достаточно определенно заявляют не только российские, но и западные аналитики. Термин «мнимая (ложная) модернизация», на наш взгляд, также не отражает сути происходящих в современной Российской Федерации перемен.

Опираясь на имеющиеся в политической науке точки зрения, представляется возможным предложить собственную классификацию актуальных этапов модернизации России.

1. Модернизация, осуществляемая в 1990–1995 гг., может быть названа, на наш взгляд, **модернизацией прорыва**. Ее характерными чертами являются: радикализм, ориентация на западные ценности, уничижительное отношение к собственному прошлому, упразднение старых и формирование новых властных структур, передел собственности, утверждение новых элит.

2. Период 1996–1999 гг. может характеризоваться как **модернизация сознания широких масс населения**. Политические и экономические рычаги к

этому времени уже были сосредоточены в руках новой элиты, предстояло вовлечь в модернизационное русло более широкие социальные массы. В этом процессе активными участниками становились политические партии, молодежные организации, профсоюзы, религиозные объединения, средства массовой информации.

3. **Стабилизирующая модернизация**, на наш взгляд, стала формироваться с 2000 г. и продолжалась до 2005 г. Именно в этот период был устранен дисбаланс между «новыми» и «старыми» участниками общественно-политической и социально-экономической модернизации, пришло осознание необходимости опоры на традицию в решении модернизационных задач. Стабилизирующий характер модернизации проявился прежде всего в избрании нового Президента России, последовавшем затем реформировании структуры государственного управления. Приняты законы о политических партиях, о местном самоуправлении, сформировалась вертикаль власти, разработан комплекс федеральных и региональных законов. Власть и элита овладели новыми видами управления через формирование определенных составов представительных органов и прямое политическое действие.

4. С 2005 г. и до недавнего времени реализовывалась **современная модернизация**. Ее характерными признаками, на наш взгляд, являются: более четкое обоснование собственной позиции России в мире и попытка преодоления вызовов глобализации; разработка концепции суверенной демократии, предусматривающей суверенность российского народа и государства, возможность граждан эффективно участвовать в государственном управлении, возможности каждого гражданина реализовать конституционные права, обеспечивающие свободу, экономическое и духовное развитие [14, с. 15]; принятие Стратегии развития России до 2020 г., основными задачами которой провозглашаются создание в России привлекательных условий жизни; формирование правосознания народа в направлении созидания гражданского общества и правового государства [15, с. 24]; воспитание молодежи в духе патриотизма. Сегодня для Российской Федерации, несмотря на мировой финансовый и экономический кризис, важно попытаться закрепить позитивные тенденции современной модернизации.

Помимо представления оптимальной, с точки зрения ученых, возможной модели российской модернизации, отечественными исследователями анализировались структурные элементы и особенности модернизирующегося общества. Необходимо отметить, что с приходом к власти В.В. Путина в целом расширился круг представлений о субъектах модернизации.

Исследователями, с одной стороны, обращалось внимание на действия главы государства в направлении модернизации страны (восстановление государственности, наведение порядка в экономике и общественной жизни, борьба с бедностью, коррупцией); в данном контексте в качестве модернизационных проектов анализировались послания Президента Федеральному Собранию, приоритетные национальные проекты [16, с. 8]. С другой стороны, появились утверждения о том, что некоторые субъекты модернизации исчерпали себя: например, по мнению А. Коновалова, глава государства «окружен тройной

стеной своих «соратников», которых породили политехнологии, но которые ни в какой модернизации совершенно не заинтересованы», а парламент фактически стал «министерством по визированию инициатив Администрации Президента РФ» [16, с. 9].

На инертность общества как особого субъекта модернизации указывали многие ученые, объясняя данное явление особенностями менталитета, консерватизмом, верностью традициям и привычкам, господствовавшей прежде идеологией и авторитарной системой управления.

Ряд исследований посвящены модернизационным процессам в провинции. В частности, С.И. Барзилов и А.Г. Чернышев пришли к выводу, что провинциальная элита стала тормозом в развитии общества, а сама терминология модернизации неадекватна «не только реальности, но и российскому менталитету» [17, с. 14–16].

Несмотря на достаточно критичные оценки качественного состава субъектов модернизации, учеными констатируется, что в последние годы сформировались активные слои и группы, которые прошли принципиальный этап трансформации и совершили индивидуальный рациональный выбор, основанный на рефлексии ответственных интересов.

В качестве субъектов модернизации в ряде современных исследований особо выделяются политические партии. На эту сторону проблемы хотелось бы обратить особое внимание, поскольку партии как субъекты модернизации сыграли весьма противоречивую роль в трансформации политической системы современной России. Тем более, как отмечают исследователи данной проблемы, партии «изменили механизмы и технологии своей деятельности. Утрачивается четкая социально-политическая связь партий с общественными группами, слоями, классами. Видоизменяются формы влияния на власть» [18, с. 3].

По нашему мнению, партии, как часть политической системы, модернизировались более динамично, чем сама система в целом. При этом не следует забывать, что становление многопартийности вызывало настороженное отношение и у общества, и у власти. Тем не менее, оказавшись субъектами политической модернизации, партии в современной России сумели не только дистанцироваться от государства, но и установить связи с ним на новой модернизационной основе. Как подчеркивается в исследовании Ю. Шевченко, они стали необходимым элементом повышения эффективности власти [19, с. 98].

Важная роль партий в модернизационном процессе во многом связана с выполнением ими функции рекрутирования элит. Однако не стоит преувеличивать их значение, поскольку даже в этом случае партии выступали как ведомые и во многом подконтрольные власти [18, с. 55]. Добавим, что и на федеральном и региональном уровнях партиям не удалось привлечь широкие слои народа, и прежде всего молодежь, которая, на наш взгляд, является главным ресурсом всех и во все времена проводимых российских модернизаций.

Как свидетельствует опыт преобразований, невнимание к молодому поколению, к позитивному использованию его социальной энергии может привести к

возобладанию разрушительных тенденций. Например, после Первой мировой и Гражданской войн молодое поколение быстро восприняло новые идеи и стало их проводником. «Расчистить место под новое общество», «произвести подгон человеческого материала под более высокую систему хозяйства» – вот ключевые установки массового поведения молодежи того периода [20, с. 129]. Как бы то ни было, партией Ленина – Сталина устремления советской молодежи были направлены в созидательное русло, в результате чего в кратчайшие исторические сроки была осуществлена коллективизация и индустриализация страны – величайшие модернизационные проекты первой половины XX в. Современные же политические партии не смогли вдохнуть пафос преобразований в души молодых людей. Их кризис – это, как правило, кризис доверия. Например, в 2005 г. из всех россиян, доверявших Путину (а их большинство), только 33% являлись сторонниками пропрезидентской «Единой России» [21, с. 37].

Базовым основанием современной модернизации в молодежной среде, на наш взгляд, является отход от противодействия и политического вызова, переход к практике доверия новым политическим лидерам и властным институтам. Так, каждый седьмой молодой россиянин, согласно исследованиям ВЦИОМ, назвал В.В. Путина своим кумиром. Его поддержка молодежью на выборах существенно выше, чем в старшей группе населения [22, с. 38].

Современная модернизация проявилась и в поиске идеологических и организационных основ молодежной активности. Только в 2005 г. в стране проведена масса мероприятий, стимулирующих профессиональное сообщество кадров, работающих с молодежью с целью повышения роли молодежи в модернизации России. Среди них: Второй международный конгресс «Российская семья» (апрель 2005); Третьи Димитриевские чтения «Социальное служение молодежи» (Углич, май 2005); Форум сельской молодежи (Москва, июнь 2005); Пятая международная выставка научно-технического творчества молодежи НТТМ-2005 (Москва, 2005); V Международная научно-практическая конференция «Молодые ученые – экономике России»; Всероссийское совещание по вопросам содействия трудоустройству и развитию бизнес-инициатив молодежи; Всероссийская летняя школа студентов, обучающихся по специальности «Организация работы с молодежью»; Открытый международный конкурс работы с молодежью в моделях и результатах.

Перечисленные мероприятия сформировали определенный поворот в молодежной политике, символизирующий, с одной стороны, активное включение молодых людей в законотворческую деятельность, а с другой стороны, перенесение центра тяжести молодежной управленческой деятельности в регионы. Так, участники Третьих Димитриевских чтений, проходивших в мае 2005 г., выступили с инициативой изменения и дополнения действующих законов, а также рекомендовали объединять усилия ученых социальных и экономических наук России в разработке общегосударственной стратегии воспитания молодежи и развития молодежной политики. Кроме того, они предложили разработать Хартию (декларацию) российских городов и поселений.

Главным направлением в активизации молодежи на уровне муниципалитетов в середине первого десятилетия XXI в. становится практика участия молодых людей в финансовом обеспечении молодежной политики. Пример города Кирово-Чепецка показывает, что такой подход проецируется на ряд действенных мер, направленных на зарабатывание денег молодежными организациями. Городской молодежный центр, например, добился передачи городского парка и городского пляжа из ведения жилищно-коммунального хозяйства себе. Все средства, полученные от хозяйственной деятельности тратились, согласно Уставу, на различные молодежные проекты. В арсенале молодежных дел указанного города – создание добровольного объединения дружинников, акция «газоны». Только в рамках этой акции молодежный центр заработал за месяц 120 тыс. рублей, 50% которых направлено по согласованию с городской Думой на ее счет, а 50% осталось в молодежном объединении и расходовалось на нужды молодежи.

Выявленные этапы модернизации современной России, в том числе и участие в модернизации молодых людей, подтверждают общую рабочую гипотезу о том, что Россия перешла от хаоса к порядку. Она демонстрирует создание принципиально новой, демократической политической системы: выстроена вертикаль власти, эффективно действуют парламентские структуры федерального уровня, созданы демократические представительные органы в субъектах Федерации.

Вопреки суждениям одного из западных теоретиков Хантингтона о том, что политические модернизации нуждаются главным образом в утверждении законного политического порядка, а не свободы, российская модернизация началась именно с нее. Тем сложнее было осуществить переход к порядку. Понадобился достаточно солидный срок, чтобы убедить широкие слои населения в необходимости преобразований. Власть перестала быть заложницей противоборствующих сил, как отмечалось ранее, в условиях стабилизирующей модернизации. Прекратилось разрушение государственных структур. Располагая разветвленной системой юридических средств, государственные органы, как субъекты модернизации, опираясь на новые нормативно-правовые акты, обеспечили развитие политической системы по демократическому пути. В очередной раз Россия продемонстрировала значимость государственного влияния в условиях модернизации.

Отличительная черта современной модернизации, контуры которой, на наш взгляд, стали проявляться с 2005 г., состоит в соединении политической воли государства с инициативой общества, в поиске новых субъектов и ресурсов осуществления демократических преобразований. Диалог власти и общества проявился прежде всего в объединении усилий на основе долгосрочной стратегии и предоставления мандатов для политических партий, не прошедших 7%-ный барьер на выборах. С 2006 г. стала осуществляться государственная поддержка политических партий.

Современная модернизация выявила необходимость более широкого использования в политическом процессе таких групп, как женщины, региональная элита, молодежь. Женщины являются важнейшим субъектом модерниза-

ции, поскольку составляют более половины избирателей, принимают активное участие в законотворчестве, хотя данный ресурс используется недостаточно. Региональные элиты в условиях современной модернизации обеспечивают вхождение ярких лидеров из регионов в федеральные структуры власти. Этот процесс начался, но, как представляется, идет слишком медленно.

Наконец, молодежь как политический ресурс модернизации является перспективнейшим из всех человеческих ресурсов, поскольку выступает в роли наиболее яркого носителя инновационных качеств общества, постоянно воспроизводится, обладает высоким уровнем образования, отличается мобильностью, целеустремленностью.

Библиографический список

1. *Зюганов Г.А.* География Победы. Основы российской геополитики. М., 1997.
2. *Бушув В.* Что создали? Куда движемся? // Свободная мысль – XXI век. 2003. № 2.
3. Политические институты на рубеже тысячелетий: сб. Дубна, 2001.
4. Россия после выборов: внутривнутриполитические императивы // Стратегия для России: Повестка дня для Президента. 2000. М., 2000.
5. *Федотова В.Г.* Третий путь // Свободная мысль – XXI век. 1999. № 2.
6. Россия и современный мир: проблемы политического развития: сб. М., 2005.
7. *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. 2005. № 3.
8. *Заславская Т.И.* Социоструктурные аспекты трансформации российского общества // Социс. 2001. № 8.
9. *Неклесса А.* Поражение России // Россия – XXI век. 2005. Ноябрь – дек.
10. *Адамов А.К.* Ноосферная демократия – система истинного народовластия. Саратов, 2003.
11. *Кара-Мурза А.* Как возможна Россия? М., 1999.
12. *Пантин Э.А.* Устойчивое развитие может гарантировать только овладевший государством народ // Российское государство: вчера, сегодня, завтра: сб. М., 2007.
13. *Пантин Э.А.* Исторический бег по кругу: попытка объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России // ОНС. 2008. № 4.
14. *Хабиров Р.Ф.* Концепция народного суверенитета в правовой теории и практики // Правовое государство: теория и практика. 2008. № 2.
15. *Еникеев З.Д.* Правовое государство – идеальная форма жизнеустройства современного российского общества // Там же.
16. Модернизация России и Европа: сб. Ростов н/Д, 2005.
17. *Барзилов С.И., Чернышев А.Г.* Безумство власти. Провинциальная Россия: двадцать лет реформ. М., 2005.
18. *Данилов М.В.* Исследование многопартийности: традиции и инновации. Саратов, 2006.
19. *Шевченко Ю.Д.* Между гражданским обществом и авторитарным государством // Pro et Contra. 2000. Т. 5.
20. *Сидоров В.* Россия в сетях глобализации // Вестник политики. 2006. № 3 (25).
21. *Иванова М.* Партийцы на региональных выборах // Свободная мысль. 2007. № 6.
22. *Петухов В.* Кумиры российской молодежи: взгляд социолога // Вестн. Всерос. олимпиады школьников. 2008. № 3.

M.G. Gilfanova
The Modern Model
of Personnel Labor Stimulation

The author synthesizes the available theoretical elaborations of sociological schools investigating labor motivation systems. A three-factor model of modern organizations' personnel labor motivation is proposed.

Key words and word-combinations: labor motivation, three-factor model of labor motivation.

Автор синтезирует имеющиеся теоретические разработки социологических школ, исследующих системы стимулирования труда. Предлагается трехфакторная модель стимулирования труда работников современной организации.

Ключевые слова и словосочетания: стимулирование труда, трехфакторная модель стимулирования труда.

УДК 331.5(470)
 ББК 65.290-6

М.Г. Гильфанова

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ
СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА
РАБОТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ

В современных условиях стимулирование считается важнейшей формой мотивации. В рамках данного подхода мотивация рассматривается как система внешнего стимулирующего воздействия на человека и как система внутримотивационного воздействия на трудовое «поведение человека для достижения личных, групповых и общественных целей» [1, с. 116]. Следовательно, мотивация может характеризоваться через внутреннее и внешние показатели.

Внутренняя мотивация формируется из побуждения субъекта к трудовой деятельности через активизацию личных целей, направленных на удовлетворение потребностей, интересов, ценностей. Для нее характерно сопряжение целей организации и «целей работника для наиболее полного удовлетворения потребностей обоих» [2, с. 85].

Внешняя мотивация определяется стремлением субъекта к трудовой деятельности через задачи и цели, заданные извне. Внешние факторы мотивации, как правило, характеризуются как стимулы, которые подразделяются на принудительные и договорные, социальные и социально-экономические, социально-культурологические и социально-психологические. Внешние факторы мотивации побуждают акторов к заранее определенному стилю трудового действия.

Концепции, исследующие стимулы трудовой деятельности (внешние факторы мотивации), условно можно разбить на три группы: основанные на классических принципах теории потребностей; построенные на про-

цессуальных теориях мотивации; исходящие из комплексного подхода, обобщающего потребительные и процессуальные теории мотивации.

Исходящие из классических принципов теории потребностей А. Маслоу [3, с. 31] авторы доказывают, что внешняя мотивация осуществляется в форме стимулирования – как процесс побуждения индивида к удовлетворению различных потребностей (первичных и вторичных). Считается, что стимулирующая система должна быть в состоянии постоянного развития и определять устойчивое совершенствование потребностей различных групп трудовых акторов. Переход к стимулированию через активизацию потребностей признания и уважения определяет понимание менеджером того, что человек в системе трудовых отношений должен быть тем, кем он *может* быть. Таким образом, стимулирование постепенно ориентируется на более высокий комплекс потребностей работников.

Сторонники рассматриваемого подхода сужают ракурс исследования стимулов. Они определяют стимулирующие компоненты по тем *конечным* потребностям, через удовлетворение которых реализуется мотивация трудовой деятельности работников. Несложно заметить, что стимулирующие компоненты могут быть объединены как минимум в два основных комплекса:

стимулы, реализующие трудовую мотивацию через реализацию дефицитных потребностей личности. Этот стимулирующий комплекс дифференцируется по типу базовых потребностей: физиологических, безопасности и социальных;

стимулы, реализующие трудовую мотивацию через потребности самоуважения и самореализации. В данном случае стимулирующий комплекс дифференцируется по типу потребностей: социальный рост, профессиональное развитие и саморазвитие личности.

В рамках представленного подхода система стимулирования не разбивается на четкие компоненты, специалистами не устанавливаются критерии, по которым стимул можно отнести к той или иной группе.

Вторая группа исследователей действует, исходя из совокупности «стимулирующих теорий справедливости», основанных на утверждении, что активная потребность не может ограничивать целевую направленность стимулирующего воздействия. Важнейшим стимулирующим фактором исследователи признают ожидание человеком того, что стиль их трудового поведения необратимо приведет к удовлетворению материальных и духовных потребностей или приобретению желаемого. Стимулирование в данной концепции рассматривается как процесс трансформации коллективного сознания работников, осуществляемой под воздействием ожиданий того, что усилия дадут желаемые результаты; что результаты повлекут за собой вознаграждения; что вознаграждение будет ценно (валентность вознаграждения).

В рамках стимулирующих теорий справедливости доказывается, что стимулирование приводит к мотивационному результату вследствие прохождения различных этапов развития ценностных основ коллективного сознания работников. Работники здесь рассматриваются как саморазвивающиеся личности, субъективно определяющие стиль своего трудового поведения относительно ожидания получения вознаграждения, связанного с затраченными трудовыми

усилиями. При этом индивиды соотносят ожидание своего вознаграждения и ожидание вознаграждения других сотрудников в контексте имеющегося трудового статуса.

Стимулирующая система в данной концепции формируется из двух компонентов: видимое (базовый оклад, премии и пособия) и невидимое (часть дополнительной заработной платы, обеспечивающая динамичный профессиональный рост, социальное развитие работников) материальное стимулирование. Каждый из этих компонентов стимулирования имеет неодинаковую ценность в различных сегментах трудового потенциала работников [4, с. 35].

При таком методологическом подходе преобладают субъективные социологические оценки стимуляторов труда. «Основной вывод теории справедливости состоит в том, что пока люди не начнут считать, что они получают справедливое вознаграждение, они будут уменьшать интенсивность труда. Если разница в вознаграждениях обусловлена разной эффективностью труда, то необходимо разъяснить сотрудникам, получающим меньше, что когда их результативность достигнет уровня их коллег, они будут получать такое же повышенное вознаграждение» [5, с. 607]. Логика объяснения действий акторов базируется на нескольких основных постулатах: а) работники, которые убеждены, что им недоплачивают, как правило, начинают работать менее эффективно, понижают уровень интенсивности труда, одновременно они могут стремиться повысить уровень своей зарплаты; б) сотрудники, убежденные в том, что им переплачивают, будут мотивированы не только сохранять, но и наращивать результативность своего труда.

В рамках данного подхода система стимулирования разбивается на три четкие компоненты: материальное стимулирование выполнения должностных обязанностей (выплачивается всем); материальное стимулирование выслуги лет и сглаживания факторов стоимости жизни (выплачивается всем); материальное премиальное стимулирование достижения результативности и эффективности труда (выплачивается индивидуально).

Недостатком концепции, основанной на процессуальных теориях мотивации, является экономическая ограниченность: авторы абстрагируются в своих исследованиях от нематериальных систем стимулирования труда. В то же время в современных условиях роль нематериальных факторов постоянно увеличивается.

Третья группа исследователей формирует комплексный подход к исследованию систем внешнего стимулирования труда, выраженный в определении двухфакторной (потребности и мотивации) модели стимулирования труда работников.

На основе комплексных социологических исследований Ф. Херцбергом впервые был предложен новый структурированный методологический подход формирования факторных систем стимулирования труда. Стимулирующими факторами определяется сама среда процессов трудового взаимодействия, характер и сущность отношений на рабочем месте. В свою очередь, отношения мотивируют и определяют необходимый стиль трудового поведения работников на конкретном рабочем месте.

Стимулирование в факторной модели направлено на профилактическое обновление трудовых мотивов. Логичны выводы последователей теории факторного стимулирования, что «для эффективной мотивации работников их работа должна быть испытывающей, требующей напряжения и высокой степени ответственности, обеспечивающей признание и возможности роста» [6, с. 120]. Н.Л. Маренков и Е.А. Алимарина отмечают, что факторный подход к мотивационной системе стимулирования заключается прежде всего в рассмотрении социальных стимулирующих факторов как важнейших рычагов активизации деятельности трудовых коллективов и каждого работающего в организации [7, с. 204].

Между тем многие современные социологи критически оценивают факторную концепцию, определяют ее теоретическую часть как ограниченно-субъективную, выстроенную односторонне на основе только субъективных оценок работников. А. Егоршин подчеркивает, что невозможно чувственные субъективные мнения работников ставить в основу теоретической концепции: работник может уважать своих коллег и любить свою работу, что и определит его мнение о положительной чувственной оценке трудовой деятельности. Он может получать положительные эмоции, общаясь с коллегами и друзьями, удовлетворяя свои социальные потребности, в то же время, несмотря на удовлетворенность трудом, его трудовая эффективность может быть недостаточной [5, с. 603–604].

В рамках данной модели система стимулирования трудовой деятельности строится в контексте достижения коллективной справедливости, стимулирующей материальную мотивацию сотрудников. Двухфакторная модель стимулирования труда ориентирует на то, что для эффективного стимулирования труда менеджмент должен обеспечивать наличие стимулирующих трудовых факторов, разрабатывать программы «обогащения» трудового взаимодействия работников. Важнейшие цели данных программ связаны с перестройкой и расширением прав и обязанностей сотрудников, введением творческих начал труда, внедрением новых факторов нематериального стимулирования работников организации.

Так же как и иные, концепция двухфакторной модели стимулирования труда имеет недостатки. Во-первых, теоретические выводы строятся на упрощенном двухблочном опросе (субъективное описание работниками хорошего или плохого самочувствия после выполнения той или иной работы). Субъективные ощущения испытывают на себе воздействие множества разнообразных факторов, тогда как анализ результатов опроса не сопровождался социологическим исследованием экономического поведения работников и изменений эффективности трудового взаимодействия работников исследуемого предприятия. Во-вторых, предположение исследователей о буквальной корреляции между удовлетворением от работы (проявляющемся в положительной самооценке трудового самочувствия работника) и производительностью труда не подтверждается опытным путем. Например, социологические исследования показывают, что в условиях современной России удовлетворение от работы не является основным стимулирующим фактором. Заработная плата и другие варианты материального стимулирования проявляют себя как основные системы, стимулирующие трудовое поведение работников, тогда как иные факторы рассматрива-

ются как дополнительный компонент, действующий в рамках комплексов социального и культурологического стимулирования.

Обобщая приведенный дискурс, можно сделать вывод о наличии достаточно различающихся современных концепций стимулирования труда, что обуславливает необходимость представления новой интегрирующей системы стимулирования. В рамках такого подхода следует преодолеть ограниченность потребительного и процессуального мотивационного подходов, расширить компоненты системы стимулирования.

Представляется, что интегрирующая система стимулирования труда должна строиться на основе материального стимулирования, но органически дополняться нематериальной составляющей социального и культурологического комплекса. При этом она должна быть направлена на расширительное удовлетворение физиологических потребностей, потребностей безопасности и одновременно – на формирование уверенности в карьерном росте, социальном и профессионально-культурном развитии работников.

Такая расширительная система факторов стимулирования труда может быть представлена сочетанием трех следующих факторных системных комплексов.

Основная заработная плата. В условиях России этот фактор по-прежнему является основополагающим. Он определяет условия расширительного удовлетворения базовых физиологических потребностей сотрудников организации.

Дополнительные формы материального стимулирования, социальная политика организации, условия трудового взаимодействия, характер межличностных отношений в организации. В России данная система только начинает развиваться, но роль такого стимулирования по мере дальнейшего развития будет неуклонно повышаться. Этот стимулирующий комплекс создает условия расширительного удовлетворения базовых потребностей социально-экономической безопасности, материальных вложений в человеческий капитал и уверенности в будущем сотрудников организации.

Стабильный карьерный рост, неуклонное продвижение по службе, возможности творческого самосовершенствования, устойчивого социального и культурного развития работников организации. В России такая система только зарождается, но по мере становления постиндустриального общества резко усиливается потребность в развитии третьего системного фактора стимулирования труда сотрудников.

Библиографический список

1. Генкин Б. Экономика и социология труда. М., 2000.
2. Карташова Л.В., Никонова Т.В., Соломанидина Т.О. Организационное поведение. М., 2001.
3. Maslow A. Motivation and Personality. New York, 1954.
4. Бергер Л. Роль вознаграждения труда в преобразовании организации // Энциклопедия систем мотивации и оплаты труда / под ред. Д. Бергер, Л. Бергера. М., 2008.
5. Егоршин А. Управление персоналом. Н. Новгород, 2007.
6. Грэхэм П. Человеческие отношения // Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. СПб., 2002.
7. Маренков Н.Л., Алимарина Е.А. Управление трудовыми ресурсами. М.; Ростов н/Д, 2004.

A.A. Palady
Socially Responsible Labor
Leadership of Workers
of Modern Enterprises

The importance of shaping a new model of socially responsible workers' leadership is considered. Basic features of the model are presented.

Key words and word-combinations: labor leadership, leadership models, integration model of socially responsible labor leadership.

Обосновывается важность формирования новой модели социально ответственного трудового лидерства работников. Представляются основные черты данной модели.

Ключевые слова и словосочетания: трудовое лидерство, модели лидерства, интеграционная модель социально ответственного трудового лидерства.

УДК 316.37(470+571)
 ББК 60.5

А.А. Палади

СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОЕ ТРУДОВОЕ ЛИДЕРСТВО РАБОТНИКОВ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В современных социально-экономических условиях формируются новые требования к трудовому взаимодействию работников производственной организации, имеется системный запрос на развитие социально ответственной модели трудового лидерства работников на всех уровнях хозяйствования, в том числе и на уровне отдельного предприятия. Поэтому необходимо уточнение современной сущности трудового лидерства, научное осмысление процессов формирования социально ответственного трудового лидерства работников производственной организации.

Теоретические основы интеграционной социально ответственной модели трудового лидерства строятся на базе социокультурных парадигм лидерства. В рамках данного подхода культура индивида представляется как важнейшая характеристика лидерского типа поведения работника, поэтому переосмысливаются традиционные научные подходы, в которых игнорируется нравственная сторона, культурная составляющая, определяющая этические принципы деятельности работника лидерского типа. В зарубежной социологии обосновано, что становление работника лидерского типа предусматривает формирование особой социальной культуры, укоренение социально ответственного стиля поведения как искусства построения и поддержания трудовой деятельности, внедрение нрав-

ственного подхода в трудовые отношения работника со всеми субъектами и заинтересованными сторонами на предприятии [1].

Генеральный директор компании Medtronic Билл Джордж сформулировал потребность современного предприятия в работниках – профессиональных лидерах, обладающих высочайшим уровнем нравственной целостности и преданных идее создания устойчивых организаций: «Нам нужны целеустремленные лидеры, верные ключевым ценностям. Нам нужны лидеры, способные удовлетворять потребности всех заинтересованных лиц и признающие важность служения обществу» [2, с. 77]. Исходя из такой установки, несложно заметить, что культура и социальная ответственность являются важнейшими параметрами работника лидерского типа.

Социальная ответственность интегрирует социальные и экономические ценности производственной организации. Это повышает эффективность трудовых взаимодействий, результативность усвоения работниками профессиональных знаний в форме культурного капитала. По сути, социальная ценностная культура работников представляет собой базу для формирования лидерского типа трудового поведения, формирует нравственный облик организации, трансформирует ее социальный имидж.

Ценностная культура индивидов служит социальной предпосылкой для принятия этически обоснованных трудовых решений на различных ступенях иерархии производственной организации. Данные положения подтверждаются результатами эмпирических социологических исследований: современный лидер организации прежде всего должен обладать качествами социально ответственного работника [3, с. 44–57]. При этом более 50% респондентов указали на такие наиболее важные качества, определяющие социально ответственного работника-лидера, как честность, компетентность, социальная дальновидность, способность вдохновлять. Наиболее важной чертой, определяющей социальную ответственность, респонденты называют честность (в 1987 г. – 83%, в 2002 г. – 88% опрошенных). Морально-нравственные характеристики и порядочность отметили в 1987 г. 40%, в 2002 г. 42% опрошенных.

Работники указывают на возрастающее значение социального доверия. В 1987 г. 33% опрошенных подчеркивали необходимость социально ответственного работника лидерского типа иметь социальное доверие в обществе и трудовой организации. В 2002 г. данный показатель практически не изменился (он составил 33% от числа опрошенных), но до 88% возросло количество работников различных производственных организаций, которые считают, что трудовые лидеры должны делать гораздо больше, чем просто добиваться производственных результатов. Трудовые лидеры оправдывают ожидания последователей, подтверждая факт своей социальной ответственности. Трудовое лидерство, по мнению респондентов, есть отношения и эти отношения в конечной мере должны служить высокой социальной цели – обеспечивать социальное развитие работников, а также всего населения региона.

Различные респонденты приводят примеры образцовых трудовых лидеров. Прослеживается стиль трудового поведения лучших трудовых лидеров. Изучение трудовых профессиональных групп, проведенное после сбора интервью

дали возможность выявить поведенческие особенности образцовых трудовых лидеров. Анализ подробных углубленных интервью с более чем сорока выдающимися трудовыми лидерами показал, что важнейшими показателями трудового лидерства являются социальная ответственность работника, степень доверия к нему со стороны коллег, социального окружения внутренней и внешней среды организации.

Социальная ответственность, честность перед коллегами – наиболее важная составляющая в отношениях «трудовой лидер – лидер-последователь». «Если люди следуют за кем-то – будь это поле боя или зал заседаний совета директоров, окопы или кабинет руководителя, – они хотят убедиться, что этот человек достоин их доверия. Когда люди рассказывают нам о качествах, которыми восхищаются в лидере, они часто используют слово “добросовестность” как синоним слова “честность”» [3, с. 49]. Никто не хочет сотрудничать с лидером, ориентированным только на индивидуальную наживу, быть обманутым в своих ожиданиях. Лидерам-последователям хочется побеждать, но им не нравится, когда победа достигается социально неприемлемым путем. Работники хотят, чтобы трудовые лидеры были искренними и социально ответственными.

Социально ответственные трудовые лидеры определяют становление социально ответственных производственных организаций. Социальная ответственность более чем все остальные социальные качества может поднять или разрушить репутацию лидера, отдельных трудовых коллективов, профессиональных сообществ, социальных организационных объединений.

Конкретизируют данные теоретические гипотезы результаты социологического исследования «Развитие человеческих ресурсов Российской Федерации», проведенного группой социологов Саратовского государственного социально-экономического университета в 2008–2009 гг. Методом анкетирования (случайная выборка) опрошено 1100 респондентов (трудоспособное население России) из различных социально-демографических групп населения двух регионов России – Саратовской области (г. Саратов, Энгельс, Вольск, Балаково) и Оренбургской области (г. Оренбург, Орск). Статистическая погрешность не превышает 5%, выборка репрезентативна.

Полученные данные показывают, что трудоспособное население России консолидированно рассматривает важнейшие социальные характеристики трудового лидерства. Более половины респондентов (53%) отмечают творческий интеллектуально-инновационный потенциал как важнейшую социальную характеристику работников лидерского типа. При этом 48% опрошенных акцентируют внимание на важности характеристик социальной ответственности трудовых лидеров, и только 34% высказывают мнение о важности характеристик партнерского трудового взаимодействия, 33% заявляют о профессиональной компетентности как важнейшем факторе современного лидера.

Последующие компоненты имеют существенно более низкие показатели. Так, управленческие характеристики выделяют только 24% опрошенных, решительность 18%, честность 12%, смелость 12%, зрелость 9%, верность 8%, умение владеть собой 8%, независимость 7% респондентов. Остальные параметры выделили менее 5% опрошенных.

Социально ответственное лидерство россияне определяют как важнейший фактор, способствующий повышению эффективности функционирования социально-экономических систем на уровне организации, отдельного региона, общества в целом. При этом они указывают, что другие факторы являются весомыми, но все же второстепенными.

На вопрос: «Какие факторы, способствуют развитию трудового лидерства работников современных хозяйственных организаций России?» – респонденты ответили следующим образом: развитие интеллекта, способности творчески мыслить, создавать новое – 57%; образовательное развитие личности – 54%; формирование морально-нравственной культуры, честности и социальной ответственности – 51%; демократизация трудовых отношений, становление партнерского трудового взаимодействия – 35%; повышение профессионализма – 32%; рост оплаты труда – 8%; модернизация системы управления развитием человеческих ресурсов – 8%.

Однозначно первую позицию по оценкам населения занимает параметр развития интеллекта, способности творчески мыслить, создавать новое, формировать инновационные внедрения. В то же время социологическое исследование показывает, что трудовое лидерство проявляется в результате системы взаимосвязанных социальных характеристик акторов. 78% опрошенных настаивают, что необходим комплекс показателей трудового лидерства, при этом 65% респондентов указывают, что во взаимосвязи находятся творческий потенциал (развитие интеллекта, способности творчески мыслить, создавать новое), морально-нравственная культура, честность и социальная ответственность, которые определяют сущностные социальные основы трудового лидерства работников современной производственной организации.

Анализируя данные социологического исследования, можно констатировать, что для работников трудовое лидерство не тождественно формальным функциям менеджмента организации. Респонденты определяют трудовых лидеров посредством социальной оценки поведенческих практик работников. При этом трудовой лидер привлечен к формальным и неформальным практикам управления, реализует творческие интеллектуальные способности в целях сбора и обработки информации, формирует новые знания для внедрения в системы труда в целях повышения результативности трудовой деятельности, роста эффективности социальных и экономических показателей функционирования производственной организации.

Профессиональные лидеры-последователи хотят убедиться в честности и социальной ответственности лидеров-управленцев и лидеров-новаторов вне зависимости от того, что те говорят и декларируют. Признание новаторских и управленческих лидерских форм работники связывают с тем, на что направлена управленческая или инновационная деятельность. Важно, чтобы управленческие или инновационные внедрения приносили социальную выгоду на отдельном рабочем месте, для различных профессиональных групп, для организации и общества в целом.

Оценка социальной ответственности трудового лидера базируется на понятиях честности, соответствия слова и дела, направленности деятельности на

человеческое благо и производственный прогресс. Уместно отметить, что большинство опрошенных россиян связывают социальную ответственность со стилем поведения работника, при котором личные интересы вторичны, коллективные и общественные интересы – первичны. Социальная ответственность связывается с честностью, культурными принципами и моралью акторов. Подчеркивается, что трудовой лидер должен быть оценен по культурным социальным принципам, моральным предпочтениям.

Лидеры-последователи игнорируют трудовых лидеров, которые не уверены в себе, меняют и приспосабливают свои принципы и мораль в зависимости от сложившейся ситуации. Ими подвергаются резкой критике формальные лидеры, у которых отсутствуют собственные убеждения, жесткие принципы и мораль. Именно отсутствие таковых респонденты связывают с созданием стрессовых трудовых ситуаций, ростом трудовых конфликтов, неустойчивостью социально-трудовых отношений, повышением социально безответственных трудовых действий персонала организации.

Очевидно, что в новых условиях необходима разработка синтезирующей модели трудового лидера, которую образуют следующие характеристики работника-лидера:

способность к социальной деятельности по сбору, обработке и формированию новых значимых знаний, профессиональному внедрению их, направленному на совершенствование технологий, оптимизацию труда, повышение эффективности трудового взаимодействия (реализация формальной и неформальной исследовательской профессиональной деятельности – трудовые лидеры как новаторы, активисты творческих инновационных преобразований);

ценностные приоритеты трудовой социальной ответственности, ориентация на социально ответственную трудовую деятельность, развитие партнерского взаимовыгодного сотрудничества на уровне организации и общества в целом (реализация трудовой деятельности, основанной на высокой рефлексии морали и самоанализе, а также на высоком уровне культурной ценностной базы);

лидерская форма мотивации труда, реализация лидерских профессиональных качеств (авторитеты в рамках определенной профессиональной компетенции стремятся сами и готовы вести коллег к достижению поставленных трудовых целей, уверены в себе, характеризуются лидерским стилем поведения).

Дополнительными чертами социально ответственного трудового лидерства работников являются: наличие хозяйственных собственнических прав и обязанностей работников (наделение властными правами в системе «лидер-предприниматель» – правами принятия решений по разработке и реализации миссии, видения, стратегических социально-экономических целей); наделение работников властными правами в системе «лидер-управляющий» (права по частичному участию в разработке и реализации стратегических и тактических социально-экономических целей и задач); наделение работников властными правами в системе «лидер-последователь» (право на коррекцию тактических социально-экономических целей в процессе выполнения поставленных задач).

Библиографический список

1. *Ciulla J.B.* Ethics: The heart of leadership // Maak Th., Pless N.M. Responsible Leadership in Business. London; New York, 2006. P. 42–54.
2. *George B.* Authentic Leadership: rediscovering the secrets to creating lasting value. San Francisco, 2003.
3. *Кузес Дж.М., Потер Б.З.* Вызов бросают лидеры. М., 2002.

V.P. Bukin
Professional Orientation,
Working Conditions
and Labor Contents of Young
People in the Russian Province

The problems of socio-professional orientation, prestigious professions, fields of activity which attract young people most in the Republic of Mordovia, Penza and Ulyanovsk Regions, are studied on the basis of sociological research. The results of the analysis are compared with the All-Russian data. The results of the investigation of young people's satisfaction with labor activity are cited.

Key words and word-combinations: youth, labor, employment, profession, professional orientation.

На основе социологических исследований рассматриваются проблемы социально-профессиональной ориентации, престижности профессий, сферы деятельности, которые привлекают молодежь в Республике Мордовия, Пензенской и Ульяновской областях. Итоги анализа представлены в сравнении с общероссийскими данными. Приведены результаты изучения удовлетворенности молодежи в сфере трудовой деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: молодежь, труд, занятость, профессия, профессиональная ориентация.

УДК 316.334.52

ББК 60.561.23

В.П. Букин

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ, УСЛОВИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ТРУДА МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Возросшие требования современного производства к уровню профессиональной подготовленности кадров в еще большей, чем раньше, степени актуализируют проблемы профессиональной ориентации молодежи. Вместе с тем профессиональные намерения значительной части учащихся и студентов зачастую не соответствуют потребностям народного хозяйства в кадрах определенной профессии.

Профориентация молодежи по своей сути является общественно значимой, то есть социальной проблемой, для решения которой усилий работников общего и профессионального образования явно недостаточно. Ее сущность как социально-экономической проблемы проявляется в необходимости преодоления противоречия между объективно существующими потребностями общества в сбалансированной структуре кадров и неадекватно этому сложившимися субъективными профессиональными устремлениями молодежи. По своему назначению система профориентации должна оказать существенное влияние на рациональное распределение трудо-

вых ресурсов, выбор жизненного пути молодежью, адаптацию ее к профессии. При этом важно учитывать региональные особенности.

Поскольку объектом профориентационной деятельности является процесс социально-профессионального самоопределения человека, необходимо в первую очередь сформулировать группу принципов, которыми руководствуются (или должны руководствоваться) юноши и девушки, выбирая себе профессию и место в социальной структуре общества:

1) принцип сознательности в выборе профессии выражается в стремлении не только удовлетворить своим выбором личностные потребности в трудовой деятельности, но и принести как можно больше пользы обществу;

2) принцип соответствия выбираемой профессии интересам, склонностям, способностям личности и одновременно потребностям общества в кадрах определенной профессии выражает связь личностного и общественного аспектов выбора профессии;

3) принцип активности в выборе профессии характеризует тип деятельности личности в процессе профессионального самоопределения;

4) принцип развития отражает идею выбора такой профессии, которая давала бы личности возможность повышения квалификации, увеличения заработка по мере роста опыта и профессионального мастерства, возможность активно участвовать в общественной работе, удовлетворять культурные запросы личности, потребность в жилье, отдыхе и другом.

Таким образом, система профориентации предстает как организованная, управляемая деятельность различных государственных и общественных организаций, предприятий, учреждений и учебных заведений, а также семьи, направленная на совершенствование процесса профессионального и социального самоопределения молодежи в интересах личности и общества.

Исследуя проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи, необходимо учитывать, что «в обстановке затяжного экономического кризиса и резкого падения производства произошло снижение авторитета рабочих профессий, кроме профессий сферы обслуживания, возрос интерес молодежи к получению профессий юриста и экономиста, дающих возможность применения полученных знаний в предпринимательской деятельности, а также в сфере свободных профессий, в получении рабочего места в высокооплачиваемом слое специалистов» [1, с. 327]. С учетом изложенного важно рассмотреть, какие профессии и сферы деятельности больше всех привлекают молодежь в современных условиях. Для этого следует обратиться к данным различных социологических исследований.

Наиболее яркая тенденция, выявленная в ходе социологического исследования «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты» [2], проведенного в 2007 г. Институтом социологии РАН, – *значительное расширение спектра престижных профессий*. Если в 1997 г. 89% молодежи среди наиболее престижных профессий выбирали специальности в области юриспруденции или финансового сектора, то десять лет спустя таковых оказалось только 63%. Зато теперь в число наиболее престижных профессий попадают и менеджеры, и ученые, и программисты. Таким образом, можно говорить об изменении самого понятия престижности в глазах молодежи.

Если в прошлом десятилетии престижность оценивалась, как правило, по возможности получения высоких доходов, то теперь престиж все больше ассоциируется со словами «профессионализм» и «власть». Так, число тех, кто среди престижных профессий упомянул работу в области государственной власти, возросло за эти годы с 10 до 17%. В то же время число тех, кто хотел бы занять просто любую руководящую должность, снизилось за прошедшее десятилетие с 10 до 6% [2, с. 12]. Таким образом, можно констатировать, что государству удалось повысить престиж работников государственного аппарата, и, вероятно, это позволит привлечь молодых специалистов в государственное управление и муниципалитеты.

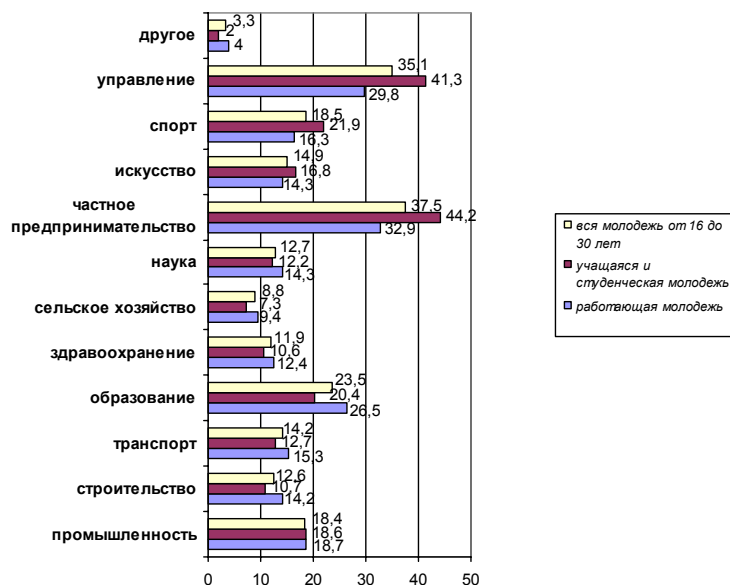
Трансформация экономических и социальных основ трудовых отношений в России привела к тому, что возросла роль таких форм занятости, которые ранее либо запрещались, либо находились в зачаточном состоянии.

В современных условиях существуют различные формы нестандартных трудовых отношений, отклоняющихся от «классического» типа занятости: сверхурочная, временная, случайная, вторичная, неформальная занятость. В процессе изучения нестандартных форм занятости в Саратовской области нами были выявлены формы вторичной занятости, теневые формы, трудовые миграции [3]. Социологический анализ показал, что лишь 15,7% респондентов полагают, что человек не должен быть привязан к одному месту работы и совместительство может открыть новые перспективы. Для двух третей участников опроса это лишь источник дополнительного заработка. Более четверти опрошенных (28%) готовы заниматься временной работой. Рассматривая указанные формы нестандартной занятости, можно сделать вывод, что они в основном связаны с работой в неформальном секторе экономики и в сфере услуг. Именно сектор услуг генерирует, как правило, нестандартные рабочие места, которые в первую очередь востребованы молодежью [3, с. 110–112].

Данные социологического исследования «Российская молодежь в регионах «скромного» достатка: каковы жизненные перспективы?», проведенного с участием автора, позволяют получить представление о том, какие сферы деятельности привлекают молодежь Республики Мордовия, Пензенской и Ульяновской областей [4, с. 36–65]. Следует отметить, что указанные регионы находятся в географическом центре Среднего Поволжья, имеют сходные природные и социально-экономические условия: площади территории, численности и структуры населения (в том числе молодежи), экономику индустриально-аграрного характера, сравнительно высокий удельный вес сельского населения (свыше 30%), сопоставимые величины регионального прожиточного минимума, среднедушевых доходов и бюджетной обеспеченности населения, социальной инфраструктуры.

Анализ полученных данных (рисунок) свидетельствует, что на первом месте по привлекательности у молодежи в исследуемых нами регионах находится частное предпринимательство. Так считают более трети (37,5%) опрошенных. Оно более привлекательно для учащейся и студенческой молодежи (44,2%), а у работающей молодежи эта оценка значительно ниже – 32,9%. Примечательно, что привлекательность предпринимательства в анализируемых регионах значительно выше, чем в целом по России. В настоящее время, как показывают данные, полученные Институтом социологии РАН, только 9% молодых росси-

яны признают занятие бизнесом престижным против 13% в 1997 г. Вместе с тем в целом молодые россияне считают, что занятие бизнесом может принести быстрый материальный достаток наряду с профессиями финансиста, экономиста, бухгалтера и банковского работника.

Сферы деятельности, более всего привлекающие молодежь, %

На втором месте по привлекательности для молодежи указанных субъектов Федерации находится сфера управления. Этой области деятельности отдают предпочтение 35,1% респондентов, среди учащихся и студентов – 41,3%, а среди работающих значительно меньше – 29,8%. Полученные данные практически полностью совпадают с показателями Института социологии РАН. В целом по России наибольшее желание работать в органах государственной власти имеют студенты техникумов, училищ и колледжей (36%), студенты вузов (34%), а также молодые россияне, которые в настоящий момент не учатся и не работают (37%). Те, кто уже работает, гораздо реже, как и в наших регионах, проявляют интерес к работе в государственных органах власти – только 26% из них хотели бы получить такую работу.

Итак, интерес к работе в органах власти и управления со стороны молодежи России в целом свойствен на настоящий момент той ее части, которая вообще работы не имеет, и значительно снижается среди тех, кто уже где-то работает.

Третью позицию по привлекательности занимает сфера образования (23,5%). Она предпочтительна для каждого четвертого работающего (26,5%), а для учащихся и студенческой молодежи она привлекательна только для каждого пятого респондента (20,4%). Это, видимо, связано с тем, что профессия педагога низкооплачиваема и мало востребована во всех трех исследуемых регионах.

Спортивная деятельность привлекает почти каждого пятого респондента

(18,5%) и находится на четвертом месте по престижности среди указанных сфер деятельности. Пятую позицию в этом ранжированном ряду занимает сфера промышленности (18,4%), далее идут искусство (14,9%), транспорт (14,2%), наука (12,7%), строительство (12,6%), здравоохранение (11,9%), сельское хозяйство (8,8%), другие сферы деятельности (3,3%).

Из представленных данных можно сделать вывод, что сфера материального производства в два с лишним раза менее привлекательна и престижна, чем предпринимательство. При этом строительство и сельское хозяйство занимают последние позиции. В то же время именно эти сферы ощущают значительный дефицит кадров и, как показывает практика последних лет, для их развития необходимы не только материальное стимулирование, но и повышение престижности рабочих и инженерно-технических специальностей за счет проведения комплексных мероприятий по профессиональной ориентации молодежи.

В связи с изложенным, на наш взгляд, особую актуальность приобретает деятельность, направленная на повышение качества профессионального образования как важнейшего условия профессиональной социализации молодого поколения. Исходя из этого, было изучено, как развиты у молодежи профессионализм, насколько зависит от этого успех в жизни и какие есть для этого возможности. Как показали результаты исследования, основная масса молодых людей довольно высоко оценивают свои возможности по реализации себя в выбранной профессии. Более четверти опрошенных (25,9%) считают их хорошими, значительно больше половины (57,5%) – удовлетворительными и только каждый шестой (16,6%) – плохими.

Кроме того, была изучена оценка молодыми людьми развитости у них профессионализма. Молодежь дает, на наш взгляд, объективную оценку своему профессионализму. У работающих респондентов профессионализм более развит. Каждый пятый (20,3%) считает собственные профессиональные качества сильно развитыми, 67,2% – достаточно развитыми, 12,5% – слабо развитыми. Учащиеся и студенческая молодежь, которая, как правило, еще окончательно не реализовала себя в профессии, демонстрируют более скромную оценку. Только 15,3% опрошенных считают, что профессиональные качества у них развиты сильно, тогда как 62,3% – достаточно развиты и 22,5% – слабо развиты.

Высокий профессионализм, несомненно, является одним из важных условий, необходимых для того, чтобы добиться успеха в жизни. Такое мнение высказали 70,0% всех опрошенных респондентов. Это качество находится на втором месте после целеустремленности, предпочтение которой отдали 82,3% молодых людей.

В таком же порядке было изучено мнение молодежи о ситуации, которая у них складывается на работе.

С незначительной разницей оценивают сложившуюся на работе ситуацию как хорошую представители работающей и студенческой молодежи (39,7 и 35,4% соответственно). 52,2% работающих и 45,5% обучающихся во всех формах обучения считают, что она у них удовлетворительная. Как плохую оценивают ее 8,2% работающих и в два с лишним раза больше (19,2%) учащихся и студентов.

Известно, что успех в жизни зависит от многих условий. Респондентам было предложено оценить эти условия по десяти позициям, в том числе какую роль

в обеспечении успеха в жизни играет трудолюбие. Анализ полученных результатов свидетельствует, что главными условиями успеха в настоящей жизни молодежь считает личную целеустремленность и амбиции (75,9%), влиятельные связи (74,7%), способности человека (71,2%), трудолюбие (70,0%). Как видно, трудолюбие ставится на четвертое из десяти условий и занимает одну из главных позиций в реализации жизненного успеха. При этом полученные данные свидетельствуют, что мнение работающей и учащейся молодежи в целом по отношению к трудолюбию резко не отличается.

Рыночная трансформация экономики приводит к изменению положения личности в сфере занятости. Личность становится субъектом рыночных отношений, осуществляет самостоятельный профессиональный и экономический выбор, несет ответственность за его последствия в виде размеров заработной платы, условий и графика труда, возможностей для развития своих способностей и профессиональной карьеры. Это актуализирует проблему удовлетворенности различными сторонами трудового процесса (таблица).

**Ответы на вопрос об удовлетворенности молодежи
указанными аспектами трудового процесса, %**

Аспект трудового процесса	<i>Вполне удовлетворяет</i>	<i>Отчасти удовлетворяет</i>	<i>Совсем не удовлетворяет</i>	<i>Трудно ответить</i>
Условия труда	40,5	44,8	11,1	3,6
Заработок	14,8	43,0	39,4	2,8
График работы	49,5	38,0	10,4	2,0
Содержание работы	51,5	38,6	5,8	4,1
Отношения с руководителем	61,1	29,0	6,1	3,8
Отношения с коллегами	78,3	18,0	1,4	2,3

Менее всего работающую молодежь удовлетворяет размер заработка (14,8%), более всего – отношения с коллегами (78,3%). Другими словами, респонденты вполне удовлетворены психологическим микроклиматом в коллективе, отчасти содержанием и графиком работы, в меньшей степени – условиями труда на рабочем месте и совсем не удовлетворены его оплатой. Относительно высокий процент удовлетворенных взаимоотношениями с руководителем (61,1%) позволяет предположить, что опрошенные не видят прямой зависимости между уровнем своей зарплаты и работой руководства или, точнее «не обижаются на руководство».

На основе приведенных данных можно сделать вывод, что молодежь российской провинции прагматично и целенаправленно относится к выбору профессии. Ее привлекают сферы деятельности, которые дают возможность реализовать в современных условиях жизненные планы, обеспечить карьеру, материальное и социальное благополучие, – предпринимательство, сфера управления и образования. Исходя из этого, полагаем, что государственная политика, нацеленная на обучение студенческой молодежи предпринимательству, расширение деятельности малых предприятий в области профессионального образования, может открыть новые перспективы для самоопределения молодежи в сфере труда и занятости, что особо важно в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

Как показало наше и другие исследования, у современных молодых людей не пользуется особой популярностью сфера материального производства. В связи с этим необходим комплекс мер со стороны органов государственного и муниципального управления, образования и общественности по повышению престижности технических специальностей. На наш взгляд, для этого следует в системе общего образования расширить обучение учащихся естественным наукам – математике, физике, химии, более конкретно и целенаправленно производить трудовое обучение.

Инновации в системе профессионального образования должны быть направлены на внедрение в учебный процесс не только информационных и дистанционных технологий обучения, но и его обеспечение современным лабораторным и высокотехнологичным оборудованием, в частности в рамках приоритетного национального проекта «Образование».

Библиографический список

1. Социология молодежи: энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2008.
2. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. М., 2007.
3. Букин В.П., Розеватов Г.А. Нестандартная занятость в современных условиях // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2007. № 13.
4. Российская молодежь в регионах «скромного» достатка: каковы жизненные перспективы?: аналит. докл. по результатам социол. исследования [подготовлен в сотрудничестве с Институтом социологии РАН и представительством фонда им. Фридриха Эберга в РФ]. Пенза; Саранск; Ульяновск, 2005.

D.A. Shakhov
Internet Advertising and the State:
Directions of Institutionalization
Cooperation

Internet advertising is represented as a phenomenon in society life. Peculiarities of state structures' participation in the formation of the Internet advertising industry are analyzed.

Key words and word-combinations:
 Internet advertising, the state, state-private partnership.

Интернет-реклама представлена как явление в жизни общества. Анализируются особенности участия государственных структур в формировании индустрии Интернет-рекламы.

Ключевые слова и словосочетания: Интернет-реклама, государство, государственно-частное партнерство.

УДК 316.33
 ББК 60.56

Д.А. Шахов

ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМА И ГОСУДАРСТВО: НАПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Интернет-реклама как явление в России зародилась в 1997 г. [1] и сразу же привлекла к себе интерес различных, в зависимости от направлений научного поиска, исследователей. Для социологии как предмет анализа она выступает в форме целенаправ-

ленной коммуникативной деятельности, основанной на всестороннем взаимодействии в Интернет-среде и осуществляемой, с одной стороны, с целью активизации интереса субъектов к объекту рекламы, а с другой – в целях получения материальной прибыли или иных благ ее заказчиками и производителями.

Современные рекламные информационно-коммуникативные методы учитывают специфику работы в сети Интернет и теоретически обладают способностью к бесконечно гибким взаимодействиям с аудиторией. Обозначенные возможности, по мере развития Интернет-рекламы как социального института, все больше вызывают интерес со стороны бизнес-аудитории. По мнению экспертов и в соответствии с имеющимися результатами тематических исследований [2], формирование профессионально-ролевых типов поведения производителей рекламы является важным катализатором развития рекламных коммуникаций.

В Интернет-рекламе, рассматриваемой в качестве сферы приложения труда, среди определяющих статус работника факторов центральное место занимают «человеческий капитал» и личные качества. По мере получения практического опыта обладатели самого разного образования находят свое место на профессиональном рынке производителей (технологических субъектов) Интернет-рекламы. В значительной степени это обусловлено проектной ориентацией рекламной деятельности в Интернете, носящей, по сути, «модульный» характер. Профессиональное участие в создании и продвижении Интернет-рекламы могут принимать представители различных социальных групп, в том числе социально не защищенных (например, женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком). Это особенно актуально, когда в социально-экономической жизни страны отмечается нестабильность, кризисные явления.

Однако для получения ожидаемых результатов деятельности необходимы определенные материальные затраты, а также время на реализацию информационно-коммуникационных проектов и дальнейшее их развитие. Без понимания этих особенностей участниками формирующегося социального института Интернет-рекламы невозможно создание специфических социальных взаимосвязей и норм, определение материальных средств и условий социального контроля.

В исследованиях М. Кастельса [3] показано, что в США многие возникшие проблемы развития информационной среды бизнес смог решить самостоятельно, в силу транснациональной развитости, культурных традиций и высоких технологических возможностей. Российское бизнес-сообщество не обладает такими ресурсами, а отечественные культурные традиции носят иной характер. Поэтому естественно возникает вопрос о возможной интеграции института Интернет-рекламы на взаимовыгодной основе с государством как участником информационно-коммуникативной деятельности.

В рамках проведенного нами исследования «Интернет-реклама и занятость» (опрос пользователей сети Интернет, предоставляющих услуги в сфере Интернет-рекламы, проведен в 2008–2009 гг. в два этапа; общее количество зарегистрированных ответов – 90; полученные данные усреднялись) респондентам был задан полузакрытый вопрос «Как должны, на Ваш взгляд, государственные структуры (министерство образования, центры занятости, центры поддержки пред-

принимательства) участвовать в формировании индустрии Интернет-рекламы?». Из предложенных вариантов ответов позиция «не должны участвовать» не нашла широкой поддержки среди участников опроса (мужчины 11,6%, женщины 10%).

Полученные цифры, по мнению автора, связаны с российскими традициями в отношении к государству, которое должно участвовать практически во всех сферах жизни общества. Но в то же время, поставив задачи решения социальных и институциональных проблем [4], государственные органы не могут не учитывать область Интернет-рекламы как один из инструментов их реализации.

Половина женщин отметили возможность участия государственных органов через «образовательную деятельность». Это связано с тем, что для женщин в большей степени Интернет-реклама создает возможности расширения профессиональной сферы. Для повышения организации труда, трудового процесса и качества работы им необходимо учитывать особенности (технические, культурные, психологические) сети Интернет как специфической сферы деятельности, тем самым они смогут более эффективно применять свой опыт и навыки.

Первое место среди респондентов-мужчин (41,9%) занял вариант ответа о «вспомогательно-ресурсной деятельности» как форме участия государства. Участие государства подразумевает (для тех, кто самостоятельно планирует или пытается организовывать трудовую деятельность), создание Интернет-ресурсов, которые способствовали бы регулированию деятельности между базисными (заказчиками) и технологическими (исполнителями) субъектами.

Регулирование деятельности включает в себя создание регулирующих, консультационных, вспомогательных ресурсов, способствующих развитию профессионального рынка Интернет-рекламы. При этом участие государства должно осуществляться не диктаторскими методами, а строиться на большем доверии к работникам, сопровождаться развитием партнерских отношений. Это главный принцип сетевого взаимодействия в виртуальном пространстве.

Привычные для государства формы подрядов неэффективны, так как важно мотивировать участников проекта не оплатой работы (за час, день, неделю), а находить такие формы, чтобы оплата труда зависела от «объективных» критериев качества (активности аудитории, привлеченных средств от рекламы и т.п.). Необходимо четко разграничивать области, где государство должно самостоятельно выполнять функции, возложенные на него, а где ему следует отдавать инициативу партнерам-предпринимателям. Их работа будет зависеть от инновационного таланта, возможности создать эффективный ресурс, способный наладить коммуникации между всеми сторонами процесса (работниками – бизнесом – государством).

Второе место среди мужчин (20,9%) и третье среди женщин (16,7%) занял вариант ответа о форме участия государства как вспомогательно-функциональной деятельности. В основном, это выражается в институционализации самозанятых работников и профессионально-трудовых взаимоотношениях между всеми участниками.

Государство не успевает регулировать профессионально-трудовые взаимоотношения, что ведет к росту неформальной занятости. В сети Интернет пробле-

ма неформальности встает еще острее, работники и работодатели (заказчики и исполнители) находятся часто на удаленном расстоянии. Действующее законодательство неэффективно для регулирования подобных трудовых отношений. При этом расчеты часто происходят при помощи электронных средств (электронные деньги). Все это в целом показывает, что правовое регулирование электронного бизнеса пока полностью не сложилось.

Необходимо помогать тем, кто стремится к автономным формам труда в рамках действующего законодательства, разделять формы самозанятости (по сути, не смешивать антисоциальную деятельность и информационный характер труда), стимулировать привлечение телеработников. Приходится, однако, констатировать, что к настоящему моменту в стране сложилась определенная культура теневых отношений, которые стали привычными для большинства населения и не вызывают с его стороны никакого морального осуждения. Неверные шаги могут усилить деформацию трудовых взаимоотношений, увеличив рост «неформальных» форм занятости, поэтому государству необходимо искать новые механизмы (социальные, экономические, правовые), которые способствовали бы взаимовыгодным легитимизированным формам сотрудничества с формирующимися социально-трудовыми группами.

Учитывая приведенные результаты опроса и их интерпретацию, можно предложить некоторые формы участия государства в формировании Интернет-занятости (в частности, в индустрии Интернет-рекламы). Они направлены в первую очередь на стимулирование развития «человеческого капитала», увеличение уровня доходов отдельных профессиональных групп, помощь в трудоустройстве, повышение социального самочувствия занятого населения, заинтересованного в профессиональной самореализации.

1. Расширение Интернет-среды. Активная и слаженная работа государственных органов требуется для преодоления информационного неравенства. В данном случае необходимо государственное финансирование программ по созданию широких и качественных телекоммуникационных сетей, увеличению количества точек доступа к информационным ресурсам по всей территории страны, борьбе с монополизмом провайдеров в регионах, информированию о преимуществах Интернет-технологий и имеющемся потенциале их использования.

2. Закрепление на законодательном уровне особенностей трудового поведения в информационно-коммуникативной среде. Очевидна необходимость создания условий для расширения самозанятости и предпринимательской деятельности, позволяющих развивать удаленные способы ведения официальных коммерческих отношений в области производства информационно-коммуникативных технологий (в том числе Интернет-рекламы).

Для умственного труда характерно стремление к повышенной автономии в организации трудовой деятельности и содержании труда. Без учета данного фактора невозможно привлекать население к инновационным формам трудовой деятельности, осуществлять переход к постиндустриальному обществу. Кроме того, это значительно усложняет привлечение крупными компаниями и государственными структурами профессиональных работников из числа социально

уязвимых категорий (студентов, женщин с детьми, лиц предпенсионного и пенсионного возраста, жителей малых городов). Создав соответствующие условия, государство снизит социальную напряженность среди тех, кто готов интеллектуально участвовать в профессиональной деятельности, самостоятельно повышая свой уровень жизни.

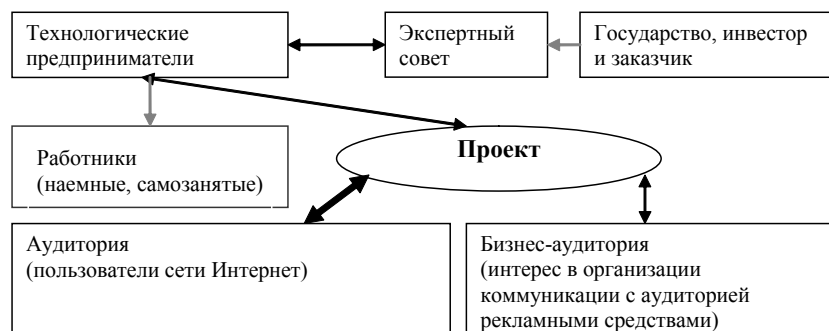
Отметим, что развитие гибкого рынка труда позволяет государству попутно решать иные (кроме трудовой занятости) социальные проблемы. Например, Френсис Кастельс обнаружил положительную зависимость между рождаемостью и мерами, направленными на развитие возможностей для граждан трудиться «на расстоянии» [3].

3. Дополнительное образование. Возможность работать удаленно (наемный труд, самозанятость) сопряжена с множеством вопросов, несомненно пугающих новичков: как организовать свою трудовую деятельность, как построить взаимоотношения с заказчиком (работодателем), как защитить себя от обмана, а также решить психологические проблемы, которые могут возникать, когда социальные связи уступают место виртуальным. Это порождает потребность в соответствующих образовательных программах, которые, как представляется, необходимо развивать в двух направлениях.

Первое из них – формирование предпринимательства как индивидуальной (или командной) формы трудового поведения, ориентированного на реализацию инновационных проектов и практических курсов, консультационных программ в целях расширения области применения собственной профессии и повышения навыков в сфере информационного труда. Формы образовательного взаимодействия в первую очередь должны быть ориентированы на дистанционный характер с возможностью индивидуальных консультаций. Это связано с тем, что работникам удобно параллельно работать и заниматься самообразованием, что значительно экономит их денежные средства и время.

Второе направление – индивидуальные и командные формы трудового поведения, ориентированные на реализацию инновационных проектов, подобных innovationStudio (см.: www.innovationstudio.ru). В настоящее время такой проект в России продвигается корпорацией Intel, факультетом вычислительной математики и кибернетики, экономическим факультетом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова при участии научного парка МГУ. Развитие подобного рода образовательных программ необходимо нацелить на использование современных методов активного обучения (анализ конкретных ситуаций, ролевые и деловые игры, лекции ведущих специалистов-практиков), с привлечением представителей различных профессий, в том числе специалистов PR, дизайнеров, журналистов, к созданию инновационных команд по реализации конкретизированных целей и задач в зависимости от идеи проекта. Перспективными представляются проекты, которые привлекали бы специалистов для разработок практических курсов, консультационных программ по расширению применения собственной профессии и навыков в сфере информационного труда. Подобные проекты в Интернете появляются, но они не обладают мощными ресурсами, поэтому государству и бизнес-структурам необходимо поддерживать программы, подобные innovationStudio.

4. *Развитие государственно-частного партнерства в области информационных проектов.* Конечно, государственные органы не могут научить нюансам работы в сети Интернет, да это и не входит в их задачи. С нашей точки зрения, государство должно способствовать развитию государственно-частного партнерства в данной области трудовой деятельности. Оно способно создать условия (определить формы сотрудничества и функции создания и реализации конкретных Интернет-проектов) технологическим предпринимателям, которые, в свою очередь, осуществляют общий контроль, выявляют основные проблемы и создают сервисы, направленные на решение поставленных задач (рисунок).

**Формирование государственно-частного партнерства
по разработке информационно-коммуникативных проектов**

Государственным органам необходимо сформировать целостную программу действий, основанную не на личных мнениях, желаниях и понимании руководителями важности информационных технологий, а на выработанных критериях. Проблема их объективного определения осложнена тем, что затратный метод финансирования и создания информационно-коммуникативных проектов невозможно применить для вычисления точных объемов затрат и определения эффективности работы. Наиболее оптимальной схемой в данном случае окажется государственно-частное партнерство.

Экспертные советы (должны работать на постоянной и/или временной основе и нести ответственность за свои решения) могут совместно с государственными органами определять важные социальные проблемы, решение которых возможно с помощью информационно-коммуникативных технологий. После этого на тендерной основе выбирается команда, которая способна предложить, разработать и внедрить идеи, а также развивать созданный проект.

Центральными вопросами при этом являются выстраивание четких и взаимовыгодных предложений, определение критериев качества и мотивирования труда и использование конечных результатов работы. Предложенные формы партнерства будут способствовать более высокой открытости, прозрачности взаимоотношений между государством (как базисным субъектом), Интернет-компаниями (технологическими субъектами) и аудиторией (которая сможет стать независимым экспертом по качеству).

Таким образом, Интернет-реклама, будучи целенаправленной коммуникативной деятельностью, расширяет границы своего присутствия. Формирующиеся социальные связи приобретают устойчивый характер через функционирование целостной системы субъектных отношений и направлены на становление социального института Интернет-рекламы в России. Будущее рассматриваемого современного социального института зависит от степени интеграции с другими общественными институтами, в частности государством. Предложенные направления институционального взаимодействия, при условии комплексного выполнения, будут способствовать эффективному функционированию социальных образований, как на микро- (развитие «человеческого капитала» работника и увеличение уровня доходов, повышение социального самочувствия, заинтересованного в профессиональной самореализации), так и на макроуровне (формирование новых управленческих механизмов, решение социально-экономических, профессиональных и других проблем, влияющих на устойчивость общественных систем).

Библиографический список

1. *Комаров В., Пармонова Т.* Методический подход к оптимизации выбора наиболее эффективного средства Интернет-рекламы // Практический маркетинг. 2001. № 9.
2. IV конференция «Управление аудиторией и реклама в Интернете»: сб. докладов. М., 2008.
3. *Кастельс М.* Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib/mert/welcome/economy/macroeconomy/administmanagementdirect/doc1202863991297>

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

E.Yu. Rudkevich, V.O. Glukhovtsev
Ontological and Axiological Bases
of the New Epoch Weltanschauung

The world outlook formed in the modern European culture doesn't correspond to the twenty-first century realities and challenges. Social and cultural reasons of this discrepancy are analyzed. A "new ontology" as a new viewpoint of the position of the man and the biosphere in the world is proposed.

Key words and word-combinations: Weltanschauung, axio-sphere, value crisis, cosmoanthropology.

Картина мира, сформированная в современной культуре европейского типа, не соответствует реалиям и вызовам XXI в. Анализируются социокультурные причины данного несоответствия. Предлагается «новая онтология» как иной взгляд на место человека и биосферы Земли в мироздании.

Ключевые слова и словосочетания: мировоззрение, аксиосфера, ценностный кризис, космоантропология.

УДК 1:316
ББК 60.0

Е.Ю. Рудкевич,
В.О. Глуховцев

ОНТОЛОГО- АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НОВОЙ ЭПОХИ

С приходом III тысячелетия человечество достигло определенного переломного момента: будущее манит и соблазняет дальними горизонтами, но в то же время грозит невиданными бедами. Современный человек не имеет права ошибиться в выборе дальнейшего пути, ибо именно от этого выбора зависит, на наш взгляд, будущее Земли.

Стержень всех проблем, с которыми столкнулось человечество, заключается во внутреннем разладе с реальным миром, миром, который человек в принципе создал сам и который развивается так стремительно, что человек уже не поспевает за своим творением. Подчинить себе мир и пытаться им управлять при отсутствии умения управлять собой – слишком смелая задача, опрометчиво возложенная человеком на свои плечи. В этом и заключаются причины всевозможных кризисов. Поэтому выход из глубокого кризиса

необходимо искать в самом человеке, в коренной трансформации внутреннего мира, своего рода аксиологической революции.

Какова предыстория аксиологического (в целом мировоззренческого) кризиса, приобретшего явно массовый характер в современной европоцентричной цивилизации? Очевидно, всякий такого рода культурный экстремум связан с энтропией устоявшейся аксиологической картины мира и отсутствием новой, способной обладать качеством активной адаптации к измененным биосферным и социальным реалиям. Что является в наши дни такой распадающейся парадигмой и каковы исторические обстоятельства ее распада? Пытаемся ответить на эти вопросы.

Аксиокризис вступившего в XXI в. европогенного человечества имеет в себе онтологическое или, точнее сказать, космоантропологическое начало. Устоявшиеся представления современного обывателя об устройстве мира и о месте в нем человека, по сути, продолжают пребывать в парадигме, в основном сформированной квинтетом Коперник – Галилей – Декарт – Ньютон более трехсот лет назад. Правда, часто приходится слышать, что основные положения классической, «картезианской» науки в XX в. уступили место науке «неклассической», релятивистской космологии Эйнштейна и квантовой механике; а ближе к концу этого столетия, считается, возникла так называемая «постнеклассическая наука». Отметим, во всех случаях наука XX в. практически отождествлялась с физикой. Представляется неправомерным, по нашему мнению, и данное отождествление, и подчеркнутое отличие квантово-релятивистской схемы от механистической.

Действительно, в «новой физике» после Эйнштейна и Бора заметно изменился взгляд на структуру пространства-времени, но его системообразующие характеристики принципиальных изменений не претерпели. Космоантропология мира на базе «неклассической» науки стала усложненным вариантом прежней. Если для средневекового европейца космос, в сущности, был синонимом Земли, живой и в целом доброжелательной к человеку ойкумены, то начиная с гелиоцентрической системы Коперника – год за годом, столетие за столетием – мир в массовом сознании неизбежно менялся в сторону уменьшения обитаемого пространства. В итоге человек, живущий в первом десятилетии нашего века, знает, что его Земля – крохотная одинокая планета в мрачной, мертвой бесконечности, именуемой космосом, и никаких реальных подтверждений наличия жизни в этой бескрайней пустоте нет.

В сравнительно недалеком прошлом многим казалось, что освоение такого космоса выведет человечество на качественно новый уровень бытия и, возможно, приведет к встрече с внеземными разумными существами. В пределах механистическо-релятивистской парадигмы это вполне логично: если Вселенная представляет собой множество звездно-планетных систем, то несложные подсчеты должны подсказать, что наделенных биосферой планет, подобных Земле, может быть десятки и сотни. Однако, во-первых, астрономические наблюдения (вполне оснащенные технически) не обнаружили за пределами Земли ничего, что могло бы всерьез рассматриваться как живое вещество; а во-вторых, это внеземное пространство при попытке его освоить явно оказалось куда менее податли-

вым, чем это представлялось в начале «космической эры». Более чем за полвека космических полетов человечеству с огромным трудом удалось добраться разве что до нескольких ближайших планет, преодолев расстояние, ничтожное по масштабам Вселенной. Одиночество Земли в безмолвной черной бездне превращается в одиночество человека, как на Земле, так и во всем этом бесконечном мире.

Полагаем, что центральным концептом, образующим базовый модуль жизнеобеспечения человека европогенной цивилизации, на протяжении последних примерно ста пятидесяти лет является идея прогресса, рожденная в рамках той же парадигмы, о которой уже упоминалось. Значение этого понятия несколько расплывчато, поэтому нуждается в смысловой корректировке. В устоявшемся понимании «прогресс» отождествляется с бесконечным ростом и удовлетворением потребностей человеческого индивида как существа материалистического. Иначе говоря, прогресс есть прежде всего социально-экономическое развитие, постоянно повышающее комфорт эмпирического бытия человека. Именно в этом смысле термин «прогресс» употребляется далее.

Изначально творцами теории прогресса – просветителями XVIII в. – подразумевалось, что развитие науки и техники, освободив человека от рабства тяжелого вынужденного труда, откроет перед ним простор для творческого, духовного совершенствования. Собственно, подобные декларации слышны и сегодня: дайте человеку вдоволь хлеба и зрелищ, и он будет созидать справедливый, счастливый мир; но ясно, что сейчас эти сентенции либо неискренни, либо, мягко говоря, наивны. Человек, требующий хлеба и зрелищ, породил общество потребления. Консьюмеризм является свидетельством вырождения общества, свидетельством духовного оскуднения и обеднения человечества.

Бесконечный бег за суррогатами счастья используется как универсальный рецепт социальной стабильности, а именно: если власть окружает рядового гражданина все более изысканным материальным комфортом, то это является наилучшей из возможных гарантий обеспечения лояльности со стороны большинства граждан. Однако государства, взявшие на вооружение данную модель стабильности, сделали ее заложниками: однажды включившись, эта система оказалась способной работать исключительно «на повышение». Стабильность обеспечивается только ростом потребления и удовольствий, что не безгранично. Но массам до того дела нет, а власть прекрасно понимает – снижение уровня материальной жизни не просто чревато неприятностями, а может означать конец ее самой, поэтому она вынуждена стимулировать пресловутый прогресс.

Но есть еще одно, не менее важное обстоятельство. Научно-технический прогресс в сложившейся во второй половине XIX в. геополитической ситуации стал совершенно необходимым фактором выживания государства. «Прогрессируй, или будешь уничтожен!» – эта жесткая дилемма во весь рост встала перед руководством разных стран мира после австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской войны 1870–1871 гг., где и Австрия и Франция, чьи солдаты и офицеры были не хуже противника, оказались бессильны перед превосходным техническим оснащением прусской армии. Именно тогда и началась колоссаль-

ная гонка вооружений, по сути продолжающаяся и по сей день. Существует точка зрения, что вообще весь научно-технический прогресс последних столетий продиктован сугубо военными целями [1]; данное мнение является не бесспорным, но и не беспочвенным.

Итак, обстоятельства внешней и внутренней политики вынуждали и вынуждают властные элиты мира двигаться по пути, в конце концов ведущему в тупик. На наш взгляд, цивилизационное перенапряжение, кризис, вызванные прогрессом, можно «снять» двумя способами: во-первых, насильственным прекращением прогресса, сознательным снижением уровня материального потребления и комфорта масс. Но очевидно, что никакая власть никогда на это не решится, так как в сложившихся условиях это для нее равносильно самоубийству. Поэтому единственным практическим вариантом «сброса напряжения» остается катастрофа (контролируемая или не контролируемая), физически уничтожающая большую часть людей – потребителей комфорта либо претендующих на это. Авторы отдают себе отчет в том, что эти строки могут показаться циничными. Но это не цинизм, это в некотором роде отсутствие лицемерия. Именно такое несчастье постигло человечество в начале XX в., когда ни власть имущие, ни тем более рядовые граждане, по-видимому, не имели никакого представления о «цивилизационном перегреве», следствии прогресса, – и оказались совершенно не готовы к этому.

Справедливости ради необходимо заметить, что отдельные проницательные мыслители предупреждали о страшных последствиях такого «перегрева» задолго до него – но толком услышаны не были. Возьмем на себя смелость утверждать, что практически вся первая половина XX столетия (конкретно: годы 1914–1945) стала единой суперкатастрофой человечества. В ней были периоды обострения, периоды ремиссии, но в целом она явилась затяжной глобальной деструкцией, важнейшие вехи которой таковы: Первая мировая война, революция и Гражданская война в России, ужасная и загадочная пандемия гриппа (так называемая «испанка») 1918–1919 гг., Великая депрессия 1929–1933 гг., фашизм, Вторая мировая война.

Сложно говорить о человеческих утратах, понесенных планетой в итоге упомянутых событий. По грубым подсчетам, суммарные потери (убитые, пропавшие без вести, пострадавшее гражданское население, умершие от ран, голода, болезней, безнадежные инвалиды) могут быть оценены примерно в 140 млн человек [2–4]. Вместе с безвозвратными демографическими потерями (нерожденные потомки погибших) это дает еще более трагическую картину – притом что все население Земли в 1914 г. составляло менее двух миллиардов человек.

Но и после того, как в 1945 г. катастрофа вроде бы завершилась, человечество вернулось на порочный круг, не сумев выйти из ситуации геополитической вражды, что, в свою очередь, потребовало оперативного решения проблемы социальной стабильности внутри враждующих блоков. Таким оперативным решением, естественно, стало увеличение материального потребления. Западный блок с этой задачей справился успешно, Восточный не справился и, признав свое банкротство, постарался воспринять, по сути, тупиковую западную социально-экономическую систему.

Невиданный «цивилизационный сброс» 1914–1945 гг. оставил человечеству достаточно объемный резерв для дальнейшего экстенсивного развития, но пределы его – экологические, демографические – видны сегодня отчетливо. Этот резерв еще может какое-то время сохраняться, однако принципиально решить проблему, конечно, не в состоянии. И в XXI столетии в европогенном цивилизационном сообществе принципиально все остается по-прежнему: общество, привыкшее к прогрессу, требует роста доходов, благ и удобств, а правительства вынуждены удовлетворять эти требования. За много лет действия потребительской аксиомы грубый гедонизм превратился для огромного числа людей в смысл и цель жизни, а деньги – в основной ценностный критерий.

Трудно избавиться от мысли, что идеи «управляемой катастрофы» или перманентной нищеты «третьего мира», ограничивающей доступ большинства землян к эпикурейскому царству, не муссируются в различных властных кругах. В сложившихся условиях данные сценарии могут представляться единственно действенным методом «перезагрузки» человечества. Но ведь нравственные законы действуют в нашем мире столь же неотвратимо, хотя и не столь очевидно, как законы физической природы. Каким бы ни было творимое человеком зло: прямым, косвенным, вынужденным, завуалированным квазиморалистическими оправданиями, – оно остается злом, и за него неизбежно следует расплата.

Поэтому, с нашей точки зрения, можно смело заявить, что сложившаяся на базе идеологии прогресса ценностная картина мира не адекватна современным биосферным и социальным реалиям. Мир ждет аксиологической революции, поскольку разного рода кризисы, скачки и перемены в дальнейшем могут лишь набирать скорость, наращивать способность к дальнейшим мутациям. Идеи тоже оказались подвержены кризисам, и идея прогресса не избежала этой участи.

И все же, на наш взгляд, нет основания продуцировать безусловно негативное восприятие базовой натурфилософской концепции европейского Нового времени. Когда-то копернико-ньютоновская схема мироздания была, вероятно, оптимальной: именно благодаря ей европейское, а вслед за ним и все остальное человечество добилось огромных успехов в науке и технике. Но, как все бренное, и эта космоантропология стала устаревать, а в наши дни зашла, по-видимому, в безнадежный тупик. Очевидно, что для кардинального оздоровления ценностной ауры современного человечества необходимо изменить онтологические основы его мироздания.

Уникальность человека (и его главное отличие от других живых существ) заключается в том, что он является единственным среди них приспособляющимся к изменяющимся условиям обитания не только за счет генетических механизмов, а за счет механизмов культурного, в том числе и аксиологического характера. Именно система ценностей определяет способ существования в окружающей действительности. В процессе развития человечества постоянно появляются новые, неведомые ранее и не учитывавшиеся формы опасности. Социум в такие периоды, как правило, не предлагает равнозначной замены тем ценностям, которые потерпели крах (что свидетельствует о его аксиологической незрелости), поэтому индивид просто вынужден самостоятельно адапти-

роваться к изменившейся обстановке. Ценности структурно конституируют субъективность индивидуума, а потому их разрушение влияет на все без исключения стороны жизни человека и общества сугубо разлагающе.

Современную аксиологическую ситуацию нельзя охарактеризовать как полное разрушение ценностной системы; в настоящее время целесообразнее вести речь не о четко структурированной социальной аксиосфере, а скорее о некоем ценностном образовании, которое, утратив внятную сохраняемую структуру, все же сохраняет определенную целостность и отличается гетерономностью. Постмодернистская философия для характеристики подобных полуморфных образований употребляет понятие «ризомы», которое, по нашему мнению, наилучшим образом отражает существующую в мире ценностей ситуацию. Отсутствие единого семантического центра, ценностного ядра, равновесия, но при этом наличие определенного организационного порядка и креативной подвижности – вот существенные черты ризомы.

Разумеется, историческое развитие общества немыслимо без непрерывного процесса трансформации ценностей. Однако та аксиологическая ситуация, которую следует характеризовать, на наш взгляд, как ризоморфную ценностную ситуацию и которая сложилась в настоящее время, исторически беспрецедентна и является результатом действия многочисленных факторов, как внутреннего, так и внешнего характера, среди которых наиболее действенный – распространяющийся вглубь и вширь процесс глобализации. Вследствие глобализации ценностные основы, цементирующие общество на самом что ни на есть глубинном уровне, начали терять свою актуальность и стали появляться иные ценностные парадигмы, что и привело к появлению новых стержневых оснований ценностной сферы.

Аксиологическое здоровье общества – важный фактор его дальнейшего развития. Но каким образом можно отследить здоровье общества в ценностной сфере в условиях полиморфности среды? На наш взгляд, существенным фактором поддержания аксиоздоровья является сохранение единого центрирующего кода ценностной сферы. Сегодня еще осталось время и ресурсы, необходимые для того, чтобы поддержать пошатнувшийся аксиологический иммунитет. Сделать это следует безотлагательно, иначе общество окажется бессильной жертвой ценностного хаоса. Именно сегодня люди нуждаются в надежном, эффективном и дифференцированном аксиологическом иммунитете. Правильная ориентация в причинах поражения социально-политической системы явится залогом грамотной организации аксиореконструирующих социальных реформ. Поэтому привитие социально приемлемых и индивидуально актуальных ценностей является самым мощным средством, направленным на сохранение общества, включая его экономический, технологический и военный аспекты.

Подобно рыночному хозяйству, ценности сами собой не восстанавливаются – как и во всем культурном строительстве не обойтись без сознательной творческой воли определенных членов общества. Дальнейшее же деструктивное влияние аксиосфер, не адекватных современной социальной ситуации, грозит окончательно нивелировать и разрушить нас как уникальное культурное сообщество. Как отдельный человек, так и общество в целом жизненно нужда-

ются в целенаправленном воспитании. Необходимы более эффективные правила социальной игры, иные формы социального общежития, иная этика, иная онтология.

Возможно ли, по гегелевскому закону отрицания отрицания, возвращение к философскому геоцентризму, к осознанию того, что Земля не одно из рядовых космических тел, на котором в силу стечения каких-то обстоятельств возникла и удержалась жизнь, – но уникальный пространственно-временной объект? Полагаем, что да, возможно – если перейти к восприятию биосферы как пространства-времени особой квалификации. Планета Земля столь разительно отличается от всего космоса именно потому, что феномен, именуемый «жизнь», есть пространство-время радикально более сложной структуры, обладающее большим количеством и, вероятно, качеством измерений (правда, значительная часть этих измерений пребывает для современного человека в латентном состоянии). При таком концептуальном подходе биосфере Земли следует рассматривать как поверхность многомерного пространства-времени, потенциальный выход в «живой космос», потенциальную возможность освоения новых, доселе скрытых от человека реалий. Но открытие этих возможностей в биосфере и в самом человеке зависит, как было указано ранее, во-первых, от переосмысления онтологического статуса биосферы и ноосферы, приводящего к осознанию Земли метафизическим полюсом мироздания, и, во-вторых, от принятия людьми этических императивов, распространяющих правила морали на биосферу.

Ставить какие-либо цели дальнейшего развития не имеет смысла в ситуации аксиологического беспорядка, или, иными словами, ценностного брожения, в котором пребывает современное человечество. Это порочный круг, так как, с одной стороны, общество само «загоняет» себя в аксиологический тупик, но с другой – современное состояние общества есть следствие аксиологического ацентризма. Именно в этом смысле, по нашему мнению, кризис является имманентно присущим свойством социокультурного развития человечества.

Итак, ключевое положение: сегодня человечеству необходима иная этика, иная онтология. Ясно, что идеология прогресса, потребления изжила себя, стала губительной для мировой цивилизации – хотя это вовсе не значит, что она изначально была негативной. Она, очевидно, соответствовала своему времени, в котором отвечала оптимальному характеру развития человечества. Но сейчас она стала анахронизмом, а человечество все еще живет в ее парадигме. Главная задача для современного человека – определить эту новую этику, ценностную картину мироздания.

Основой такой обновленной ценностной парадигмы призвана, с нашей точки зрения, служить идея нового «геоцентризма», суть которой заключается в том, что человек и Земля как единый пространственно-временной континуум должны стать ценностным ядром обновленного мировоззрения. Основные усилия необходимо сконцентрировать на развитии в человеке душевных способностей и желания управлять миром и прежде всего собой. Если человек найдет в себе силы совершить кардинальную переоценку онтологических и аксиологических сущностей, то перед ним откроется широкое поле возможностей для решения тех проблем, которые проявились в современном обществе.

Библиографический список

1. Бугера В.Е. Сущность человека. М., 2005.
2. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. М., 2001.
3. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986.
4. Советская историческая энциклопедия. М., 1961–1976. Т. 1–16.

A.S. Zaraev
The Problem of Civilization
Identity of a Subject
of Social Development

Characteristics and mechanisms of civilization identification of social development subject are studied. Special consideration is given to the analysis of subject's creative activity.

Key words and word-combinations: subject of development, identity of a subject, civilization.

Исследуются характеристики и механизмы цивилизационной идентификации субъекта общественного развития. Особое внимание уделяется анализу созидательной деятельности субъекта.

Ключевые слова и словосочетания: субъект развития, идентификация субъекта, цивилизация.

УДК 316.3
ББК 60.022

А.С. Зараев

ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Успешное разворачивание в современных условиях потенциала российского общества в значительной степени обусловлено не только наличием необходимых материальных предпосылок, но и способностью субъекта общественного развития к созидательной деятельности. Актуальность проблемы цивилизационной идентификации такого субъекта связана с перспективами мобилизации его деятельности. Между тем в социально-философских исследованиях зачастую отсутствует весьма важная установка, направленная на анализ социального субъекта как активного участника именно цивилизационного процесса.

При анализе общественного развития в социальной философии доминирующим является формационный подход. Например, даже современные исследователи, анализируя закономерности становления цивилизации, склоняются к интерпретации этого явления как «цивилизованности» и оценке возникновения цивилизации как появления «ци-

вильзованных обществ» [1, с. 26–27]. Очевидно, что такое понимание процесса, трактующего сущность и историю социума, лежит в русле формационного подхода, поскольку признается наличие единых или однотипных материально-производственных детерминант и закономерностей развития, а также субъектов и движущих сил общества.

Цивилизационный подход способен дать более разнообразные и продуктивные результаты исследования процессов общественного развития. Субъекты общественного развития при таком методологическом видении могут быть представлены гораздо более полно и качественно.

Так, положительные или разрушительные деятели истории в качестве движущих сил развития выделялись одним из наиболее известных отечественных сторонников цивилизационной теории – Н.Я. Данилевским [2]. Положительными деятелями истории, по его мнению, выступали народы, формирующие культурно-исторические типы, цивилизации. Роль разрушительных деятелей истории состояла в проявлении не конструктивных, созидательных потенций, а в осуществлении субъектами роли «бичей божьих» человеческой истории, предназначенных для того, чтобы смести с исторической сцены одряхлевшие, мешающие дальнейшему развитию и находящиеся в агонии цивилизации. Кроме активных субъектов истории философ выделял народы первичных, подготовительных культур (египетской, иранской), которые ничем особенным в истории себя не проявили. Роль таких субъектов – создавать своего рода «фон», материал формирования цивилизационного русла развития положительных деятелей истории. Таким образом, становление и развитие цивилизации как явления, по Н.Я. Данилевскому, зависит от деятельности субъекта цивилизационного процесса, который позже был назван суперэтнотомом.

Интересный взгляд на проблему субъекта общественного развития предложен Л.Н. Гумилевым, который поставил проблему движущих сил цивилизационного процесса. Культурно-исторической единицей, творящей историю, является, по его мнению, этнос. Этнос может входить в более общую системную целостность – суперэтнос, состоящий из группы этносов, существующих в данном регионе и связанных экономическим, религиозным и политическим общением [3, с. 146]. Организм этноса (суперэтноса) поглощает энергию внешней среды и выдает ее в виде работы. Возникая в результате пассионарного толчка как феномен в большей степени биологический, суперэтнос облекается «плотью и кровью» культуры, в пределах которой развивается многообразная интеллектуальная жизнь, расцветает наука, искусство, возникают своеобразные формы быта. Именно таким образом суперэтнос создает цивилизацию.

В работах О. Шпенглера в качестве одного из субъектов исторического процесса выступает сама культура (в ее конкретно-цивилизационных проявлениях) как некий социально-биологический организм [4]. Шпенглер выделял «душу культуры» и считал, что культура есть живое, деятельное начало общественного процесса. Классы, политические партии и прочие субъекты, имеющие смысл деятельности в связи с детерминирующим влиянием материального производства, в цивилизационной теории Шпенглера ничем особенным не обозначены. Их деятельность – только поверхность, эмпирия, явления, выражающие нали-

чие глубинных процессов. В то же время отдельными субъектами развития общества у О. Шпенглера выступали народы, создающие культуру, имеющую специфически выраженный национальный характер.

В цивилизационной теории А. Тойнби [5] основной движущей силой развития заявлено творческое меньшинство, задача которого состоит в поиске «ответов цивилизации» на «вызовы времени». Этносоциальная составляющая субъекта цивилизационного процесса у Тойнби выражена не так выпукло, как у Н. Данилевского и О. Шпенглера, но в большей степени очерчена идея суперэтноса; вместе с тем ведущая роль в становлении и сохранении цивилизации как отдельному субъекту отведена церкви.

Работы представителей цивилизационного подхода предлагают особую методологию исследования субъектов цивилизационного процесса. В качестве основных субъектов их теоретических построений, как правило, выступают этносы и суперэтносы, способные реализовать процессы цивилизационного развития и обладающие душой, пассионарностью и созидательной активностью.

Необходимость выбора путей развития в последнее время делает достаточно острой проблему научного определения и описания субъекта цивилизационного процесса. Цивилизационный подход позволяет заметить взаимную обусловленность культурно-цивилизационных особенностей социального организма, личностных и этносоциальных характеристик его составных частей.

Каждый народ, каждая личность существуют и развиваются в определенном цивилизационном пространстве, в пределах которого реализуются взаимоотношения индивида и общества, Бога и человека, формируются возможности выступать в качестве реального субъекта общественных отношений. Под цивилизационным пространством понимается совокупность сакральных смысло-жизненных установок, базовых ценностей и идеалов, архетипов и схем мышления, через которые цивилизация осуществляет собственный поиск универсальных смыслов бытия [6, с. 47]. Поэтому цивилизационные войны ведутся прежде всего за расширение пространств доминирования одних смыслов и поглощения других, распространение модификаций модели человека, реализующих определенные цивилизационные процессы.

Идентификация субъекта цивилизационного развития отечественного социума как «не-западного», «не-восточного», «не-американского», но специфически российского дает возможность ставить и решать не какие угодно задачи развития, сформулированные интеллектом ученого или политика, а цели и задачи, вытекающие из общего цивилизационного контекста, то есть те, которые способен решать данный конкретный субъект. Существенную роль в выявлении такой идентификации играет определение понятия цивилизации и цивилизационной идентичности.

Цивилизационная идентичность - это отождествление индивида, социальной группы, народа с определенной социокультурной целостностью, а также сознательное или бессознательное противопоставление себя другим целостностям. Идентичность есть осознание своего места в человеческом сообществе, определяющее смыслы и перспективы существования. Как правило, идентичность цивилизации определяется по нескольким векторам: национальному, ре-

лигиозному, государственному. Эти векторы одновременно существуют как основания идентификации.

Одним из наиболее существенных для исследования современного общества понятий являются понятия глобальной (мировой) и локальной цивилизации. Основным субъектом локальных цивилизационных процессов является суперэтнос; субъектом глобального развития является человечество в целом.

Влияние глобальных цивилизационных процессов на развитие локальных цивилизаций выражается в том, что в результате взаимодействия с другими цивилизациями естественноисторическое развитие существующих форм цивилизации нарушается. Каждое общество берет из общечеловеческого опыта те формы жизни, которые они в состоянии освоить в рамках своих экономических и культурных возможностей. При переносе отдельных форм жизнедеятельности, которые первоначально не вписываются в структуру уже сложившейся цивилизации, они будут ассимилированы культурой или вытеснены из нее. В связи с этим исследование процессов трансформации цивилизаций представляется особенно важным.

Перед цивилизацией, в которой происходит трансформация, стоит ряд проблем, основной из них выступает сохранение своей «самости». Для понимания особенности, уникальности цивилизации необходимо определить ее структуру, выделить ее существенные и сущностные характеристики.

В трансформирующейся цивилизации происходит разделение общества на группы с различными ценностями – так называемый «раскол общества». Отдельные группы могут идентифицировать себя не с собственной локальной цивилизацией, а с общемировой или конкурирующей. Поэтому важен поиск общих черт национального характера суперэтноса. Считаем, что определяющим фактором сохранения самобытности локальной цивилизации является самоидентификация суперэтноса.

Возникновение глобальной цивилизации – закономерный процесс, делающий необходимым решение цивилизационных проблем нового уровня. А. Тоффлер, характеризуя современную цивилизацию, ввел понятие «культурный шок». Это состояние появляется в результате погружения неподготовленного посетителя в незнакомую культуру, когда знакомые психологические факторы, помогающие человеку функционировать в обществе, исчезают и на их месте образуются неизвестные и непонятные [7, с. 11]. Субъект цивилизационного процесса в таком случае на время лишается способности к созидательной деятельности, и требуется период его адаптации. Развитие глобальной цивилизации обостряет эти проблемы и ставит их в ином ракурсе.

Отсутствие диалога и достаточной дифференциации между культурами может привести к потере жизнестойкости всего человечества как субъекта глобального развития, и поэтому теоретическая модель мирового развития, поиски предельных оснований современной цивилизации, несомненно, должны учитывать культурно-историческое и цивилизационное многообразие человечества.

По нашему мнению, в современную эпоху взаимодействия и взаимовлияния цивилизаций, усиления процессов универсализации в мировом масштабе стоит проблема сохранения самобытности локальных цивилизаций и сохранения созидательных способностей цивилизационных субъектов. Это касается как рос-

сийской цивилизации, так и стран Востока; эту же проблему пытаются решать и ряд стран Западной Европы. Проблема сохранения национально-особенного локальных цивилизаций может быть решена с учетом имеющейся в социально-философской традиции цивилизационной парадигмы исследования.

В современных условиях, когда разрушены основные ценности и мотивации деятельности российского человека, базирующиеся на формационных основаниях и артикулированные формационной идеологией, существуют три основных вектора развития отечественного субъекта общественных процессов.

Во-первых – восстановление ценностей, установок и мотиваций, определяемых основаниями и идеологией коммунистического общества. Коммунистическая идеология могла мобилизовать человека на героические достижения в различных областях общественной жизни, определяла и задавала возможные стратегии эволюции глобального социального организма в направлении, качественно отличающемся от того, по которому идет современный западный мир. Однако изначальные положения коммунистической идеологии и установки на построение идеального общества породили новые противоречия, разрешение которых пресекло данный вектор развития [8, с. 17].

Во-вторых – следование либеральным ценностям западноевропейской цивилизации, на чем особенно настаивают представители либеральной интеллигенции. Отрицание объективности высших российских цивилизационных ценностей, неслучайности существования тех или иных явлений общественной жизни в отечественном социуме приводит в рассматриваемом варианте к обожествлению ценностей конкурирующей цивилизационной системы и произвольному выбору их в качестве желаемых ориентиров развития. Западническая ориентация субъекта социального развития связана с формированием ценностей и условий, в рамках которых он не способен созидать цивилизационную реальность, соответствующую руслу цивилизационного развития, а способен лишь к разрушению чуждых этим установкам условий собственного бытия.

Третий вектор становления субъекта общественного развития – это установка на укрепление цивилизационных оснований общественного развития и создание самостоятельной цивилизационной идеологии. Именно он представляется, по нашему мнению, наиболее естественным и перспективным.

Современное общество вступило в полосу цивилизационных кризисов. Одна из его основных задач – сохранение цивилизационных особенностей современного человека как конструктивного субъекта развития вместе с сохранением цивилизационных особенностей современных обществ. Актуальной является также разработка стратегий формирования субъекта, основанных на высших цивилизационных ценностях и ставящих в качестве цели развития не соответствие известным моделям и стандартам, а действительно материи высшего порядка. Лишь в таком случае может быть сформирован конструктивный субъект общественного развития, способный решать реальные задачи.

Библиографический список

1. Гурьев Д.В. Закономерности становления цивилизации // Философское осмысление судеб цивилизации. М., 2002. Ч. 4.

2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1990.
3. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. Т. 1.
4. Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.
5. Заров Д.И. Цивилизационное пространство человека // Современная парадигма социально-гуманитарного знания. Саратов, 2004.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.
7. Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997.
8. Зиновьев А.А. О социальном статусе марксизма // Распутье. М., 2005.

E.S. Tolok
**The Man in the Socio-Cultural
Space of Modern Russia**

Socio-cultural space of modern Russia and the place of the man in it are researched. Special attention is paid to the analysis of the state of culture of the modern Russian society and the possible ways of overcoming the personality spiritual-moral crisis.

Key words and word-combinations: culture, personality, crisis.

Исследуется социокультурное пространство современной России и место человека в нем. Особое внимание уделяется анализу состояния культуры современного российского общества и возможным путям преодоления духовно-нравственного кризиса личности.

Ключевые слова и словосочетания: культура, личность, кризис.

УДК 111.32(470+571)(043.3)
ББК 872Рос

Е.С. Толок

ЧЕЛОВЕК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблема личности, общества и культуры – единая и характерная для каждого современного общества, поскольку социум функционирует и развивается только через личность и в раскрытии таковой. Личность же самоосуществляется только в обществе через реализацию своих сущностных сил, преобразуя, таким образом, себя и общество посредством культурной деятельности.

В настоящий момент трудно найти страну, которая бы переживала столь стремительные политические, экономические социальные и культурные изменения, как Россия. В результате радикальных реформ в ней сложилась культурная ситуация, которая не решила прежних противоречий, но добавила к ним новые, став еще более сложной. Драматический переход России в совершенно иную парадигму развития сделал исключительно актуальной проблему глубокого исторического, философского, социологического осмысления пройденного пути, нынешнего состояния и перспектив движения страны к

демократическому, информационному обществу, к правовому и социальному государству. Эта потребность находит свое отражение прежде всего в переосмыслении роли, места и возможностей культуры в социализации современной молодежи, в поисках цели и смысла жизни молодых россиян в условиях всеобщей нестабильности и духовного хаоса.

Духовную угрозу информационно-культурному пространству России несет целый ряд факторов, среди которых: интенсивные модернизационные процессы, некритическое заимствование извне и насильственное внедрение экономических, политических и культурных моделей, разрушение базовых ценностей христианской культуры и экспансия нетрадиционных религий, манипулирование с помощью средств массовой информации общественным сознанием, целенаправленное навязывание асоциальных и противоправных эталонов поведения и стилей жизни. Россия, стремящаяся «догнать» Европу, в спешном порядке пытается усвоить чужую культуру, при этом насилуя собственное естество.

Специалистами отмечается, что современная масс-культура вынуждает копировать, воспроизводить преимущественно американские образцы, распространяя таковые на весь мир. Производимые Голливудом привлекательные социальные мифы – это своего рода социальная терапия для населения большинства стран, но это и виртуальная реальность, которая разлагает национальную идентичность. Современная американская (шире – западная) культура несет в себе ценности далеко не лучшего свойства: крайний индивидуализм и коллективный эгоцентризм, примитивизм, насилие и жестокость, хотя бы и в оболочке борьбы добра со злом.

Помимо «макдонализации» и формирования «Мак-мира» (McWorld) происходит насыщение, в том числе России и даже наиболее стойких восточных цивилизаций (например, Индии и стран арабского мира), наиболее простыми образцами западной массовой культуры – «быстрой музыкой», «быстрыми компьютерами» и «быстрой едой» [1, с. 75]. Следовательно, по мере того как осваиваются и берутся на вооружение американские нововведения в различных сферах жизнедеятельности, постепенно меняются ценности, установки, менталитет людей, характер порождаемых в коммуникационных сетях текстов, а новые англоязычные термины, используемые в них, восполняют смысловые конструкции национальных языков – носителей иноязычных культур.

Американизация современной культуры связана со становлением новой контактно-коммуникативной среды и городской культуры развлечений, с интенсивным поиском культурных форм, способных преодолеть границы национальных и этнических традиций и создать универсальный язык коммуникации. Воздействие американизированной массовой культуры заставляет народы идентифицировать себя с системами иных культур и ценностей, и они начинают активно участвовать в реализации вынужденных, но кажущихся им единственно возможными программ вместо того, чтобы критически пересмотреть их и заменить необходимыми именно им.

Все это выводит личность в систему более примитивных реакций. Человек преобразуется из представителя определенной социальной группы в составную

часть манипулируемой толпы. Биологическое и эмоциональное в нем выходит на передний план по отношению к социальному и разумному. Реформаторы в 1990-х годах направили средства культуры на уничтожение человеческого в человеке, уничтожение таких исконно высоких понятий, как любовь, верность, долг, честь, истина, правда, добродетель, на которых держится семья, род, отечество, государство.

Главенствующим принципом вестернизированной масс-культуры, предлагаемой два десятилетия россиянам, стала пропаганда вульгарного социал-дарвинизма, где человек человеку уже не «друг, товарищ и брат», а «волк» [2, с. 48]. За годы реформ выросло поколение, оторванное от своих корней – «поколение пепси» с расщепленным сознанием, с утраченными ориентирами, бездуховными целями, путающееся в представлениях о добре и зле. Сегодня велика опасность утраты страной национальных и духовных ценностей, своего сформированного веками менталитета вследствие повсеместного подражательства Западу, бездумного копирования наихудших элементов западного образа жизни и поведения.

Законы рынка, так внезапно вошедшие в жизнь российского общества, неизбежно и коренным образом поменяли сознание людей. От идеи и принципов соборности, которыми традиционно питалось на протяжении многих веков российское самосознание, общество, человека толкнули к крайнему индивидуализму и эгоизму. Некогда целостное российское культурное пространство распадается на все менее связанные в культурном отношении сегменты, не объединенные, как прежде, общими ценностями, нормами, а зачастую противостоящие, противоборствующие в культурном, духовном смысле друг другу.

На текущем этапе все чаще появляется информация о кризисе культуры в России, разрушении культурных основ всей народной жизни. Объясняется это явление обычно экономическими проблемами, нехваткой бюджетных средств. На самом же деле кризис культуры всегда связан с духовными основаниями, кризисом духовности.

Современный духовно-нравственный кризис человека, протекающий в форме перманентной внутривидовой войны людей за выживание и человеческое развитие, – это не что иное, как системный кризис нашего видового развития. Он затронул способ организации жизни на всех уровнях ее регуляции. Им охвачены не только каждый из нас, индивидов, включенных уже не только в национальные, но и в мировые общественные отношения, – его основу образует кризис способа духовной и интеллектуальной организации как государственных и общественных структур управления, так и каждой человеческой личности в отдельности.

В сознании людей на индивидуальном и групповом уровнях происходят изменения духовно-нравственных ориентиров, идеалов, ценностных ориентаций. В настоящее время в российском социуме сложилась ситуация, когда старые ценности во многом потеряли свою значимость, а новые ценностные ориентиры только создаются. В массовом сознании слабо актуализированы такие либеральные ценности, как собственность и терпимость, очень слабо актуализировано понятие достоинства – важнейшего признака независимости лич-

ности, ее высокого статуса. Поэтому необходимость в позитивной социально ориентированной трансформации культурной ситуации чрезвычайно актуальна. Требуется реформирование этой сферы жизнедеятельности общества.

Основной задачей в области социализации, культурного воспитания общества и личности на современном этапе является поиск новых культурных доминант при сохранении национальных культурных традиций. В условиях современного социума человек особенно нуждается в верных культурных ориентирах. Без них ему трудно, практически невозможно обрести личностный смысл своего существования, определить значимые цели, выбрать адекватные действия в их достижении. Эффективность поиска и правильность выбора подобных ориентиров зависит как от самого человека, так и от конкретной жизненной ситуации. Это непростой и весьма противоречивый процесс.

Система наиболее устойчивых социальных и культурных установок личности определяется шкалой ценностных ориентаций – мировоззренческих и нравственных убеждений человека, принципов его поведения, глубоких эмоциональных привязанностей. Позитивное культурное развитие личности в современных условиях возможно лишь в результате практической деятельности, участия в общественных процессах.

У подрастающего поколения следует воспитывать соответствующее мировоззрение, базисное миропонимание, гуманистическую жизненную позицию, формировать у молодежи инновационное поведение, толерантные качества личности. «Нравственное воспитание играет большую роль в системе формирования личности, является критерием, определяющим ее духовность, а духовность есть основание бытия человека» [3, с. 48]. Толерантный человек осознает, что мир, социальная среда многомерны и взгляды на этот мир могут быть различными, не сводятся к единообразию.

В связи с этим подчеркнем: молодежи необходимо пространство, чтобы она могла проявить в обществе свою индивидуальность и свои способности. Раскрытие личности и ее интеграция в социум являются важными предпосылками для того, чтобы молодые люди стали гражданами и взяли на себя ответственность за формирование и воспроизведение основанного на свободе и демократии правового и жизненного строя. Общество не в последнюю очередь зависит от того, научится ли молодое поколение жить, отвечая за себя и служа обществу. Привлечение молодых людей к культурно-общественной деятельности должно быть направлено на их физическое, социальное, духовно-нравственное развитие.

Духовная культура всецело связана с созидательной, преобразующей активностью личности, социальных групп, общества в целом. А.К. Уледов отмечает, что духовная культура – это не только совокупность духовных ценностей, но и активная творческая деятельность людей по освоению и преобразованию мира, производство, хранение, распространение и потребление духовных ценностей [4, с. 45]. Она формирует духовный мир общества и человека, обеспечивает общество в целом дифференцированной системой знаний и ориентаций, необходимых для осуществления всех видов деятельности.

Творчески развитая личность не перенимает в готовом виде ни западную, ни восточную картину мира и способы действия в ней. Она пытается понять и

выработать свое отношение к происходящему вокруг нее, осознать меру своей ответственности за собственные и совокупные действия, обосновать и оправдать стратегию своего поведения. Поэтому происходит переосмысление существующих идеалов, норм, вырабатываются личностное отношение к миру, индивидуальное мировоззрение, собственная система ценностей.

Духовные ценности – важная сторона функционирования и развития общества. Они определяют духовную атмосферу жизни людей и способствуют улучшению морально-психологического климата, без них обществу грозит самая настоящая бездуховность, что пагубно скажется на всех сторонах жизни и деятельности людей. В духовных ценностях отражаются духовные потребности людей, духовная деятельность, духовные отношения между людьми, а также особенности их межличностного духовного общения, то есть подлинно человеческая сущность – то, что выделяет и возвышает человека над остальным миром.

Распространение духовных ценностей – особый вид деятельности, ставящей своей целью повышение культурно-образовательного уровня людей. В результате такой деятельности обогащается духовная жизнь социума в целом и формируется более возвышенный внутренний мир каждого человека в отдельности, возникают более высокие духовные потребности личности и общества.

Количественный и качественный рост духовных ценностей ведет к обогащению духовной культуры общества и является важной предпосылкой формирования интеллектуально развитого человека. Высокие духовные запросы, в свою очередь, обязательно будут побуждать людей к созданию духовных ценностей, духовному творчеству, духовному общению. Можно ожидать, что вследствие этого будет происходить изменение характера духовного потребления.

В своей духовной жизни человек в соответствии со своими склонностями приобщается к тем или иным духовным ценностям. В современных условиях во многом это определяется спецификой образа жизни самого общества и в особенности средствами массовой информации, коммуникации и манипулирования сознанием широких масс населения. Духовная жизнь характеризуется усреднением и стандартизацией вкусов, что процессуально превращает ее в духовное потребление. Рискнем выразить мысль, что духовное потребление приводит к «затуханию» культуры и препятствует духовному развитию человека, усугубляет кризисные проявления в общественной жизни.

С нашей точки зрения, неоспоримо, что преодоление кризиса культуры возможно лишь через возврат государства и творческой интеллигенции к исконно духовным ценностям российской культуры. Культура оказывает решающее воздействие на формирование личности человека. Без ее влияния невозможно не только его гармоническое развитие, но и полноценное включение в общественный процесс, созидательную деятельность на благо государства и общества.

Влияние культуры, всех форм ее воздействия на духовную жизнь общества в целом и конкретную личность особенно усиливается в переходные периоды развития того или иного общества, в периоды смены векторов, парадигм и целей общественного и государственного развития. Такой период в своей истории переживает сейчас наша страна. Но несмотря на это, Россия может и должна выдвинуть альтернативную идею потребительской цивилизации досуга

Запада. Ее миссия – совершить в мире духовный переворот и глобальную революцию сознания.

Библиографический список

1. Соломатова С.Н. Ценностные ориентации россиян в процессе формирования гражданского общества в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 6.
2. Сергеев В.В. О безопасности духовной культуры в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4.
3. Бусыгина И.М. Какие ценности в цене? // Политические исследования. 2004. № 1.
4. Миронов А.В. Кризис духовных ценностей на социокультурном пространстве современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 2.

V.V. Kanafieva
Number and Name as Mediators
of Intellectual Systems

The author uses Florensky's name philosophy ideas as methodology for the explanation of the phenomenon of intellectual systems. The idea of the principal lack of convergence between the language-sign and the language-symbol is considered as the basic problem of the artificial intellect philosophy.

Key words and word-combinations: intellectual systems, name, number, language-sign, language-symbol.

Автором используются в качестве методологии идеи философии имени П. Флоренского для объяснения феномена интеллектуальных систем. В качестве основной проблемы философии искусственного интеллекта рассматривается идея о принципиальной несводимости друг к другу языка-знака и языка-символа.

Ключевые слова и словосочетания: интеллектуальные системы, имя, число, язык-знак, язык-символ.

УДК 800.1
 ББК 81В

В.В. Канафьева

ЧИСЛО И ИМЯ КАК МЕДИАТОРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ

В настоящее время все дискуссии, так или иначе касающиеся вопроса совершенствования систем искусственного интеллекта, замыкаются на проблеме усложнения объектов управления с одновременным ужесточением требований к точности и качеству управления данными системами. Это, естественно, обуславливает факт пересмотра подходов построения самих систем управления, что может привести к противоречию с традиционными подходами. Как следствие возникает необходимость использования интеллектуальных самоорганизующихся систем автоматического управления (ИССАУ) [1, с. 40], содержащих в своей структуре не что иное, как гибридное вычислительное устройство – нейрокомпьютер.

Проблемно-ориентированный язык, поддерживающий стиль программирования, которому присущ вид абстракции «правило

ЕСЛИ – ТО» [1, с. 41], описывает законы управления ИССАУ в виде систем обыкновенных дифференциальных уравнений, для решения которых можно применять в числе используемых алгоритмов как комплексную арифметику, так и алгоритмы нахождения корней трансцендентальных уравнений [2, с. 101–103]. Однако, на наш взгляд, какой бы язык программирования ни использовался, все равно придется решать один из традиционных вопросов в сфере автоматического перевода – о возможности и необходимости создания универсального семантического языка, представляющего собой в процессе обработки текста переходную репрезентацию между языком-целью и языком-источником [3].

Любой язык программирования представляет собой сочетание кодов: 0 и 1, то есть число, а «понятие о числовом тождестве неприменимо к вещам: вещь может быть лишь “такая же” или “не такая же”, но никогда – “та же” или “не та же”» [4, с. 79]. В западной традиции, лежащей в основе «лингвистического программирования», наблюдается омонимия терминов, обеспечивающая более системный подход к «исчислению» различных способов кодирования той или иной семантики и поиску межъязыковых соответствий. Однако еще П. Флоренский отмечал, что господством западной философии объясняется загнанность и малая употребительность термина «нумерическое тождество». «Когда говорят о тождестве, то, более или менее решительно, под ним разумеют полноту подобия, – не более... Тут тождество окончательно и сознательно подменяется подобием. Уничтожение идеи нумерического тождества, – как сказано, – особенно ярко проявляется в современной логике» [4, с. 81].

Таким образом, люди сталкиваются с эпистемологической проблемой, а именно с проблемой передачи истинного знания, а также проблемой выбора языка для передачи этого знания, поскольку язык не может донести до человека истину, Смысл, на что в свое время обратили внимание Л. Витгенштейн, Б. Рассел и другие представители «лингвистического поворота». *«Управление, осуществляемое только на количественной основе, недостаточно для того, чтобы обеспечить адекватное поведение организма в окружающем мире. Это в каком-то смысле тупиковый путь для эволюции живых систем»* [5, с. 24], и тем более для создания систем искусственного интеллекта. Ведь язык, по мысли немецкого философа М. Хайдеггера, таит в себе «оформленную концептуальность», и путь к подлинному смыслу бытия лежит через рефлексию над языком.

Экспликация идей русской философии имяславия с позиций эвристического потенциала идеи принципиальной несводимости друг к другу языка-знака и языка-символа позволяет понять **собственное в языке** и предположить следующее:

1. Структурные модификации языка связаны с символической структурой – Первичным Именем, поскольку слово-символ глубоко онтологично. Знак – представляет собой некую симуляцию, подобие символа, что позволяет вести речь о различных онтологических статусах символа и знака. Вследствие этого становится очевидна разница в их структурах, а значит, и в генетическом коде творения.

2. Нормальное строение бытия – бытие-символ – рассматривается как совмещенные изначально смысл и явление. «Топологическое смещение» задает условия расщепления этого бытия и возникновения симулякрального строения

бытия. В процессе десакрализации язык начинает фигурировать в качестве языка-знака.

3. Язык-знак, пытаясь воспроизвести структуру языка-символа, создает обман полноценного бытия, используя доступные ему знаки, онтологически сращенные с инобытием. Шифруя встречу бытия и небытия, знак порождает *число* как регулирующий код творения. Число возникает как эффект мерцания на фоне небытия вследствие размытости энергии смысла меоном. В итоге образуется непрекращающийся дискурс между означающим и означаемым.

4. Символ есть онтологическая нормативность бытия, и если *имя* как принцип символической онтологии задает условия возможности *языка-символа*, то принципом онтологии и соответственно условием возможности *языка-знака* является *число*.

5. Традицией, характеризующейся *языком-символом*, является *традиция имени*, принципом которой выступает имя, а формой существования бытия – *вечность (зоначеское время)* как конгруэнтность пространства и времени.

6. Традиция, характеризующаяся *языком-знаком*, симулирующим реальность языка-символа и претендующим на статус универсального языка, есть *традиция числа*, принципом которой выступает *число*, а формой существования бытия – *бытие во времени или «бытие в становлении»*. Традиция числа представляет собой особую «фоновую» парадигму, программу, операционную систему, язык-знак которой – это компьютерный язык, ибо базовым кодом программирования являются 1 и 0 – числа. Традиция числа – это *бытие с однонаправленностью времени как базовых осей координат языка-знака* [6, 7].

Как отмечалось ранее, в качестве языка программирования может быть использована комплексная арифметика. Комплексное число $c = a \pm bi$ (где c , a и b являются вещественными числами, причем a называется **вещественной частью**, bi – **мнимой частью**, где $i = \sqrt{-1}$ – **мнимое число**, мнимая единица), на которое уже обращалось внимание, – *это формула потенции преобразования меонического бытия; подчиненности меонического времени (вечности), протекающему в традиции имени*. Пренебрегая bi при $b = 0$, мы тем самым способствуем формированию феномена виртуальной среды, вытесняющего модель вечности и подменяющего ее структуру. Таким образом, bi – часть референтной области нашего сознания (речь), резервирующая смысл онтологической нормативности.

Язык-знак занимается постоянной перекодировкой языка-символа, находящегося по другую сторону языка-знака. Иррациональное число i (иррациональность следует понимать как непостижимость для разума) в комплексном числе и представляет собой ту самую границу языка, осуществляющую перекодировку или раскодировку традиции имени в традиции числа. Следовательно, i выполняет трансцендентальную функцию в комплексном числе, выражающуюся в качественном соединении противоположностей, включая темпоральные противоположности через синхронистичность как *процесс конгруэнтности смысла и явления в языке-знаке в меоническом времени, раскодирующий язык-знак через изменение пространства и времени путем «сжатия», «сходимости» до точки «теперь»*.

Опираясь на изложенное, обратимся к понятию «чистая идея числа», которая по своему происхождению является не-объективной и не-субъективной; переходя в свое инобытие, она «превращается прежде всего в физически-материальное, пространственно-временное число» [8, с. 26]. Становится понятным, что под «чистой идеей числа» в рамках обозначенного подхода следует понимать комплексное число, мнимая часть которого инобытийна вещественному числу и представляет новую реальность. Если в математике с обыкновенным числом связаны числовые операции, то в философии, как отмечает А.Ф. Лосев, эти числовые операции превращаются «в *понятийные*, в принципиально *логические*».

С точки зрения рассматриваемой философской концепции комплексное число *представляет так называемый особый континуум числовой слитности и неразличимости трех основных сфер числа как явленной идеи «чистого числа» или его перво-принципа: интенсивного, экстенсивного и эйдического чисел*. Математическое выражение, или формула, комплексного числа: $c = a + bi$ тогда может быть истолкована следующим образом: *интенсивное число*, или математическая *сущность*, комплексного числа есть *c*; *экстенсивное число*, или его *явление*, есть вещественные числа *a* и *b*; *эйдическое число*, конструирующее сущность и явление и открывающее действительность традиции имени для традиции числа, есть *i*, или мнимое число. При $b = 0$ мы имеем ситуацию, когда интенсивное число представляется экстенсивным числом: сущность представлена лишь явлением. При $a = 0$, мы сталкиваемся с сущностным открытием действительности традиции имени.

«Число является настолько основной и глубокой категорией бытия и сознания, что для его определения и характеристики можно брать только самые первоначальные, самые отвлеченные моменты того и другого. Математика – наука о числе – есть уже нечто вторичное по сравнению с самим числом» [8, с. 41]. Необходимо продолжить мысль А.Ф. Лосева: число является не только категорией бытия и сознания; число, как уже отмечалось ранее, есть онтологический принцип традиции числа.

Импликациями традиции числа являются язык-знак, мышление, код, число, исчисление как имитация мышления, сознание как функция программы числа. По нашему мнению, вполне можно согласиться с лосевским пониманием числа как акта смыслового полагания, а не содержания этого полагания, поскольку число – вне-содержательная, бескачественная смысловая структура. Но это определение нельзя отнести к комплексному числу, содержащему в мнимой своей части область смысловых символов – *i*, представляющую собой способ пребывания числа в своем инобытии. Таким образом, можно утверждать, что *комплексное число – трансцендентальная функция традиции имени в традиции числа*.

В более поздних работах А.Ф. Лосева встречается понятие гилектического числа, что представляется интуитивным пониманием комплексного числа, которое присутствует в обычном вещественном числе, однако оно существует и вне его, самостоятельно, трансцендентно [9, с. 619–624]. Следовательно, можно предположить, что общеизвестные элементарные математические операции, использующиеся в качестве базовых в любых языках программирования, далеко не исчерпывают смысловой истинности информации, которую они должны передавать.

Запись информации в памяти компьютера позиционна, осуществляется путем преобразования последовательности событий во времени в последовательность локализованных в пространстве участков носителя, что существенно отличается от работы головного мозга живых существ и представляет серьезную проблему при создании систем искусственного интеллекта. Память живого организма организована «в виде многомерной голограммы, упорядоченной вдоль временной оси. Мозг – одномоментный «срез» этой голограммы, локализованный в трехмерном пространстве.

Таким образом, моделирование функций мозга методами математики дискретных величин – это попытка приравнять к дискретным величинам континуум, не преодолевая фундаментальное различие между непрерывным и дискретным. Считается, что основная функция мозга – переработка информации с ее последующим усвоением живым существом, то есть трансляцией информации из пространственно оформленного мира в непротяженный мир сознания.

В процессе усвоения гилетическое число интегрирует поступающую информацию, делает гилетическое число живым существом. Если компьютер и моделирует некоторые функции мозга, то это функции именно *бодрствующего* мозга, перерабатывающего (по законам дискурсивной логики) информацию, поступающую в потоке действующей причинности.

При актуализации информация, хранящаяся во «внутреннем пространстве» гилетического числа, может вновь приобретать протяженную форму. Для актуализации хранящейся в памяти информации важна не временная последовательность усвоения этой информации, а ассоциативное подобие усвоенных образов» [10, с. 172]. Таким образом, комплексное число позволяет представить сам предмет, а не его аналоговое или цифровое представление, в пространственно-временном континууме. Комплексное число преобразует информацию, хранящуюся в пространственно-временном континууме, в трехмерное, меоническое время, при этом выполняя свою трансцендентальную функцию между миром физическим, меоническим и миром непротяженным.

Тем не менее В.Б. Кудрин отмечает, что голограмма как носитель информации, так же как бумага, магнитофонная лента или дискета, – все еще система без обратной связи, транслирующая информацию строго в одном направлении: из прошлого в будущее. «Время в физическом смысле внутри голограммы уже не течет, но сохраняются не только все вечные математические истины, но и память обо всех событиях, происшедших в физическом мире. Это делает возможным осуществление новых операций над гилетическим числом, в том числе актуализацию (по ассоциативному признаку) информации, усвоенной числом в течение определенного отрезка времени его жизни» [10, с. 173].

На основании изложенного можно сделать вывод, что многомерную голограмму с ее пространственно-темпоральными характеристиками вполне можно считать физической моделью традиции числа. Физическая корреляция, или трансцендентальная функция языка во времени, не есть просто ономим математической корреляции, а есть конкретное проявление в меоническом бытии обмена информацией между гилетическими числами (комплексными числами), происходящего по законам корреляции математической. И именно комплексное число

связывает дискретное с непрерывным и указывает способы перехода между ними за счет актуализации мнимой единицы в составе комплексного числа.

Таким образом, обработка естественного языка системами искусственного интеллекта видится достаточно проблематичной и несет в себе глубокую как онтологическую, так и эпистемологическую проблему с позиции истинности.

Библиографический список

1. Степанов М.Ф. Нейрокомпьютеры в интеллектуальных самоорганизующихся системах автоматического управления // Проблемы и перспективы прецизионной механики и управления в машиностроении: материалы междунар. конф. Саратов, 2002.
2. Агеев М.И., Алик В.П., Марков Ю.И. Библиотека алгоритмов 1016–1506: справ. пособие. М., 1978. Вып. 3. (Библиотека технической кибернетики).
3. Ефименко И.В. Лингвистические аспекты кросс-языкового реферирования: синтез текстов под управлением предметных онтологий [Электронный ресурс]. URL: irina.efimenko@avicompr.ru
4. Флоренский П.А. «Столп и утверждение истины». М., 1990. Т. 1.
5. Чайлахян М. Искусственный интеллект и мозг (Можно ли моделировать мозг средствами искусственного интеллекта?). СПб., 2006.
6. Канафьева В.В. Язык и время в Традиции Логоса. Саратов, 2005.
7. Канафьева В.В. Время, онтология, язык. Саратов, 2006.
8. Лосев А.Ф. Диалектические основы математики // Хаос и структура. М., 1997.
9. Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М., 1994.
10. Кудрин В.Б. Учение А.Ф. Лосева о диалектическом числе // Вопросы философии. 2005. № 8.

S.M. Frolova
Ontological Analysis of Virtual
Reality through the Idea
of "Concrete Metaphysics"
by P.A. Florensky

The author considers the ontology of virtual reality in the light of modern researches. The special attention is paid to explanation of the phenomenon through the idea of "concrete metaphysics" by Florensky.

Key words and word-combination: Ontology, virtual reality, symbolic structure of being.

Рассмотрена онтология виртуальной реальности в свете современных исследований. Особое внимание уделено раскрытию этого феномена через идеи «конкретной метафизики» П.А. Флоренского.

Ключевые слова и словосочетания: онтология, виртуальная реальность, символическое строение бытия.

УДК 004.946:1
ББК 60.02:87

С.М. Фролова

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ИДЕИ «КОНКРЕТНОЙ МЕТАФИЗИКИ» П.А. ФЛОРЕНСКОГО

Мощное развитие техногенной цивилизации в конце XX в. привело к компьютеризации как основных сфер деятельности, так и повседневной жизни человека. Благодаря созданию сети Интернет, прогрессу информационных технологий и электронных средств связи в повседневность введены но-

вые понятия и термины, значительно раздвинуты границы человеческого общения.

На современном этапе увеличение потока информации неразрывно связано с развитием новой информационно-технологической парадигмы, в формировании которой решающее значение имело создание постоянно усложняющихся телекоммуникационных и информационных технологий. Во второй половине XX в. происходит слияние глобальных средств массовых информации и компьютерных коммуникаций в мультимедиа, это объединение охватило все сферы жизни человека и существенно повлияло на культуру, определило характер протекания процессов, превращающих виртуальность в реальность. Искусственный мир все больше отдаляет людей от мира привычного, от природной реальности. Человек начал создавать искусственную среду обитания, имитирующую привычную реальность.

Виртуальная реальность активно проникает в сферу бытия человека, вызывая образное смещение места его собственного нахождения. Современное производство предоставляет возможности, которые превышают рядовые человеческие потребности. Не покидая своего жилища, человек может путешествовать, совершать покупки, находить друзей. Как отмечают исследователи, «сущность развития процесса виртуализации общества состоит в нарастающем замещении вещной среды образами, игра с которыми постепенно приобретает тотальный характер» [1, с. 111]. Такая тенденция прослеживается в культуре постмодернизма, где процесс виртуализации характеризуется плавающими смысловыми конструкциями и, согласно определению М. Фуко, «умножением вещей».

Человек осознанно идет на восприятие виртуального мира, поэтому проявление виртуальности можно проследить в таких формах его интеллектуальной деятельности, как наука, искусство, художественное творчество, социальная инженерия, политические технологии, средства массовой информации. Нельзя считать, что виртуальная реальность – прерогатива только технической сферы, ее компьютерное воплощение. Виртуалистика затрагивает более широкие культурные явления, поэтому вполне справедливы мнения исследователей о том, что виртуальность «как феномен бытия существовал и ранее (создаваемый религиозными и другими онтологическими системами)» [2, с. 9], «виртуальность стара как мир» [3, с. 5], это «извечное состояние культуры» [4, с. 22] и человеческого сознания.

Виртуальное – это особая сфера бытия, нечто, включающее в себя иную реальность, которая получена посредством реальных объектов и порождена «обычной», константной реальностью. Возникший на исходе XX в. интерес к проблеме виртуальной реальности не угасает, порождает множество теорий ее происхождения и развития, поэтому проблема онтологии виртуальной реальности на сегодняшний день наиболее актуальна и является одной из самых спорных.

Одним из первых онтологический статус виртуальной реальности определил С.С. Хоружий. Проведя основательное исследование, он делает вывод, что «виртуальная реальность не выступает как автономный род бытия, онтологический

горизонт. Она опознается как своеобразный суб-горизонт в горизонте энергий... представляя собою *не род, но недо-род бытия*» [5, с. 345]. Можно предположить, что данный вывод объясняет происхождение множественности реальностей и рассматривает виртуальность как естественный феномен.

Онтологический подход в исследовании проблем виртуальности прослеживается в работах М.В. Шугурова, где автор подтверждает положение Н.А. Носова «о взаимодействии константной и виртуальной реальностей» и указывает на то, что «подвижный характер реальности» четко прослеживается в ее виртуальных уровнях [4, с. 24, 56]. По данной проблематике В.В. Афанасьева пришла к пониманию онтологической сложности и универсальности, детерминации виртуальной реальности как тотального свойства бытия, обуславливающего полионтичность последнего. Исследователь выделяет градацию различных форм виртуальной реальности, все уровни которой отличаются «степенью воплощенности в реальности, удаленностью от материального физического мира» [3, с. 51]. Автором, на наш взгляд, недостаточно проработаны «культурные виртуальности», включающие такие явления, как виртуальность мифологии, религии, философии.

Научные разработки в области виртуалистики породили разнообразные, совершенно новые подходы к этому феномену, которые порой имеют не совсем привычное звучание. Нами предлагается рассмотреть онтологию виртуальной реальности в свете современных исследований и показать возможность онтологического анализа концепта виртуальной реальности через идеи «конкретной метафизики» П.А. Флоренского. Считаем, что таковые идеи предоставляют наиболее широкие возможности онтологического анализа концепта виртуальной реальности. В особенности это относится к предпринятому философом анализу языка, сознания, человека на основе традиции имяславия как философской предпосылки метафизики, то есть онтологии.

Творчество П.А. Флоренского является наиболее эвристичным. Он впервые обратил внимание на существование неразличимых объектов: существуют объекты «заведомо различные», но разницу между ними невозможно уловить при помощи рассудка. «Конкретная метафизика» понимается Флоренским как учение, основанное на символах, с помощью которых можно рассмотреть реальность, ими образуемую. В нем существуют идеи онтологической нормативности бытия как Символа и «топологического смещения» этого же бытия. В символах русский философ видит отображение реальности через физические явления и полагает, что символ – это «бытие, которое больше самого себя... Это нечто являющее собою то, что не есть он сам, больше его и, однако, существенно через него объявляющееся» [6, с. 287]. Полагаем, что такое взаимодействие единичного и Единого – виртуальный процесс, который не имеет возможности существования без одного из этих составляющих.

Флоренский утверждает, что символы являются единичными первоосновами, при помощи которых описывается действительность и все происходящее сводится к общему основанию. В виртуальной реальности таким общим основанием является константная (порождающая) реальность, на основе которой строится иная реальность. Единого представления константной реальности нет, мы

постигаем ее в различных формах (религия, наука и другие). Исходя из них, у каждого человека складывается единое представление, на основе которого он объясняет для себя мир.

Субъективное символическое восприятие, несомненно, затрагивает как онтологические, так и гносеологические стороны. В связи с этим реальность определяется и познается нами через информационно-смысловое восприятие символов, через символическое моделирование реальности, теория которой глубоко проработана Ж. Бодрийяром. Следует обратить внимание на тот факт, что сегодня человек имеет дело не столько с «вещью», сколько с ее «симуляцией», стремящейся обрести статус единственной реальности. Симулякры «замещают устойчивую «вещную среду», что приводит к неопределенности, неустойчивости социума» [1, с. 111].

Такая ситуация сформирована развивающимися современными технологиями, влиянием их на особенности идентификации человека и способствует признанию множественности реальностей вместо привычного представления о единственной реальности мира. Это позволяет говорить о существовании онтологии, основанной на полионтичности бытия. Множественность ведет к усложнению и порождению «другой действительности» – нескольких уровней человеческого бытия, тем самым дает человеку неограниченную возможность свободного перемещения от одного уровня к другому. Происходит смещение восприятия реальности и порождение другой – промежуточной, межуровневой, то есть виртуальной реальности.

Воздействие на восприятие или познавательные способности человека в любой форме, в том числе и компьютеризированное влияние на интеллект, упрощает в человеке чувство прекрасного, притупляет волю и способность индивидуального суждения, тем самым ослабляет связь с реальностью. Виртуальность искажает видение явлений, начинает навязывать человеку определенную систему представлений, деформирующих нормы бытия и втягивает его в систему аналогий, симулирующих действительность. При «симуляции» реальности подменяется ее смысловая сторона, но при этом сохраняется онтологическая сущность. Значит, реальная действительность неотделима от символической картины мира.

Если вести речь о специфике символического восприятия мира у Флоренского, то она проявляется в сближении понятия трансцендентального субъекта с Богом. Здесь символы воспринимаются «как «узлы» перцептивных и категориальных решеток, стоящие между человеком в качестве гносеологических субъектов и действительностью» [7, с. 154]. Особенно ясно этот подход проявляется в концепции языка.

Язык, связавший факт со смыслом, не может существовать отдельно от мысли, а символическое строение бытия невозможно без осмысления этого бытия. Следовательно, любой мыслительный процесс по сути своей является виртуальным. Осмысливая свои действия, человек находится в другом, еще не реальном, но умосоздаваемом, а значит, виртуальном мире. Язык как часть символического описания является «огромным лоном мысли человеческой» [6, с. 163], объединяющей силой, которая собрала в единое бытие, слово, имя. Поэтому Символ,

Имя можно с уверенностью назвать принципом символической онтологии, задающей духовную сущность.

Объясняя символичность мысли, Флоренский делает вывод, что все мыслительные навыки вырабатываются в процессе чувственного восприятия духовного предмета. Они – «две руки одного организма», а своеобразие их уклонов зависят от Слова, которое находится в прямой зависимости от содержания, которое придает ему человек как единственный обладатель дара слова. Следовательно, слово неотделимо от человеческого бытия.

Слово способствует порождению и умножению реальностей: одно слово – это обычный звук, выражающий действительность, но при взаимодействии с другим словом оно приобретает различное, а значит, множественное смысловое значение. Взаимодействуя, слово приобретает виртуальный смысл, так как оно в результате символического обмена связывает воедино содержание и смысл, преодолевает разрыв между звуком и смыслом, порождает язык и превращает незначительное в значимое, утверждая тем самым, что рожденное, как и в виртуальной реальности, более совершенно в сравнении с его порождающим.

Таким образом, слово – показатель реальности, так как реальность образу или символу придает его название, выраженное в слове. Поэтому слово наделено наглядностью и есть, по определению Флоренского, «видимое тело невидимой души». Оно – речевой символ, посредством которого происходит взаимодействие внутренней и внешней реальностей человека с символической реальностью. Взаимодействие этих реальностей является, по нашему мнению, причиной виртуального состояния и через него же эта реальность познается.

Слово наделено не только наглядностью. Флоренский полагал, что каждое слово имеет свое строение (фонема, морфема, семема) и значение. Это играет особую роль в философском символизме ученого и немаловажно для нашего исследования.

Семема, в которой заключена «сила действия слова», наделяет последнее магичностью и мистичностью. Воздействуя на семему посредством медитации, Слово-Знак может быть преобразованно в Слово-Символ, так как оно лежит вне пределов рационалистического понимания [8, с. 71]. Наряду с языком-знаком, которое наше сознание воспринимает как речь, существует язык-символ, определяющий на уровне подсознания смысл этой речи, а язык-символ и язык-знак образуют онтологическую норму, нормальное строение бытия, которые и предопределяют реальность. Применение языка-знака ведет к отстранению от языка-символа, уводит от его онтологической основы.

Для правильного понимания символического строения слова и его отличительной особенности необходимо рассмотреть символическую структуру бытия, даваемую о. Павлом. Символ понимается русским мыслителем как нормативное строение бытия, соединяющее в себе два пласта – высшее и низшее, духовное и материальное, но при этом «низшее заключает в себе в то же время и высшее, является пронизываемым для высшего, пропитывается им» [6, с. 324].

Очень трудно отказаться от возможности привести один из примеров, данный о. Павлом для разъяснения изложенного. За основу образного сравнения мыслитель берет книгу, у которой низшая, материальная сторона – это бумага, буквы, написанные краской определенного химического состава, и т.д. Но эта книга содержит человеческую мысль, смысл, «Высшее бытие», которые невозможно познать, разбирая книгу на материальные составляющие. Связь бумаги и смысла необъяснима, но она существует, и, уничтожая низшее, материальное, то есть книгу, мы уничтожим и высшее, духовное. Таким образом, соотношение духовного и материального, высшего и низшего есть, по Флоренскому, отношение обратной перспективы.

Соприкасаясь одновременно с духовным и материальным за счет «взаимопрорастания» энергий высшего и низшего бытия друг с другом, человек взаимодействует одновременно с двумя пластами бытия, образуя процесс взаимодействия единства внешнего и внутреннего, материального и духовного, что, на наш взгляд, соответствует реальному и виртуальному.

Давая оценку различий структурных строений бытия и слова, необходимо обратить внимание на то, что слово имеет три составляющих элемента, а бытие – два. Данное различие нельзя оценивать как ущербность бытия. Преобладание дополнительного элемента в структурной оснащенности слова является показателем множественности, появление которой свидетельствует о наличии заблуждений, ухода от Истины.

В результате грехопадения происходит «топологическое смещение», ведущее к расщеплению бытия-символа. Вследствие этого изменяется структура слова: появляется «дополнительный» материальный элемент – фонема. Таким образом, появление фонемы в языке есть процесс вторжения материи (знака) в структуру символа, который вызывает смещение его элементов, стремится вытеснить символ и преобразовать его в знак. Такой процесс приводит к тому, что символ «выбрасывает человеческую реальность в ино-сознание «внутреннего человека» и требует... трансцендирования всех экранов времени до нуминозной составляющей» [9, с. 91].

Как следствие этого процесса, место изначально порождающей реальности или символа постепенно начинает осваивать иное бытие, симулирующее онтологическую нормативность. Следовательно, все вещи начинают занимать не свои места – обнаруживается другая реальность, перевернутость, или (воспользуемся термином Флоренского) обратная перспектива. Теперь другая, то есть виртуальная реальность начинает восприниматься как онтологическая норма. И только, как полагают современные исследователи, наличие ино-сознания («экзистенциально значимый поворот внутреннего человека») позволяет осуществлять «переход» [10, с. 432] из трансформированного бытия к бытию-символу.

Новое понимание реальности, возникающее в результате обратной перспективы, как бы связывает несовместимое и противоположное – материальное и идеальное. Чувство реальности выходит за грань понимания, лишается онтологического предвидения, разрушает традиционно сложившиеся формы и схемы восприятия мира, лишает человека привычного идеала, ранее определявшего его бытие. Отсутствие идеала вынуждает человека искать ему замену.

В надежде обрести Истину или хотя бы идеальную среду обитания современный человек обращается к Интернету, который воспринимается пользователем как пространство, не отрицающее реальности, а обогащающее и дополняющее ее. Общение в Интернете не только позволяет его участникам надеяться себя не присущими им качествами, но и приводит к рождению иного субъекта, с другим именем, другой сущностью, другим Я. Таким образом, происходит виртуализация самой личности, она становится способной к изменению и трансформации. Кроме того, утрачивается Имя, что, в свою очередь, ведет к потере человеком своей индивидуальности, предопределенной свыше.

В духовной традиции имена воспринимаются как основа для определения судеб, как порождение личностного бытия. Следовательно, изменение имени ведет к изменению внутренней духовной сущности человека, к изменению онтологической нормы личности. Подтверждение тому находим в работах Флоренского. Он полагал, что имя «есть узел по вопросу об Имени Божием», **«Имя Божие есть сам Бог»** [6, с. 300], но Бог не есть Имя Его. Иначе говоря, имя Божие подразумевает присутствие Бога в каждом его проявлении и является отпечатком, памятью Божественного, а имя индивидуальное, «как начало личного», является носителем этой энергии. Поэтому имя личное недопустимо понимать как условный знак, оно несет в себе след духовной сущности абсолютного, есть отражение Божественного первоначала и является «первозлементом» реальности. Человек, наделенный тварной природой, является носителем энергии Божественного, а следовательно, обладает сверхтварной природой или бытием, которое «больше самого себя».

Несомненно, при современном подходе к пониманию Божественного, недостаточно объяснения данного феномена только при помощи разума. Здесь, кроме рационального подхода и собственного духовного мира, необходима вера – как способ функционирования сознания. Она проявляется через символы и направлена на формирование иной реальности, необходимой для духовного обогащения существующей действительности.

Созданная реальность является активным продуктом, порождающим новые возможности информационного воздействия и способствующим развитию принципиально новых технологий коммуникации, например цифрового языка, благодаря которому создаются, обрабатываются, хранятся и передаются наши знания. Цифровая запись информации привела к тому, что наше восприятие мира происходит преимущественно через число.

Цифровые технологии, без которых немислим современный мир, содержат не только функциональные свойства окружающего нас мира. Они, выполняя роль искусственной интеллектуальной опоры и сокращая дистанцию между познающим и познаваемым, позволяют перейти на новый уровень познания этого мира, помогают не только отразить его видимую реальную часть, но и заглянуть за реальное, в виртуальное. В свою очередь, информация, полученная из других реальностей, используется в повседневной жизни.

Виртуальность неразрывно связана с реальностью. Человек не замечает окружающих его символов, поскольку они стали частью существующей вокруг него

реальности, слились с его бытием. Поэтому человеческое сознание не всегда воспринимает символы как реальность, но тем не менее невидимая, символическая часть бытия несет в себе глубокие знания, потенциально содержащие опыт прошлого в человеческой памяти. Подтверждение этого находим у исследователей, считающих, что символы могут открыть какую-то реальность либо ее часть, которые не очевидны в плане непосредственного опыта [1, с. 58], что «видимый строй бытия» указывает на невидимую половину символического строения бытия [11, с. 31], или, «благодаря символам пережитое... входит в мир человеческих отношений» [12, с. 38].

Феномен «виртуальная реальность», как явление, основанное на идее полионтичности бытия, осознавался на протяжении всей истории философской мысли, но особенно ярко прозвучал у религиозных философов, в частности П. Флоренского, учение которого направлено на расширение миропонимания, на осознание взаимосвязи малого и большого, единичного и Единого. Результатом такого подхода становится осимволизация, то есть выражение внутреннего через чувственное в «конкретное» или реальное явление.

Символ есть осознанное неосознанное, обретающее конкретно-чувственную реальность и помогающее синтезировать физическую и метафизическую реальности. Он несет в себе определенную ценность и выступает онтологической нормой бытия.

В рамках символического строения бытия символ выступает как порождающая реальность, а виртуальная реальность – это продукт символического моделирования реальности. То, что считалось изначально нормой, сегодня становится виртуальной реальностью, и наоборот. Таким образом, виртуальная реальность не замкнута, имеет множество уровней и способна влиять на реальное бытие.

Библиографический список

1. Гасилин В.Н., Тягунова Л.А. Виртуализация социума. Саратов, 2007.
2. Меньчиков Г.П. Человеческие аспекты действия основных свойств виртуальной реальности // Человек в виртуальном мире: материалы межвуз. науч. конф. Казань, 2003.
3. Афанасьева В.В. Тотальность виртуального. Саратов, 2005.
4. Шугуров М.В. Виртуальная герменевтика // Труды лаборатории виртуалистики. М., 2001. Вып. 13.
5. Хоружий С.С. Род или недород: заметки к онтологии и реальности // Хоружий С.С. О старом и новом. СПб., 2000.
6. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Сочинения. М., 1990. Т. 2.
7. Пигалев А.И. Проблема символизма в философии П.А. Флоренского // Жизненный мир философа «серебряного века» / под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2003.
8. Канафьева В.В. Язык и время в традиции логоса. Саратов, 2005.
9. Фриауф В.А. Язык. Сознание. Человеческая реальность... Абсолютно другое. Саратов, 2005.
10. Канафьева В.В. Виртуальная реальность – результат антропологического кризиса? // Человек в современных философских концепциях. Волгоград, 2007. Т. 4.
11. Фриауф В.А. На грани эпох: миф абсолютный и миф относительный // Человек. История. Культура: филос. альманах / под ред. В.Н. Гасилина. Саратов, 1999. № 2.
12. Косарев А. Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость. М., 2000.

Z.V. Ivanova
Virtualization
of Communication Processes
in the Context of the Initiation
and Mass Consumption
of the Mobile Communication

The factor of mass consumption of the mobile communication and its influence on the virtualization of communication processes are researched. Features of mobile communication consumers' social community are revealed.

Key words and word-combinations: communication, virtualization, mobile telephone.

Исследован фактор массового потребления мобильной связи и его влияние на виртуализацию коммуникационных процессов. Выявлены особенности социальной общности потребителей мобильной связи.

Ключевые слова и словосочетания: коммуникация, виртуализация, мобильный телефон.

УДК 621.394:316.77
 ББК 60.55

3.В. Иванова

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И МАССОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

В XXI в. выступающие элементами технологической и социальной инфраструктуры общества информация и коммуникация превращаются в определенном смысле в самостоятельную величину, в новую – виртуальную – реальность, конструирующую общественную жизнь. Информационные и коммуникационные институты включаются в центральные подсистемы социума, которые отвечают за жизнеспособность всех остальных систем. На фоне этого специалисты констатируют переход к новому этапу развития – информационному (постиндустриальному) обществу. В таком обществе наиболее высокими темпами растут не только секторы, связанные с созданием и потреблением информации, но в приоритетном порядке развиваются новые информационные и коммуникационные технологии, которые влияют на характер коммуникаций, инициируя непрерывный информационный обмен. Как следствие, мобильный доступ к информации становится решающим фактором организации общества. Производство, обработка и передача информации становятся новой, мощной производительной силой и значительно влияют на социальные, экономические и политические процессы, происходящие в мире.

Одновременно с преобразованиями в социально-экономической и политической сфе-

рах становление информационного общества оказывает социальное, психологическое и культурное воздействие на личность и социум в целом. Трансформация телекоммуникационных сетей и появление электронной среды общения изменили коммуникативное поведение аудитории.

История знает целый ряд различных типов коммуникации – от тактильного и устного до письменного, печатного и аудиовизуального. Коммуникация непосредственно связана с реализацией психологической потребности людей в общении, которое сегодня особенно необходимо, поскольку мир наряду с глобализацией подвергается мощным тенденциям, ведущим к распаду общества на множество подсистем и сообществ, а окружающая среда становится все более агрессивной и конфликтной.

В связи с изложенным общение, как гуманистическая ценность, приобретает особое значение. Сегодня неизбежны трансформации способов передачи социокультурного опыта, адекватного объяснения происходящих процессов и их прогностики. В значительной степени это обусловлено информатизацией общества.

Определяющее влияние на изменение среды обитания человека в ее коммуникативном измерении оказали развитие Интернета и массовое потребление мобильной связи. Во многом именно благодаря им складывается новая система виртуальной коммуникации.

Сам термин «виртуализация» активно вводится в научный оборот с середины 1990-х годов М. Уотерсом, У. Беком, С. Сассеном, а также видным отечественным исследователем Д.В. Ивановым [1–4]. Механизмом формирования виртуальной реальности стали Интернет и мобильная связь.

Если компьютеризация, как одна из форм виртуализации всех сфер общественной деятельности и повседневной жизни человека, является самым впечатляющим феноменом последней четверти XX в., то «мобилизация» стала уникальным явлением XXI столетия, во много раз по скорости проникновения, масштабам и популярности превышающим развитие Интернета. Например, число пользователей мобильной связи в России по итогам 2008 г. составило 137 млн человек [5] (при общей численности населения 141,9 млн), в то время как постоянных пользователей услугами Интернета оказалось всего 1,5 млн человек.

С появлением Интернета, а затем мобильной связи мир вступил в новый период исторического развития – «постмодерн». Для него свойственны многозначность символов и реалий «жизненного мира», плюрализм их интерпретаций; нарастание эзотеризма («новая непрозрачность», «новая непросматриваемость», «новые потемки»); элиминация субъекта, в основе которой лежит «массовизация» сознания, приводящая к подмене личности индивидуальностью, а в конечном итоге к растворению человеческой индивидуальности в безличном «коллективном», «бессознательном», «трансцендентном»; наконец, «виртуализация» действительности, понимаемая как субъективное придание реалиям «жизненного мира» свойств пространственной инверсии, временной обратимости и произвольности их структурообразующих параметров.

Именно виртуализация коммуникационных процессов создает уникальную возможность прямого диалога человека с каждым иным – практически вне зависимости от ситуации и физического местонахождения. Происходит замена

традиционных способов коммуникации и управления, требовавших физического контакта, удаленными интеракциями. Современные технологии коммуникации сокращают путь уже не к просто читателю или зрителю, а к партнеру, собеседнику или участнику. Появилась возможность связаться, общаться, работать в любой момент с человеком на другом краю земного шара, с неограниченным числом людей одновременно.

С момента создания мобильного телефона прошло 36 лет. За этот период благодаря беспроводной революции он претерпел значительные изменения. Первый мобильный аппарат весил 794 грамма, заряда аккумуляторов хватало на 8 часов работы в режиме ожидания или часа разговоров, на панели располагалось всего 12 клавиш (из них десять цифровых и две для отправки вызова и прекращения разговора), а его стоимость составляла 3995 долларов. Такой телефон был доступен только весьма состоятельным людям. В настоящее время, став значительно легче по весу (100–150 граммов), имея множество дополнительных функций, а главное – будучи доступным по цене каждому человеку, мобильный телефон стал предметом массового пользования, из чисто технического прибора превратившись в настоящий фетиш.

Созданный изначально для удобства общения, мобильный телефон преобразовал самые различные аспекты жизни человека и даже в некотором смысле поработил его. Для современного человека он стал неотъемлемым атрибутом полноценной жизнедеятельности. В связи с этим актуализируется проблема определения степени влияния мобильной связи на формирование и развитие социума и изучения последствий этого влияния на межличностную и внутригрупповую коммуникацию.

В своем повседневном общении человек, как правило, окутан сетью деловых, личных, рекламных (не нужных) контактов. Фактически, обычный человек сегодня днем и ночью «привязан» к трубке мобильного телефона. При этом социальные связи операционализируются, становятся все более безличностными и мимолетными. Важнейшее условие мобильности – скоротечность: контакт должен легко возникать и быстро завершаться. Для этого используются сообщения по электронной почте, короткие SMS- и MMS-сообщения, односложные деловые ответы по мобильному телефону.

Мобильный телефон стал второй по значимости средой межличностной коммуникации после личного общения. Психологическая привлекательность общения по мобильной связи обусловлена тем, что виртуальные собеседники зачастую более доброжелательны и непосредственны. С помощью телефона человек мгновенно может передать собственные проблемы (как эмоциональные, так и любые другие) и взамен получить возможность их такого же мгновенного разрешения. При этом им используются чужие эмоциональные и интеллектуальные ресурсы. Вместе с тем такая практически постоянная возможность объективно препятствует развитию собственной эмоциональной и волевой сферы индивида. Абонент, общаясь с миром через мобильный телефон, привыкает подчиняться «голосу из трубки». Так формируется новая социальная реальность.

На первый план в мобильном или онлайн-диалоге выходит личность без учета персональных внешних данных, пола, уровня образованности, социального

и профессионального статуса. Эти факторы способны в позитивную сторону менять самооценку, способствуя более полному удовлетворению потребности человека в самоутверждении через общение, увеличивая ощущение сопричастности к «группе по интересам». Однако в силу того, что «виртуальный» фактор в общении все же велик, индивидуум нередко «убегает» от реальной жизни, получая взамен ощущение свободы и независимости, защищенности и гарантированности от неприятных для него факторов. Однако за «коммуникационный» комфорт человеку приходится расплачиваться, в том числе своей индивидуальностью.

Мобильная связь является инструментом, который позволяет осуществить коммуникацию, невзирая на расстояния и временные пояса. Общение, выступающее в роли бесспорной социальной ценности, становится доступным, как никогда. Мобильный телефон дает возможность иметь «много общения», но насколько оно будет качественным?

Опрос, проведенный оператором мобильной связи Orange, выявил, что 91% британских подростков используют SMS для общения с человеком, находящимся в другой части дома, вместо того чтобы просто пойти и поговорить. Этот пример показывает, что опосредованное общение эмоционально и физически гораздо менее напряженный и рискованный процесс, чем личное. Оно создает ряд несомненных преимуществ: во-первых, «за бортом» остается невербальная коммуникация, что дает возможность выражать негативные эмоции, не демонстрируя соответствующую мимику; во-вторых, общением по мобильному телефону вполне допустимо управлять – если не хочется говорить, то, в отличие от живого, сидящего напротив собеседника, аппарат можно отключить; в-третьих, коммуникация осуществляется в любое время: позвонить можно в любой момент и практически из любого места – теперь не обязательно идти в гости, чтобы обсудить какие-то проблемы, и не нужно ждать встречи, чтобы решить важные вопросы.

Мобильный телефон превратился в маркер социального статуса, профессиональной принадлежности, социальной востребованности. В эпоху культа успеха модно быть занятым, поэтому молчащий телефон – верный признак ненужности. Демонстративно разговаривая по мобильному телефону в общественном месте, человек всем своим видом показывает, что у него – насыщенная жизнь, что в нем нуждаются, что у него много общения и мало времени. А если у человека нет времени, значит, он в цене.

Мобильный телефон из простого средства связи трансформируется в уникальный аппарат, который человек ни на секунду не может «выпустить из рук». Он становится посредником между человеком и окружающим миром, отражает свойства личности, ее интересы и потребности, образ жизни пользователя. Без мобильного телефона человек чувствует себя неполноценным, незащищенным, ненужным.

Согласно утверждению знаменитого философа Маршалла Маклюэна, «the Medium is the Message» – «средство есть сообщение» [6]. Сегодня недостаточно знака равенства между средством и сообщением, требуется более сильная формула: «The Medium exceeds the Message» – «средства перерастают сообщение». Мощность передачи информации на данный момент во многом превосходит ее содержание: общество нередко оказывается в ситуации, когда контен-

та для цифровых сетей просто не хватает. Таким образом, мобильная связь делает средство куда большим, чем просто сообщением.

Технические средства информации выполняют революционизирующую функцию в истории цивилизации, поскольку именно они, создавая языки общения (алфавит, печать, фото, кино, телевидение), формируют характер передачи информации и восприятия мира. Онлайн-медиа в новой форме возрождают ту эмоционально ощущаемую форму восприятия мира, которая была свойственна первобытно-устным языкам общения и затем была вытеснена печатными средствами. По мнению Маклюэна, технические средства связи, структурируя характер подачи информации, влияют не только на ее форму, но и на содержание, подчиняя его тем или иным типам кодификации реальности: печатные средства создают линейный принцип кодификации, а электронные, являясь антиподом печатных (хотя также выражаются в тексте, как и в визуальном ряде), обуславливают мозаичный принцип восприятия мира, основанный на слухово-визуальной образности.

Технологии вообще и информационно-коммуникационные в частности являются «продолжением» и «расширением» человеческих органов и психики. Если за отправную точку взять предположение, что культура развивается благодаря изменениям в технике коммуникации, или идею Маклюэна, что технологии коммуникации выступают в истории в качестве решающего фактора формирования социальных систем, то кардинальные изменения в обществе лучше всего проследить в связке с теми историческими типами общения, которые поэтапно господствуют в конкретно-историческом пространственно-временном континууме [7].

Социум коммуникативен по своей природе: понятия «общество» и «общение» не просто однокоренные слова, они неотделимы друг от друга. Отличительными особенностями мобильной связи как коммуникационной среды можно назвать виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, креативность, анонимность, мозаичность.

В современных условиях виртуализация коммуникационных процессов приобретает всеобъемлющий характер благодаря возникшей технико-технологической оснащенности. Внутренне разнородный, разнонаправленный процесс симуляции, воспроизводства, замещения средствами Интернета, мобильной связи реальной действительности (различных сфер жизнедеятельности общества, социальных ролей, атрибутов институциональности, вещей, взаимодействий и практик) идеальными, потенциальными пространственно-временными относительно самостоятельными образами адекватно отражает своеобразие процессов модернизационных и постмодернизационных трансформаций.

Процесс виртуализации проявляется прежде всего в ходе трансформации различных, но типологически определенных социальных коммуникаций. Виртуализация коммуникации в условиях трансформирующегося современного общества характеризуется доминированием виртуальных коммуникаций переходного модернистского типа, базирующихся на мобильной связи, что предопределяет их функциональные особенности.

Трансформация институционального характера и структуры коммуникативных взаимодействий обеспечивает приоритет виртуальных над реальными кон-

тактами, повышая их доступность, динамичность, координированность, плотность, гибкость, ситуативность, снижая роль пространственных параметров, увеличивая значимость временных рамок. На смену иерархичной коммуникации модерна с жестким институционализированным нормативным контролем приходит более размытое неопределенное сетевое сообщество с мягкими формами коммуникативной регламентации постмодерна.

Библиографический список

1. *Waters M.* Globalizacao. Oeiras, 1999.
2. *Beck U.* Was ist Globalisierung? Frankfurt a. M., 1998.
3. *Sassen S.* Territory and Territoriality in the Global Economy // *International Sociology*. 2000. № 2.
4. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества // *Социология и социальная антропология* / под ред. В.Д. Виноградова, В.В. Козловского. СПб., 1997. С. 132–135.
5. URL: <http://www.ixbt.com/cm/beeline-mobile-etiquette-2k6.shtml>
6. *McLuhan M.* Myth and Mass Media // *Daedalus*. 1959. V. 88, № 2. P. 339–348.
7. *Михайлов В.А., Михайлов С.В.* Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества // *Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр.* СПб., 2004.

E.Yu. Strigankova
Regional Contexts
of Communication Philosophic
and Sociological Research

The article provides the integrated research of communication analysis in philosophy and sociology, which was carried out by Saratov scholars in the first decade of XXI century. The most promising directions of regional communicative research are predicted.

Key words and word-combinations: communication metatheory, Saratov academic communities, communicative risks, net communication.

Дается обобщенный анализ философско-социологических исследований коммуникации, проведенных саратовскими учеными в первом десятилетии XXI в. Прогнозируются наиболее перспективные направления региональных исследований.

Ключевые слова и словосочетания: метатеория коммуникации, коммуникативные риски, сетевая коммуникация.

УДК 316.77:001+004.9
 ББК 60.561.8:72+32.973-018.2

Е.Ю. Стриганкова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ ФИЛОСОФСКО- СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КОММУНИКАЦИИ

Реформирование российского социума требует осознания современной коммуникативной ситуации и выработки соответствующих реальности стратегий и тактик управления коммуникативной деятельностью, способности общества воспринимать и конструировать коммуникативные инновации и активно участвовать в их реализации.

Коммуникация признается сегодня существенной и значимой компонентой общественного бытия, подчеркивается ее центральное положение в человеческой истории, речь идет даже о коммуникативной революции.

Как отмечал Н. Луман, «...рассуждения приведут нас к тому, чтобы признать – за понятием коммуникации ключевое значение для теории общества» [1, с. 210]. Анализ отечественной литературы по проблеме коммуникации показывает, что феномен коммуникации пользуется вниманием исследователей, вызывает определенный интерес. Специфика этого интереса отразилась, на наш взгляд, в жанре тематических публикаций.

Вначале работы по коммуникативистике представляли собой, главным образом, учебные и методические пособия, описания «судеб» массовых коммуникаций в их противостоянии или сотрудничестве с социумом на макро-, мезо- и микроуровнях, советы и рекомендации по успешному деловому общению и «светскому» поведению. Однако динамика общественных процессов, картина социальных изменений конца XX – начала XXI в. актуализировала необходимость научного изучения феномена коммуникации в контексте развития и углубления комплексного социально-гуманитарного знания. Действительно, чтобы понять сущность и структуру универсума социальной коммуникации, требуется обобщение знания, добытого многими науками (антропологией, историей, психологией, философией, социологией, лингвистикой). В связи с этим заслуживает внимания позиция, настаивающая на необходимости активного развития метатеории коммуникации.

Можно согласиться с общим определением, в соответствии с которым задача теории коммуникации состоит в том, чтобы выявить все пути, по которым информация, идеи и установки распространяются среди индивидов, групп, наций и поколений, а контуры метатеории социальной коммуникации представляются в виде набора определенных проблем [2, с. 14].

Современная философско-социологическая рефлексия опирается на историко-философскую традицию и представляет разнообразные интерпретации феномена коммуникации в классических, постклассических, постнеклассических концепциях, показывает расширение пространства коммуникативной проблематики, углубление анализа, результативность научного поиска. Данное утверждение основывается на ознакомлении с библиографической картиной исследований коммуникативистики, включающей зарубежные и отечественные, глобальные и региональные работы. При этом объем и значимость исследований, принадлежащих региональным авторам, заметно возрастают.

Так, в первом десятилетии XXI в. в сообществе саратовских философов и социологов произошел определенный количественный и качественный сдвиг в разработке проблем коммуникации, что получило отражение в региональных изданиях и заслуживает систематизации, описания и оценки. По рассматриваемой тематике издан целый ряд научных исследований [3–8], каждое из которых акцентирует определенные проблемы содержания и функционирования коммуникации.

Прежде всего обратим внимание на позицию О.В. Костиной, в соответствии с которой актуальность целостного, онтологического подхода в теоретическом анализе коммуникации объясняется фактором быстрого разрастания коммуникативной реальности в современной культуре. Автор обосновывает необходимость ухода от привычных моделей осмысления коммуникаций (кибернетических,

информационных, семиотических, психологических, языковых) в сторону продумывания возможностей коммуникации, а не ее технологий. Обозначенная позиция обосновывается возможностью постановки вопроса о самостоятельности коммуникационной реальности, которая прорисовывается не просто как медиум и посредник, но разрастается до размеров собственной онтологии [3, с. 4].

В монографии О.В. Костиной проводится выделение и дается историко-философское описание трех разновидностей коммуникативного порядка: на материале классической культуры и мышления (классический тип коммуникации); на материале русской философии конца XX – начала XXI в. (софийный тип коммуникации); на материале неклассической культуры (неклассический тип коммуникации).

Теоретические суждения автора о сущности неклассического варианта коммуникации сопрягаются с глубинным анализом особенностей постмодернистского состояния культуры, многообразия современных философских, эстетических, этических позиций отечественных и зарубежных исследователей. По мнению автора, коммуникация в ее неклассическом варианте является сущностным свойством бытия, это основа, несущая все его последующие конструкции. Коммуникация и бытие оказываются вплавленными друг в друга; существуя, бытие не может не коммуницировать [3, с. 10]. В этом смысле, описывая коммуникационные стратегии, мы описываем собственные структуры производства и трансляции бытия.

В настоящее время саратовскими философами и социологами активно разрабатываются философские и социальные проблемы рисков, определяются стратегии и тактики минимизации рисков в различных социальных практиках. С позиций коммуникативистики разрабатываются вопросы о связи столь значительных социальных феноменов, как коммуникация и риск, о видах характерных для коммуникативного пространства социума рисков, о возможностях управления коммуникативными рисками.

Исходя из того что наибольший риск связан с меняющейся темпоральностью современности, которую трудно отследить непосредственно, авторы коллективной монографии «Риски в коммуникативном пространстве социума» [4] предлагают сделать это опосредованно, через восприятие и осмысление изменений темпов, ритмов и направлений развития основных полей: жизненного, социального, политического, культурного, организационного, коммуникационного. Коммуникационное поле, по их мнению, располагается на метауровне по отношению к иным перечисленным полям, и потому коммуникативные структуры способны принадлежать каждому из них. В монографии конституируются элементы коммуникационной системы: субъект и объект коммуникации, значимые субъектные и объектные условия, риски и рефлексивные планы, закономерности формирования и изменения коммуникативной системы, коммуникативные действия, общие планы рефлексии и рисков.

Большое теоретическое и практическое значение в современных условиях приобретает научно-теоретическое исследование взаимосвязи этнической и коммуникативистской проблематики.

В монографии «Этнос и коммуникация» [5] достаточно обоснованно показывается сложность и актуальность этнической проблематики в современном

глобализирующемся мире. Автор исходит из установки, согласно которой коммуникация является необходимым атрибутом социальной жизни, составляет основу коммуникативного пространства определенного социума, играет важнейшую роль в процессе его структурирования.

Выделяя коммуникацию как одно из ключевых понятий темы, исследователь опирается на значительный теоретико-методологический массив научных концепций. Стремясь найти пути объяснения современной этнической реальности и, по возможности, выстроить проекции решения актуальных этнических проблем, автор выбирает определенное исследовательское направление – рассмотрение этноса как коммуникативного феномена, что дает возможность вычленивать структурные элементы, лежащие в основе функционирования его коммуникативного пространства.

Трансформации этнических коммуникативных пространств и их последствия прослеживаются, по мнению автора, на реалиях современной российской действительности. Специфика современного российского коммуникативного контекста (этноконфессиональных отношений, существования местных элит, контроля власти, соотношение цивилизационных процессов и национальных идентичностей), анализ коммуникативных практик и российских реалий составляют научный «нерв» и определяют гражданский пафос исследования, придающий ему в том числе существенное воспитательное значение [5, с. 8].

Социально-философское исследование феномена коммуникации, проведенное в монографии «Социально-философские проблемы коммуникации» [6], включает три актуальных подхода: философско-методологический анализ феномена коммуникации, зарождение и развитие идеи коммуникации в историко-философской традиции; становление и эволюция коммуникации в историческом процессе, коммуникация и общение в современной духовной культуре; праксеологический аспект коммуникации, включая особо актуальное и творческое изучение коммуникативных практик постнеклассического образования с акцентом на коммуникативные проблемы PR-образования.

Исследователь акцентирует обстоятельства, демонстрирующие, что в основу современной реформационной деятельности в сфере образования закладываются международные стратегии, определяемые в первую очередь развивающимся глобальным и региональным сотрудничеством. В связи с этим в монографии характеризуется сущность и значение Болонского процесса в формировании «Европы знаний», укрепления ее коммуникативного потенциала, объединяющего интеллектуальную, культурную, социальную и научно-технологическую составляющую.

Характерной особенностью данного исследования является ситуация включенного наблюдения: опыт зарубежной стажировки позволил автору осуществить сравнительный анализ американской и российской систем PR-образования [6, с. 138]. Анализ истории становления и формирования теории и практики российского PR-образования, исследование современного состояния показывают острую необходимость его совершенствования, намечают пути развития и практического применения как коммуникативных знаний, так и специалистов по коммуникации в различных сферах социальной деятельности [6, с. 116].

Одна из особенностей сборника статей «Интегрированные маркетинговые коммуникации: от теоретических знаний к практическим навыкам» [7] состоит в том, что его авторы и участники – молодые ученые Саратова и других городов России, объединенные интересом к проблемам теории и практики коммуникативистики. Публикации соответствуют принципам творческого научного отношения и демонстрируют достойный уровень разработки важных социальных проблем. Авторы активно разрабатывают актуальные социально и практически значимые темы, предметом которых являются коммуникативные практики сетевого сообщества, коммуникативные риски, политические и управленческие коммуникации, моделирование коммуникационного пространства современного общества.

В частности, Н.А. Акимовой исследуются коммуникативные аспекты смысловых ориентаций в моделировании и разрешении ситуаций риска. Автор исходит из определения социальной коммуникации как «движения смыслов во времени и пространстве» (А.В. Соколов), подчеркивает необходимость ее наполнения гуманистическим смыслом, важность создания «консенсусно выраженной социальной коммуникации». Социальная жизнь представляется Н.А. Акимовой как сумма смыслов: на социальном и индивидуальном уровнях основной задачей становится постулирование тех смыслов, которые бы сам риск делали более осмысленным, а значит, уменьшали бы вероятность нежелательного результата. Смыслом, способным обуславливать неконтролируемые обстоятельства, по мнению автора, выступает консенсусное понимание, выраженное посредством социальной коммуникации [9, с. 12–22].

Культурная память как коммуникация характеризуется в статье Д.А. Аникина и А.В. Молчанова [9]. Свое внимание авторы сосредоточили на нескольких методологических задачах: выделение форм межкультурного взаимодействия; оценка влияния коммуникационных процессов на социокультурную трансформацию российского общества; выявление последствий макрокоммуникаций в современной России и отражение изменений в социальной памяти.

Фактор макрокоммуникации представляет, по мнению авторов, уровень взаимодействия между обществами и в более общем контексте – между культурами и цивилизациями. Используя выделение трех основных форм межкультурного взаимодействия (диалог, подражание и управление), молодые исследователи предприняли попытку определения коммуникативной стратегии современной России. Выявление ценностной природы рисков избранной стратегии заставило их обратиться к концепциям социальной и культурной памяти (Ю.М. Лотман, Я. Ассман), к понятиям исторической коммуникации и исторической памяти, привлечь методологический ресурс социальной памяти, а также культурной и коммуникативной памяти как различных уровней функционирования таковой [10, с. 27].

Комплексное исследование социокультурных проблем языка и коммуникации инициировано коллективом кафедры английского языка Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина в проекте, который продолжается в течение пяти лет (2004–2009). Длительное существование проекта можно признать плодотворным, он получил положительную оценку Российской коммуникативной ассоциации как соответствующий научному уровню актуальных исследований коммуникации.

Научный интерес к коммуникативной проблематике привлек и объединил российских и зарубежных ученых, создал творческий авторский коллектив, движимый стремлением к всестороннему исследованию тенденций взаимосвязи и взаимодействия языка – культуры – коммуникации в изменяющемся мире, желанием внести свой вклад в решение социально значимых проблем экологии языка – культуры – человека – общества. Реальным результатом научного проекта является ежегодный выпуск сборника научных трудов «Социокультурные проблемы языка и коммуникации» [8] и проведение ежегодной научно-теоретической конференции по коммуникативной проблематике.

Постижение сущности современных коммуникативных процессов, их теоретический анализ, разработка рекомендаций по успешной реализации новейших подходов в многообразных социальных практиках – стратегические задачи, решаемые в социально-дискурсивном, лингвокультурном и методико-педагогическом аспектах. Социально-дискурсивная проблематика коммуникации включает разработку актуальных вопросов коммуникативного дискурс-анализа и лингвистического капитала, характеристику исторических и этнических факторов коммуникации, исследование социального контекста функционирования языка. Лингвокультурный аспект коммуникации раскрывается в статьях по вопросам функционирования языка и его единиц, выявляются особенности языка с позиций семантического, лексического, фразеологического, игрового подходов. Методико-педагогический аспект содержит анализ особенностей функционирования коммуникации в обучении, в том числе сущности субъект-субъектного взаимодействия в образовательном процессе, конкретных проявлений коммуникативных технологий и методик обучения иностранным языкам, а также исследование коммуникативной специфики PR-практик [8, с. 75–142].

Функционирование современного общества в качестве открытой системы формирует сознательного актора – интеллектуально-мобильного, самореализующегося субъекта коммуникативного действия, порождает новые виды, формы и типы коммуницирования. В частности, стоит, на наш взгляд, отметить интерес саратовских авторов к исследованию коммуникации с позиции сетевого подхода в философско-социологическом анализе общества [11–13].

Характеризуя коммуникативные практики в сетевом обществе, И.А. Афанасьев акцентирует социальные последствия новых информационных технологий. Констатируя, что сеть – это реальность, в которой живет множество людей, исследователь отмечает порождаемые ею необходимости и возможности. По мнению автора, сетевые коммуникации, их эффективность и перспективы дальнейшего развития напрямую зависят от социально-духовных факторов: поведения каждого члена сети, его нравственного уровня, способности к творчеству и конструктивному диалогу [11, с. 11–16].

В исследовании пространственных структур современного социума («эпохи пост»), в том числе проблемы жизненного пространства человека, касаясь социального творчества как стратегии преодоления отчуждения, С.В. Тихонова особое внимание уделяет характеристике социальных движений [12, с. 94–103], отмечая, что в настоящее время социальные движения имеют весьма специфические цели и задачи, структуру и содержание. Рассматривая общие и специфиче-

ские принципы организации социальных движений, автор выделяет такие их виды, как альтерглобализм и флэшмоб, и придает им особое значение в коммуникационном контексте.

С.В. Тихонова утверждает, что сетевые организации анализируемых ею видов используют современные информационные и коммуникативные инструменты и благодаря им создают новые алгоритмы социальной трансформации. Справедлив вывод автора о том, что в названных формах коммуникация имеет лишь функциональный характер, поэтому коммуникативное взаимодействие в самой малой степени определяется межличностными отношениями и влияет на них; сетевые коммуникации не объединяют, а лишь соединяют индивидов.

В системе постклассической коммуникации предметом особого внимания становятся профессиональные интересы научных сообществ, определение специфики их коммуницирования. Именно поэтому в статье «Сетевые научные сообщества: власть и коммуникация» [13, с. 201–209] рассматривается становление сетевых академических сообществ (XVII–XXI вв.), дается характеристика постклассической модели научной коммуникации в Интернет-сообществе. Исследователь показывает, что власть – одна из ключевых категорий в понимании экзистенциального аспекта формирования функционирования сетевых научных сообществ.

Изучение генезиса научных сообществ завершается авторским анализом существования и функционирования сетей компьютерно опосредованных научных коммуникаций XXI в., где новацией выступают формируемые в сети академические Интернет-сообщества. Научное общение при использовании компьютерных сетей приобретает компьютерно опосредованный характер, а взаимодействия, проявляющиеся в данной модели, имеют некоторые особенности, например «электронный дискурс» («сетевой дискурс») как отражение культуры в текстах электронных писем. Отмечается, что такой новый вид социальных групп представляет самоорганизующееся сообщество людей, общающихся между собой по определенной научной тематике и использующих Интернет-технологии (электронные дискуссии, журналы, библиотеки, Интернет-конференции) в качестве основного средства коммуникации при организации группового взаимодействия участников сообщества. Взаимодействие в данных сообществах строится не на основе властных отношений, а на признании статуса идеи «Информационного Диалога Единого Интеллекта».

В заключение следует обратить внимание на перспективы исследования социальной коммуникации. Определяя информационную технологию, ведущую к сетевому обществу, как современную бифуркацию, И.Р. Пригожин выдвигает несколько положений, которые, по его мнению, должны быть руководством к размышлению и действию: 1. Кто получит выгоды от сетевого общества? Сократит ли оно разрыв в богатстве между странами? 2. Каким будет воздействие сетевого общества на творчество индивидов? 3. В третьем тысячелетии многие люди свои надежды связывают с ростом гармонии между человеком и природой, между людьми. Как сетевое общество влияет на эту гармонию? [14, с. 27]. Данные положения могут составить, на наш взгляд, гуманистическую программу исследования социальной коммуникации, ее функционирования в современном социуме и влияния на его гармоничное развитие.

Библиографический список

1. Луман Н. Теория общества // Теория общества: фундаментальные проблемы. М., 1999.
2. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. М., 2002.
3. Костина О.В. Онтология коммуникации. Саратов, 2004.
4. Наумов С.Ю., Шеховцев А.Ю., Журавлев П.В., Федорова А.В. Риски в коммуникативном пространстве социума. Саратов, 2004.
5. Рязанов А.В. Этнос и коммуникация. М., 2007.
6. Стриганкова Е.Ю. Социально-философские проблемы коммуникации. Саратов, 2007.
7. Интегрированные маркетинговые коммуникации: от теоретических знаний к практическим навыкам: материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых (ноябрь 2007 г.). Саратов, 2007.
8. Социокультурные проблемы языка и коммуникации: сб. науч. ст. Саратов, 2004–2007. Вып. 1–4.
9. Акимова Н.А. Коммуникативные аспекты смысловых ориентаций в моделировании и разрешении ситуаций риска // Материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых (ноябрь 2007 г.). Саратов, 2007.
10. Аникин Д.А., Молчанов А.В. Культурная память как коммуникация: механизмы сохранения и риски разрыва в современном российском обществе // Там же.
11. Афанасьев И.А. Коммуникативные практики в сетевом обществе // Там же.
12. Тихонова С.В. Пространственные структуры эпохи «пост»: Человек в глобализирующемся мире. Саратов, 2005.
13. Стриганкова Е.Ю. Сетевые научные сообщества: власть и коммуникация // Вестн. ПАГС. 2008. № 4 (17).
14. Пригожин И.Р. Сетевое общество // Социологические исследования. 2008. № 1.

G.A. Balykina
Rational Bases of Social
Communication Research

The article analyses milestones of communication studies on the basis of rationality and historicity which reflect priorities and ways of thinking of an epoch. The author defines basic modern concepts in communication studies and emphasizes the actualization of humanitarian paradigm.

Key words and word-combinations: communication, rationality, types of rationality.

Рассматриваются основные этапы формирования коммуникативной проблематики с позиций рациональности и историчности, отражающих приоритеты и стиль мышления конкретной исторической эпохи. Автор определяет основные современные направления изучения коммуникации и подчеркивает важность развития гуманистической парадигмы.

Ключевые слова и словосочетания: коммуникация, рациональность, типы рациональностей.

УДК 316.77:11
 ББК 60.026+60.031

Г.А. Балыкина

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Социальная коммуникация относится к фундаментальным явлениям общественной жизни, является неотъемлемой частью человеческого существования и в силу этого становится предметом исследования социально-философского знания. Действительно, изучая проблему человека, существа разумного и рефлексизирующего, невозможно не затронуть в той или иной степени проблему коммуника-

ции. Внимание ученых к разработке коммуникативной проблематики значительно возросло в конце XX столетия. По статистике NCA (North-American Communication Association), только в современной американской коммуникативистике насчитывается до 250 теорий [1, с. 73; 2, с. 12].

Изменение статуса феномена коммуникации как предмета исследования, перемещение его с периферии научного интереса к центру, обусловливается общей социально-экономической ситуацией в мире, и прежде всего общими тенденциями глобализации [3]. Ориентированность философского дискурса на коммуникативную проблематику передает общее настроение времени и представителей интеллектуальной элиты, обозначает приоритеты научной и гуманитарной мысли. Меняющаяся социальная ситуация, в которой разрабатывается теория коммуникации, требует новых способов размышления, новых методологических подходов.

В данном исследовании будем исходить из следующего определения социальной коммуникации: *это процесс связи и направленной передачи информации, основанный на взаимопонимании субъектов коммуникации, объединенных общим делом, потребностями, интересами, целями, а также процесс межличностного взаимодействия, предполагающий активную обратную связь, акт эмоционального контакта* [4, с. 62]. Таким образом, «тайна» коммуникации может быть проявлена, во-первых, в связи с сущностью человека, во-вторых, в контексте его социальной жизнедеятельности.

Коммуникативность возникает на основе внешних и внутренних противоречий, с которыми люди сталкиваются в процессе своей жизнедеятельности. Внешние противоречия по отношению к обществу (природные условия) и внутренние (общественный строй) направляют и ориентируют человека разумного. Именно это побуждает его к активности в плане связи и взаимодействия с другими, к пространственному и временному развертыванию коммуникации. Коммуникативность действующего в историческом пространстве субъекта – природная данность, переходящая в социальные отношения, когда человек предстает не пассивным созерцателем, лишь испытывающим на себе фактор необходимости общественного движения и согласующим с ним свои действия, а прежде всего он активный и творческий участник истории [5]. Активность субъекта исторического процесса находит проявление в определенных действиях людей, направленных на преобразование природы и общественной среды. Характеризуются эти действия, на наш взгляд, обменными процессами между сторонами взаимодействия и наличием каких-либо противоположных свойств.

Формационный и цивилизационный подходы, утвердившиеся в исторической науке, предполагают собственные интерпретации развития процессов коммуникации, оценки их с позиций рациональности. Так, формационная теория позволяет, по мнению исследователей, вычленить соответственно общественно-экономическим формациям типы коммуникации. Цивилизационная, в свою очередь, обращает внимание на своеобразие правил, форм и способов, различающихся практик осуществления коммуникации. Исторический аспект дает возможность на основе изучения генезиса коммуникации обрисовать усложнение

комплекса коммуникативных функций. Специалистами отмечается, что изменение содержания коммуникации предопределяет модификации его функций и постепенное возникновение интегрирующей, информационной, нормативной и других функций, каждая из которых раскрывает определенное назначение коммуникации [6].

Следует особо подчеркнуть, что, с каких бы позиций ни исследовалось изменение коммуникации в становлении общества, опираясь при этом на формационный или цивилизационный анализ развития человечества, невозможно избежать обращения к основному принципу – историзма, поскольку именно он является основополагающим в нашем исследовании. Однако его применение предполагает не хронологически выверенное воспроизведение эмпирической картины истории коммуникации, представленной в своем многообразии, а обращение к научным приоритетам различных эпох, позициям представителей их интеллектуальной элиты, системы ценностей и идеалов рациональности, характерных для данного исторического времени, его философско-мировоззренческого аспекта [7, с. 96]. Использование контекста исторических типов рациональности при исследовании проблемы коммуникации позволяет рассмотреть их взаимодействие в процессе исторических изменений и преобразований.

В философии нет единства по вопросу о содержании понятия «рациональность»; насчитывается более двух десятков определений. Если попробовать упорядочить многообразие мнений и представлений, то можно очертить круг вопросов, который связан с данной категорией. Рациональность выступает в качестве характеристики деятельности человека; характеристики знания; характеристики методологии или правил деятельности; атрибутивного свойства всех технических цивилизаций; характеристики мира в целом; специфического типа упорядоченности, особой структуры, противостоящей бесструктурности и принципиальной невыразимости; универсальной категории, охватывающей логику в ее классическом и неклассическом понимании, диалектику, а также некоторые формы мистического опыта. Понимание рациональности как универсальной категории подчеркивает ее методологическую значимость.

В свою очередь, научную рациональность можно определить как совокупность норм и методов научного познания, исследования и деятельности, позволяющих проникнуть в теоретический мир, где мышление находит адекватные способы распознавания скрытых связей и взаимодействий. Идеалы научной рациональности имеют глубокий философский и методологический смысл, влияющий на стратегии философского осмысления и разработку определенной проблематики.

Каждая научная дисциплина выступает продуктом развития цивилизации и духовной культуры. Научная парадигма, под которой Т. Кун подразумевал некую когнитивную модель, взаимодействующую с социальным измерением науки и последовательно проходящую состояние нормальной науки и научной революции [8], отражает, помимо основных научных достижений, еще и тип философских рассуждений или специфический философский дискурс. Предлагаем рассматривать дискурс в единстве с экстралингвистическими (психологи-

ческими, прагматическими и социокультурными) факторами его создания и функционирования, так как они помогают быстро и однозначно идентифицировать мысль и создают философскую ассоциацию со значением эпохального стиля мышления и коммуникации.

В отношении научной рациональности следует, на наш взгляд, придерживаться классификации академика В.С. Стёпина. Он выделяет три крупные стадии развития науки: *классическую, неклассическую и постнеклассическую*, которые можно охарактеризовать как три исторических типа научной рациональности, сменявших друг друга в истории развития техногенной цивилизации. Эти стадии характеризуют особое состояние научной деятельности, направленной на постоянный рост объективно-истинного знания и отражающей различные уровни рефлексии по отношению к самой научной деятельности [9, с. 621], а также к научно-философскому анализу общения и социальной коммуникации. Рассматривая проблематику рационалистических оснований исследования социальной коммуникации, совершим краткий историко-философский экскурс.

В средневековье доминировала религиозная система ценностей, которая меняла содержание и стиль мышления и общения, ориентируя человека на признание высших ценностей, восприятие ближнего как подобного себе и возможность мысленно-молитвенного общения человека с Богом. Концепция собственно коммуникации зарождается в эпоху классической рациональности (XVIII в.), но не становится значимой темой философствования, что связано с фундаментальными установками классического типа философствования и принципами классической рациональности, экстраполировавшими на весь природный и социальный мир основы классической механики.

В классический период важным шагом в формировании представлений о коммуникации стали идеи И. Канта, который положил начало традиции осмысления общения как совокупности многообразных, в том числе противоречивых и антагонистических взаимодействий между людьми; поставил вопрос о взаимном признании в процессах социального общения, подразумевая мысленные ориентации субъекта на «возможности» других. Общение для И. Канта является одной из категорий чистого рассудка, а его необходимость рассматривается как всеобщий закон природы, моральные законы практического разума.

Традиция философского осмысления коммуникации была продолжена идеями И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, позволившими характеризовать немецкий идеализм как важнейший этап в истории человеческого самосознания. Одной из его составляющих является переход действующего агента-субъекта за границы своего Я – к «Другому», что предвещает «антропологический поворот», совершенный Л. Фейербахом. Дальнейшее осмысление социальной коммуникации происходило на фоне изменений, возникающих с середины XIX в.: материалистическое понимание истории и общественных отношений, введение сознательных и жизненных явлений в научную картину мира и, таким образом, развитие неклассического идеала рациональности.

Из многообразия идей, концепций и имен их творцов можно выделить позиции наиболее значимые для объяснения развития коммуникативной про-

блематики: создавшая основания для развития концепции диалога феноменологическая традиция (Э. Гуссерль, М. Бубер); с гуманистическим пафосом отстаивавшая сущностные отношения и ценность подлинной коммуникации экзистенциалистская традиция (М. Хайдеггер, К. Ясперс); разрабатывающая коммуникативные практики, которые учитывают разнообразие и культурную относительность, рассматривают коммуникацию как символический процесс, производящий и воспроизводящий определенные социокультурные модели, социокультурная традиция (Ф. Ницше, О. Шпенглер, А. Моль, Н.А. Бердяев, М. Бахтин, Ю.М. Лотман). В последнем случае яркой подтверждающей силой обладает русская философия, внесшая значительный вклад в углубление теории коммуникации.

Н.А. Бердяев одним из первых выделил сообщение (Kommunikation) как одну из основных проблем философии, подверг отрицанию возможность общения в контексте государства и общества, поскольку в социальном коллективе, по его мнению, не происходит общение и соединение Я и Ты. Философ считал, что единственно возможная сфера общения – божественная.

С.Л. Франк критиковал «западное мировоззрение», в котором, по его мнению, идеализму соответствует индивидуалистический персонализм, и настаивал на необходимости познания как сопереживания инаковости и единственности, на познании как признании, где «ты» – «ты» становится для меня «вторым я».

Появление постнеклассического типа рациональности связывается, во-первых, с «лингвистическим» поворотом второй половины XX в., когда первостепенное внимание стало уделяться исследованию значений и смыслов, а не субъектов и объектов, а во-вторых, с радикально изменившимися условиям общественной жизни, глобализацией всех форм социального бытия, которые привели к изменению установки научного познания. В последнем случае содержание научного знания методологически определяется скорее социальным контекстом, ролью и местом в нем человека.

Изменение типов научной рациональности приводит к существенным изменениям в представлениях о месте и роли человека: в классической научной картине мира человеку не находилось места, поскольку он не включался в научное описание; в неклассической научной картине мира человек получил статус наблюдателя, находящегося во внешней по отношению к объекту позиции; в постнеклассической картине мира человек из наблюдателя превратился в «действителя» (Ю.М. Лотман) – он становится участником единого процесса развития информационного общества и коммуникации.

Общий результат исследования показывает: истоками теории коммуникации являются представления об общении в форме конструкций, характеризующих общество с политической и этической позиции. В современной научной и социально-философской ситуации как особо значимые выделяются:

эпистемологические импликации постнеклассического научного мышления, в том числе плюрализм, прагматизм, инструментализм, междисциплинарность; идеи, которые были развиты и получили новое прочтение в философии XX в., в частности критика классического разума и классической метафизики, расши-

рение трактовки принципа рациональности, отказ от критериев общеобязательности и объективности, поворот к антропологии и к осознанию роли коммуникации в жизни человека, осмысление фундаментальной роли языка;

тенденции возникновения ряда общенаучных методологий – семиотической, информационной, синергетической, социокультурной, полидискурсивной.

Перечисленные тенденции определяют вектор поиска и решения проблем, связанных с реализацией проекта новой рациональности и рациональной коммуникации. Философская рефлексия каждого типа научного мышления, его специфики и идеалов позволит установить исторические и рациональные факторы, повлиявшие на становление социальной коммуникации, и определить возможные направления ее изменения на современном этапе развития научной мысли.

Библиографический список

1. Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания // Компаративистика – III: альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб., 2003.
2. Griffin Emory A. A First Look at Communication Theory. Mc. Graw Hill, 2006.
3. Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soc.ru.ru> (дата обращения 07.04.2009).
4. Стриганкова Е.Ю. Социально-философские проблемы коммуникации. Саратов, 2007.
5. Кузнецова В.В. Прогресс в судьбе человека // Человек в социокультурном мире. Саратов, 1997. Ч. 3.
6. Лысенкова Н.В. Социальное общение как объект философско-социологического анализа. Харьков, 1976.
7. Купарашивили М.Д. Парадигма мышления и системы ценностей // Философские науки. 2003. № 8.
8. Кун Т. Структура научных революций. М., 1985.
9. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2003.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

P.P. Sergun
Monograph Review:
Presnyakov M.V., Channov S.E.
Administrative-Legal Regulation
of Official Relations:
Theory and Practice. Saratov:
Nauchnaya Kniga, 2009

УДК 342.9
ББК 67.401

П.П. Сергун

**РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ:
Пресняков М.В., Чаннов С.Е.
Административно-правовое
регулирование
служебных отношений:
теория и практика. Саратов:
Научная книга, 2009**

Управление обществом и государством может быть эффективно только в том случае, если его осуществляют высокопрофессиональные чиновники, наделенные для этого всеми необходимыми полномочиями. Проводимая в Российской Федерации административная реформа неотделима от реформы государственной и муниципальной службы. «Успешность реформирования и развития системы государственной службы зависит от разработки и реализации мероприятий, направленных на модернизацию государственной службы как единой системы, а также на практическое применение новых технологий государственного управления» [1].

Судя по всему, после принятия в 2003–2007 гг. важнейших законодательных актов [2–4] реформа государственной службы

практически остановилась. Непосредственно это выразилось в том, что неоднократно переносилось принятие проекта Федерального закона «О государственной правоохранительной службе», так и не появился законопроект о службе военной, из-за отсутствия целого ряда подзаконных актов до настоящего времени не действуют многие положения законодательства о государственной гражданской службе. Таким образом, остались нереализованными ряд направлений реформирования государственной службы, в том числе положения Концепции [5] и законодательства Российской Федерации о формировании системы управления государственной службой.

Одной из причин сложившейся ситуации является недостаточная доктринальная проработка предлагаемой реформы. И уже принятые нормативные акты, регулирующие государственную и муниципальную службу, и имеющиеся проекты свидетельствуют об отсутствии у их авторов единой концепции построения служебного законодательства Российской Федерации. Между тем реформирование служебного законодательства – большой и целостный процесс. Попытка осуществить его путем «точечных» изменений, без четко проработанной концепции и ясного понимания особенностей публичной служебной деятельности, не может быть успешной. В силу этого большую теоретическую и практическую значимость приобретают научные разработки, касающиеся служебно-правового регулирования. Заметным научным вкладом в исследование указанной проблематики стала и рецензируемая монография.

Структурно монография М.В. Преснякова и С.Е. Чаннова подчинена логике исследования, призванного наиболее полно охватить все аспекты административно-правового регулирования служебных отношений.

Первая глава посвящена изучению современного состояния правовой доктрины и практики правового регулирования служебных отношений. В ней, в частности, авторы проводят анализ трудовправовой и административно-правовой (служебно-правовой) концепций регулирования служебных отношений как с точки зрения их теоретической основательности, так и с позиций практического преломления. На основании проведенного исследования М.В. Пресняковым и С.Е. Чанновым обосновывается необходимость постепенного отказа от частно-правового регулирования в сфере государственной и муниципальной службы в пользу замены его публично-правовым. Данный вывод основывается на подробном изучении особенностей государственной и муниципальной службы как видов профессиональной деятельности и вытекающих из этого требований к их законодательному регулированию.

Во второй главе монографического исследования ставится вопрос о возможностях и перспективах формирования новой отрасли (либо подотрасли) российского права – служебного права. Стоит заметить, что со времени появления фундаментального труда Ю.Н. Старилова «Служебное право» (1996 г.) [6] рассмотрению этой проблематики в отечественной правовой литературе уделяется чрезмерно мало внимания. Поэтому крайне интересной выглядит работа, в которой поставлена цель проанализировать современное состояние служебного права с учетом произошедших в законодательстве изменений. Следует отметить, что данная глава исследования во многом носит дискуссионный характер.

Так, анализируя место служебного права в системе российского права, авторы отвергают его комплексный характер, отстаиваемый такими исследователями, как Б.Н. Габричидзе, И.А. Дякина и сам Ю.Н. Старилов. Впрочем, можно согласиться с общим выводом, что в настоящее время служебное право пока еще находится в стадии формирования, и дальнейшие пути его развития во многом будут определяться конкретными решениями законодателя.

Если первые две главы монографии носят по большей части теоретический характер, то в содержании третьей и четвертой органично сплетаются теория и практика. В особенности это касается третьей главы исследования, посвященной основаниям возникновения служебных правоотношений. Можно констатировать, что на сегодняшний день это, пожалуй, наиболее детальное исследование указанной проблематики с административно-правовых позиций. Так, в работе вводится понятие предпосылок и условий возникновения служебных правоотношений, причем сами эти термины авторами тщательно разграничиваются.

В рамках теоретического дискурса с представителями трудового права концепции регулирования служебных отношений авторы отстаивают необходимость постепенного отхода от договорных начал в построении законодательства о государственной и муниципальной службе. В силу этого ими, в частности, предлагается полный отказ от заключения каких-либо контрактов или договоров, с тем чтобы единственным основанием возникновения служебных отношений в перспективе стал административный акт.

Рассматривая процедуры возникновения служебных правоотношений, авторы наибольшее внимание уделяют процедуре конкурса, которая, по их мнению, должна стать основным способом замещения должностей государственной и муниципальной службы. Справедливым следует признать вывод, что действующее в настоящее время законодательство о государственной службе содержит слишком много пробелов и недочетов в регулировании указанных процедур, что позволяет правоприменителям во многих случаях процедуру конкурса обойти. Безусловно, указанная ситуация негативно сказывается на возможности граждан Российской Федерации реализовать свое конституционное право на равный доступ к государственной службе.

Еще более тревожное положение фиксируется в отношении муниципальной службы, так как законодатель вообще не посчитал необходимым закрепить обязательность проведения конкурса на замещение муниципальных должностей. Хотя это и выглядит вполне оправданным применительно к малочисленным муниципальным образованияам, в которых кадровая ситуация просто не позволяет провести полноценный конкурс, в крупных городах такой подход способен привести к формированию системы закрытого, «келейного» подбора муниципальных служащих. Предлагаемое же авторами решение выглядит вполне очевидным: федеральное законодательство о муниципальной службе должно содержать в себе дифференцированные подходы к регулированию муниципально-служебных отношений в муниципальных образованиях различных видов, как это реализовано в настоящее время в законодательстве о местном самоуправлении.

Заключительная глава работы посвящена специальным основаниям прекращения служебных правоотношений. Как видно из названия, в ней речь идет

лишь о тех основаниях, которые установлены законодательством о государственной или муниципальной службе, а не законодательством о труде. В качестве замечания можно указать, что рассматриваемая глава не имеет внутреннего деления на параграфы, что при довольно значительном объеме (79 страниц) несколько затрудняет ее восприятие. На большом практическом материале в главе показывается, что действующая система оснований увольнения с государственной и муниципальной службы страдает рядом недостатков и имеет неразрешенные противоречия. Основной вывод, который делают по этому поводу авторы, заключается в необходимости введения полностью автономной от трудового права системы прекращения служебных правоотношений.

В монографии поднимается, помимо рассмотренных, еще целый ряд проблем административно-правового регулирования служебных отношений. Работу отличает широкая источниковедческая база, информационная и статистическая насыщенность.

Рецензируемая монография не свободна от некоторых недостатков и дискуссионных моментов. Так, большая часть работы посвящена анализу служебных правоотношений, возникающих на государственной гражданской и муниципальной службе. Правоохранительная служба рассматривается в работе значительно меньше, военной же уделено совсем немного внимания. Отчасти эта ситуация объясняется самими авторами тем, что именно законодательство о гражданской и муниципальной службе в настоящее время прошло стадию реформирования и позволяет делать выводы об основных направлениях формирования служебного права. Тем не менее представляется, что работа, претендующая на всеобъемлющее изучение административно-правового регулирования служебных отношений, должна в равной степени затрагивать все их виды.

Монография адресована преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, а также практическим работникам органов государственной власти и местного самоуправления. Впрочем, имеющиеся в ней материалы могут быть интересны и другим читателям. Появление на свет монографического исследования М.В. Преснякова и С.Е. Чаннова «Административно-правовое регулирование служебных отношений: теория и практика», по нашему мнению, стало заметным событием в отечественной административно-правовой науке.

Библиографический список

1. О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)»: Указ Президента РФ от 10 марта 2009 г. № 261 // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1277.
2. О системе государственной службы Российской Федерации: Федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
4. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
5. Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://2004.kremlin.ru/text/docs/30625.shtml>
6. *Старилов Ю.Н.* Служебное право. М., 1996.

O.A. Litsenberger
The Experience of Partnership
of the Volga Region Academy
for Civil Service
named after P.A. Stolypin
with Foreign Higher Education
Institutions

УДК 378
ББК 74.58

О.А. Лиценбергер

**ОПЫТ ПАРТНЕРСТВА
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА
С ЗАРУБЕЖНЫМИ ВУЗАМИ**

В соответствии со стратегией развития ФГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы имени П.А. Столыпина» на 2008–2012 гг. интеграция академии в мировое образовательное пространство осуществляется через расширение международного сотрудничества, внедрение мировых стандартов качества образования и реализацию совместных с зарубежными партнерами научных исследований.

Основными формами и направлениями международного сотрудничества на данный момент являются: стажировки профессорско-преподавательского состава по международным программам; студенческие обмены, цель которых – знакомство с работой государственных и муниципальных органов власти, предприятий, организаций социальной сферы и культуры в странах-партнерах; производственно-учебная практика студентов ПАГС в странах-партнерах; проведение международных семинаров, научно-практических конференций и «круглых столов»; издательская деятельность, публикация результатов совместных научных исследований российских и зарубежных авторов; организация обмена опытом работы руководителей муниципальных органов власти.

Поволжская академия государственной службы имени П.А. Столыпина плодотворно сотрудничает с управленческими вузами Гер-

мании (Высшая школа государственного управления и финансов, г. Людвигсбург); Венгрии (факультет государственного управления Университета Корвинус, г. Будапешт); Словакии (Экономический университет, г. Братислава, и Университет Павла Йозефа Шафарика, г. Кошице); Бельгии (Высшая школа, г. Гент); Франции (Национальная школа администрации, г. Париж, Университет, г. Тур); Республики Узбекистан (Академия государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан, г. Ташкент); США (Высшая школа государственного управления и экологии Университета Индиана); Канады (Школа государственного управления, г. Оттава).

Особое значение придается упрочению позиций и авторитета ПАГС в Международном форуме государственного управления и менеджмента, членом которого с 1999 г. (дата подписания соглашения) наряду с вузами Германии, Бельгии, Нидерландов, Венгрии, Болгарии, Словакии, Польши является Поволжская академия государственной службы имени П.А. Столыпина. Основное внимание в связи с этим сосредоточено на следующих направлениях деятельности:

- развитию и укреплению партнерских отношений ПАГС с высшими учебными заведениями стран Европы, США, Канады и стран СНГ;
- последовательном и целенаправленном изучении положительного опыта зарубежных партнеров в деле подготовки работников для государственной и муниципальной службы, внедрении его в практику работы академии, администраций и муниципальных образований республик и областей Приволжского федерального округа;
- практическом осуществлении мероприятий в рамках официальных программ и договоров о международном сотрудничестве, а также инициативных проектов и договоренностей;
- изучении опыта перехода партнерских вузов Восточной Европы на новую образовательную систему в соответствии с положениями Болонской декларации.

Практика реализации совместных межвузовских научно-исследовательских проектов пока только устанавливается. Из уже действующих можно назвать совместный проект ПАГС и Школы государственного управления и экологии (SPEA) Университета Индиана (США) «Совершенствование управления земельными ресурсами и разработка активной экономической политики по вовлечению земли в экономическую деятельность муниципальных образований». Научные исследования, проводимые в рамках проекта, имели непосредственное практическое значение. В частности, несомненный интерес представлял анализ рыночной и кадастровой оценки земли по отдельным муниципальным образованиям с целью определения оптимальной ставки налога на землю.

С 1999 г. в рамках совместного проекта «Эффективная подготовка и повышение квалификации государственных и муниципальных служащих Поволжского региона (РФ) и земли Баден-Вюртемберг (ФРГ)», финансируемого Немецкой службой академических обменов (ДААД), осуществляется сотрудничество между ПАГС и Высшей школой государственного управления и финансов

(г. Людвигсбург, ФРГ). В 2008 г. проект сотрудничества получил во многом символическое название «Партнерство между Востоком и Западом».

Научно-прикладные проекты реализуются в партнерстве не только с вузами, но и иными организациями и учреждениями зарубежных государств. Так, преподаватели Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина являются экспертами Всемирного Банка и участвуют в выполнении программы «Техническое содействие реформе государственного управления в России». Ощутимыми результатами их деятельности стали обучающие семинары для государственных служащих региональных органов власти по методике проведения функционального анализа, а также разработка плана внедрения управления по результатам на региональном уровне.

С 2007 г. по инициативе Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина осуществляется обмен опытом работы руководителей российских и зарубежных муниципальных органов власти. В 2007 г. руководители муниципальных районов Саратовской области прошли повышение квалификации в Германии; в 2008 г. представители местных органов власти из субъектов РФ, входящих в состав Приволжского и Центрального федеральных округов (Республика Татарстан, Оренбургская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская области, Тамбовская область) посетили муниципальные образования земли Баден-Вюртемберг.

Подобные стажировки предусмотрены и российско-французской программой административного сотрудничества по подготовке государственных и муниципальных служащих. По итогам конкурсного отбора, организованного Посольством Франции в России и Национальной школой администрации (г. Париж), несколько преподавателей академии получили стипендии Правительства Франции на обучение и повышение квалификации в Национальной школе. При поддержке Посольства Франции с 2009 г. профессора и преподаватели ПАГС будут принимать участие в реализации программы ECO-NET, финансируемой Посольством и направленной на оценку эффективности процесса децентрализации в странах – участниках проекта – Франции, Белоруссии и России.

Успешно развивающимся и перспективным направлением являются обмены преподавателями и студентами в рамках двусторонних договоров и соглашений. Стабильная практика подобных обменов установилась с Высшей школой государственного управления и финансов (г. Людвигсбург, ФРГ), факультетом государственного управления Университета Корвинус (г. Будапешт, Венгрия), Академией государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан). Эта традиция укрепится в предстоящих визитах студентов ПАГС в венгерский и немецкий вузы осенью и весной 2009–2010 гг., а также в приеме ответных делегаций. В 2009 г. группа представителей вузов из Республики Узбекистан прослушает курс лекций по заранее обговоренной тематике и получит сертификаты о повышении квалификации. В настоящее время переговоры об организации студенческих и профессорско-преподавательских обменов ведутся с Экономическим университетом (г. Братислава, Словакия) и Высшей школой (г. Гент, Бельгия).

Помимо краткосрочных стажировок обсуждаются возможности долгосрочного пребывания в партнерских вузах в образовательных или научно-исследовательских целях. Так, в заключительной стадии подписания находится соглашение о сотрудничестве с бельгийскими коллегами, центральным пунктом которого станут договорные условия обучения студентов ПАГС по семестровой программе «Международный менеджмент» (International Management Programme) с последующим перезачетом полученных студентом по окончании обучения в бельгийском вузе кредитных единиц в программе обучения ПАГС. Данное соглашение явится первым шагом на пути к реализации совместных программ обучения и внедрения кредитной системы единиц в академии. Эти темы, а также вопросы, связанные с сотрудничеством на уровне аспирантуры и докторантуры, получают освещение и при проведении переговоров о сотрудничестве с венгерским вузом-партнером – Университетом Корвинус (г. Будапешт) в сентябре 2009 г.

О планомерном развитии международной деятельности академии и ориентации на расширение партнерских связей с зарубежными вузами и научными учреждениями свидетельствует ряд новых соглашений и договоров, подписанных ПАГС в 2008–2009 гг. с Молдавским государственным университетом (г. Кишинев, Республика Молдова), Университетом имени Франсуа Рабле (г. Тур, Франция).

В текущем году на пять лет продлено соглашение о сотрудничестве с Фондом «Славяне» и Сообществом «Славянский Университет» (г. София, Республика Болгария). Кроме того, подписан договор о сотрудничестве между центром межкультурной управленческой коммуникации ПАГС и центром сотрудничества с Восточной и Южной Европой Института международных программ Экономического университета (г. Братислава, Словакия). Таким образом, в настоящее время ПАГС имеет договоры о сотрудничестве с пятнадцатью зарубежными вузами, факультетами и центрами.

После подписания Российской Федерацией Болонской декларации идет процесс внедрения магистерских программ. ПАГС также работает в данном направлении и с 2009 учебного года начинает реализовывать четыре новые магистерские программы по менеджменту, юриспруденции, политологии и экономике.

В Российской Федерации официально стандартизирована программа «Master of Public Administration», которая с сентября 2009 г. реализуется в академии. Поскольку в России магистерские программы не имеют исключительно профессиональной или исследовательской направленности, а носят смешанный характер, то в данной сфере открывается возможность для сотрудничества со многими вузами с целью обмена студентами (как на краткосрочное обучение, например прохождение научно-исследовательской практики, так и на более долгий период – семестр или год обучения по программе вуза-партнера с последующим признанием полученных кредитов). Данное направление мы могли бы развивать как в рамках двусторонних соглашений между вузами, так и в рамках многосторонних проектов сотрудничества.

Инструментами реализации сотрудничества являются в первую очередь ев-

ропейские программы. Сегодня имеются возможности сотрудничества и по проектам национальных фондов либо посольств стран-партнеров.

В развитии сотрудничества нашего вуза с зарубежными партнерами встречаются и определенные сложные моменты. Так, в России принят и утвержден федеральный стандарт учебных программ, который устанавливает федеральный, региональный и вузовский компоненты, тем самым жестко регламентируя их содержание. Это создает значительные препятствия при обсуждении возможностей создания совместных магистерских программ с зарубежными вузами, которые не ограничены столь жесткими рамками.

Тем не менее можно сделать вывод, что у Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина и зарубежных партнеров сложились необходимый задел и условия для дальнейшего развития совместной научной деятельности как в содержательном плане, так и в плане технической реализации проектов. Совместными усилиями мы могли бы добиться хороших результатов в случае нахождения взаимовыгодных тем и форм работы.

Алихаджиева Инна Саламовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и государственного строительства Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: Alins1@yandex.ru

Аношина Светлана Владимировна – аспирант кафедры истории российской государственности и права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: sweetty_84@mail.ru

Балыкина Галина Анатольевна – старший преподаватель кафедры английского языка Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: balykinagal@mail.ru

Бобров Артем Михайлович – адъюнкт кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Саратовского юридического института МВД России
e-mail: prepodobnih@mail.ru

Бондаренко Екатерина Николаевна – аспирант кафедры теории и социального управления Уральской академии государственной службы (г. Екатеринбург)
E-mail: KATIA-BON@YANDEX.RU

Букин Василий Петрович – кандидат социологических наук, профессор кафедры государственного управления и региональной социологии, декан факультета инновационных технологий обучения Пензенского государственного университета
e-mail: fito@pnzgu.ru

Курвина Юлия Владимировна – аспирант кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права (г. Елань)
e-mail: kurvina@inbox.ru

Гагиев Аюп Каримсултанович – руководитель аппарата Правительства Республики Ингушетия, соискатель кафедры гражданского процесса, трудового и экологического права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина (г. Магас, Республика Ингушетия)
e-mail: prav-vo@inbox.ru

Гасилин Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: kaffil@pags.ru

Гильфанова Марина Геннадиевна – преподаватель кафедры гуманитарных наук Саратовского военного института внутренних войск МВД РФ
e-mail: marinagilfanova1@rambler.ru

Глуховцев Всеволод Олегович – доцент кафедры философии, истории и права филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Уфе
e-mail: shestvosem@mail.ru

Гопоненко Андрей Эдуардович – аспирант кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: prreg @pags.ru

Грачева Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета
e-mail: katenka2022@yandex.ru

Егоров Владимир Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Пермского государственного университета
e-mail: anclebob@inbox.ru

Железинский Александр Александрович – аспирант кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: zhelezinsky@rambler.ru, zhelezinsky1@yandex.ru

Зараев Александр Сергеевич – преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Саратовского юридического института МВД России
e-mail: alzaraev@yandex.ru

Зиновьева Евгения Александровна – ассистент кафедры социальных и гуманитарных наук Балаковского института техники, технологии и управления – филиала Саратовского государственного технического университета
e-mail: eva_zinov@mail.ru

Иванова Зоя Викторовна – аспирант кафедры менеджмента туристического бизнеса Саратовского государственного технического университета
e-mail: zojai@rambler.ru

Канафьева Виктория Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинговых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения
e-mail: vikakanafyeva1@rambler.ru

Кулакова Оксана Владимировна – аспирант кафедры гражданского права и процесса Пермского государственного университета
e-mail: chuloshnikova-ok@mail.ru

Лиценбергер Ольга Андреевна – доктор исторических наук, профессор, проректор по международным связям Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: drcint@pags.ru

Мартынов Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского
e-mail: docpred@yandex.ru

Марущак Екатерина Михайловна – аспирант кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: ekaterina_mar@mail.ru

Мосолков Кирилл Сергеевич – аспирант кафедры публичного права Поволжского кооперативного института Российского университета кооперации
e-mail: kirillmos@bk.ru

Нечаевская Елизавета Евгеньевна – референт отдела административной работы министерства культуры Саратовской области, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: elizaveta-en@yandex.ru

Новикова Ольга Валентиновна – ведущий специалист-эксперт Правительства Пензенской области, аспирант кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: orgotdel@obl.penza.net

Палади Александр Александрович – преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института внутренних войск МВД РФ
e-mail: Swki@narod.ru

Рудкевич Елена Юрьевна – доцент кафедры философии, истории и права филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Уфе
e-mail: leu26@rambler.ru

Сергун Петр Павлович – доктор юридических наук, профессор, директор Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации
e-mail: rpa@overta.ru

Степанова Александра Александровна – аспирант кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: alex_stepanova@mail.ru

Стриганкова Елена Юрьевна – кандидат философских наук, профессор кафедры английского языка Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: English@pags.ru

Толок Екатерина Сергеевна – ассистент кафедры социальных и гуманитарных наук Балаковского института техники, технологии и управления – филиала Саратовского государственного технического университета

e-mail: tolokks@mail.ru

Туник Михаил Петрович – преподаватель кафедры философии и социологии Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова

e-mail: mihailtunik@mail.ru

Умирова Александра Рахманкуловна – преподаватель кафедры антикризисного управления Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: umirova@mail.ru

Усынин Юрий Константинович – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: gmu@pags.ru

Фролова Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Цыбаков Дмитрий Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, государственного и муниципального управления Орловской региональной академии государственной службы

e-mail: politgmu@mail.ru

Чапанов Тимур Исаевич – адвокат Адвокатской палаты Республики Ингушетия, соискатель кафедры гражданского процесса, трудового и экологического права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина (г. Назрань, Республика Ингушетия)

e-mail: prav-vo@inbox.ru

Чекмарев Эдуард Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: chekmarev@nm.ru

Шахов Денис Андреевич – аспирант кафедры социологии и политологии
Тулского государственного университета
e-mail: denis@ir-z.ru

Шугаев Александр Александрович – аспирант кафедры истории российской государственности и права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: shugaev-pags@yandex.ru

Юлдашева Фарида Хужамкуловна – кандидат философских наук, докторант кафедры строительства общества, национальной идеи и национальных интересов Академии государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан)
e-mail: sodikovashohida@rambler.ru

Яковлев Лев Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: lionel1801@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Inna Salamovna Alikhadzhieva – Candidate of Law, docent of the Administrative Law and State Construction Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: Alins1@yandex.ru

Svetlana Vladimirovna Anoshina – post-graduate student of the History of Russian State and Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: sweetty_84@mail.ru

Galina Anatolievna Balykina – senior lecturer of the English Language Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: balykinagal@mail.ru

Artem Mikhaylovich Bobrov – post-graduate student of the Administrative Law and Administrative Activity of the Internal Affairs Bodies Chair, Saratov Law Institute of MVD of Russia
e-mail: prepodobnih@mail.ru

Ekaterina Nikolayevna Bondarenko – post-graduate student of the Theory and Social Management Chair, Ural Academy of Civil Service (Yekaterinburg)
e-mail: KATIA-BON@YANDEX.RU

Vasily Petrovich Bukin – Candidate of Sociology, Professor of the Public Administration and Regional Sociology Chair, Dean of the Department of Innovational Technologies of Training, Penza State University
e-mail: fito@pnzgu.ru

Yulia Vladimirovna Kurvina – post-graduate student of the Theory of State and Law, International and European Law Chair, Academy of Law (Elan)
e-mail: kurvina@inbox.ru

Ayup Karimsultanovich Gagiev – head of the Apparatus of the Government of the Republic of Ingushetia, post-graduate student of the Civil Procedure, Labor and Ecological Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin (Magas, Republic of Ingushetia)
e-mail: prav-vo@inbox.ru

Vladimir Nikolaevich Gasilin – Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: kaffil@pags.ru

Marina Gennadievna Gilfanova – lecturer of the Humanities Chair, Saratov Military Institute of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

e-mail: marinagilfanova1@rambler.ru

Vsevolod Olegovich Glukhovtsev – docent of the Philosophy, History and Law Chair, the branch of the All-Russian Part-Time Financial-Economic Institute in Ufa

e-mail: shestvosem@mail.ru

Andrey Eduardovich Goponenko – post-graduate student of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin

e-mail: prreg @pags.ru

Ekaterina Sergeevna Gracheva – post-graduate student of the Social Anthropology and Social Work Chair, Saratov State Technical University

e-mail: katenka2022@yandex.ru

Vladimir Sergeevich Egorov – Candidate of Law, docent of the Criminal Law Chair, Perm State University

e-mail: anclebob@inbox.ru

Alexander Alexandrovich Zhelezinsky – post-graduate student of the Constitutional Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin

e-mail: zhelezinsky@rambler.ru, zhelezinsky1@yandex.ru

Alexander Sergeevich Zaraev – lecturer of the Tactics and Weapon Training Chair, Saratov Law Institute of the MVD of Russia

e-mail: alzaraev@yandex.ru

Evgenia Alexandrovna Zinovieva – assistant of the Social Sciences and Humanities Chair, Balakovo Institute of Machinery, Technology and Management – the branch of the Saratov State Technical University

e-mail: eva_zinov@mail.ru

Zoya Viktorovna Ivanova – post-graduate student of the Tourist Business Management Chair, Saratov State Technical University

e-mail: zojai@rambler.ru

Viktoria Vladimirovna Kanafieva – Doctor of Philosophy, Professor of the Management and Marketing Communications Chair, Sankt-Petersburg State University of Cinematography and Television

e-mail: vikakanafyeva1@rambler.ru

Oxana Vladimirovna Kulakova – post-graduate student of the Civil Law and Procedure Chair, Perm State University

e-mail: chuloshnikova-ok@mail.ru

Olga Andreevna Litsenberger – Doctor of History, Professor, pro-rector on International Relations, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin

e-mail: drcint@pags.ru

Alexey Vladimirovich Martynov – Candidate of Law, docent of the Constitutional and Administrative Law Chair, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
e-mail: docpred@yandex.ru

Ekaterina Mikhailovna Maruschak – post-graduate student of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: ekaterina_mar@mail.ru

Kiril Sergeevich Mosolkov – post-graduate student of the Public Law Chair, Volga Region Cooperative Institute of the Russian University of Cooperation
e-mail: kirillmos@bk.ru

Elizaveta Evgenievna Nechaevskaya – referent of the Administrative Work Division of the Ministry of Culture of the Saratov Region, post-graduate student of the Public Administration Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: elizaveta-en@yandex.ru

Olga Valentinovna Novikova – the leading specialist-expert of the Government of the Penza Region, post-graduate student of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: orgotdel@obl.penza.net

Alexander Alexandrovich Palady – lecturer of the Humanities and Social Sciences Chair, Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
e-mail: Swki@narod.ru

Elena Yurievna Rudkevich – docent of the Philosophy, History and Law Chair, the branch of the All-Russian Part-Time Financial-Economic Institute in Ufa
e-mail: leu26@rambler.ru

Piotr Pavlovich Sergun – Doctor of Law, Professor, director of the Volga Region (Saratov) Law Institute (branch) of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation
e-mail: rpa@overta.ru

Alexandra Alexandrovna Stepanova – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: alex_stepanova@mail.ru

Elena Yurievna Strigankova – Candidate of Philosophy, Professor of the English Language Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: English@pags.ru

Ekaterina Sergeevna Tolok – assistant of the Social Sciences and Humanities Chair, Balakovo Institute of Machinery, Technology and Management – the branch of the Saratov State Technical University
e-mail: tolokks@mail.ru

Mikhail Petrovitch Tunik – lecturer of the Philosophy and Sociology Chair, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov
e-mail: mihailtunik@mail.ru

Alexandra Rakhmankulovna Umirova – lecturer of the Anti-Crisis Management Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: umirova@mail.ru

Yuri Konstantinovich Usynin – Doctor of Sociology, Professor of the Public Administration Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: gmu@pags.ru

Svetlana Mikhailovna Frolova – Candidate of Philosophy, docent of the Philosophy Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Dmitry Leonidovich Tsybakov – Candidate of Political Sciences, docent of the Political Science and Public Administration Chair, Oryol Regional Academy for Civil Service
e-mail: politgmy@mail.ru

Timur Isaevich Chapanov – advocate of the Advocate Chamber of the Republic of Ingushetia, competitor of the Law Suit, Labor and Ecological Law, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin (Nazran, the Republic of Ingushetia)
e-mail: prav-vo@inbox.ru

Eduard Vladimirovich Chekmarev – Candidate of Political Sciences, docent of the Political Sciences Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: chekmarev@nm.ru

Denis Andreevich Shakhov – post-graduate student of sociology and the Political Sciences Chair, Tula State University
e-mail: denis@ir-z.ru

Alexander Alexandrovich Shugayev – post-graduate student of the History of Russian Statehood and Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: shugaev-pags@yandex.ru

Farida Khuzhamkulovna Yuldasheva – Candidate of Philosophy, working for the doctor's degree at the Society, National Idea and National Interests Construction Chair, Academy of Social and State Construction under the President of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, the Republic of Uzbekistan)
e-mail: sodikovashohida@rambler.ru

Lev Sergeevich Yakovlev – Doctor of Sociology, Professor of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: lionel1801@count.com

СОДЕРЖАНИЕ

Публичная власть, государственное и муниципальное управление в Российской Федерации	
4	
Курвина Ю.В. Оптимизация субъектного состава Российской Федерации: национально-территориальный аспект проблемы	4
Мартынов А.В. Административный надзор как функция публичного управления: теоретическое обоснование и современная интерпретация	9
Туник М.П. Социальный менеджмент: теоретические подходы и возможности применения в сфере антикризисного государственного управления	16
Марущак Е.М. Социально-политические технологии государственного управления как инструмент взаимодействия государства и общества	21
Бобров А.М. Возможность использования институтов рекомендации и поручительства при поступлении граждан на государственную службу в органы внутренних дел Российской Федерации	26
Цыбаков Д.Л. Воздействие процесса милитаризации на развитие современных политических отношений Российское государство и гражданское общество: исторический опыт и современное состояние	31
38	
Усынин Ю.К., Яковлев Л.С. Глобализационный контекст предпосылок становления гражданского общества	38
Степанова А.А. Индексные подходы к исследованию российского гражданского общества: особенности применения зарубежного опыта	43
Новикова О.В. Эффективная модель взаимодействия государства и гражданского общества в современной России: формирование структурно-институционального консенсуса	48
Умирова А.Р.	

Социально-политические основы взаимоотношений современного государства и гражданского общества в контексте инвестиционной политики	53
Гасилин В.Н.	
Политический парадокс: философско-политические аспекты	59
Гопоненко А.Э.	
Социологические критерии идентификации политического пространства	66
Шугаев А.А.	
Количественный анализ партийных систем: российский опыт	70
Аношина С.В.	
Политическое поведение женщин в России: особенности формирования электоральных предпочтений	75
Правовое регулирование в современной России	81
Чапанов Т.И.	
О роли справедливости в российском правоведении	81
Егоров В.С.	
Основные теории государственного принуждения в уголовном праве	86
Гагиев А.К.	
К вопросу о понятии эффективности гражданского и арбитражного процессуального права	92
Кулакова О.В.	
Правовые условия и проблемы создания муниципального автономного учреждения	97
Мосолков К.С.	
Участие органов внутренних дел в осуществлении избирательного права граждан: нормативное обеспечение и практика реализации	102
Алихаджиева И.С.	
Вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией: недостатки конструкции и содержания статей 240 и 241 УК РФ	107
Социальная политика в Российской Федерации	116
Юлдашева Ф.Х.	
Культурная глобализация и ее влияние на сознание человека	116
Нечаевская Е.Е.	
Социокоммуникативные параметры эффективности государственного управления в сфере культуры	120
Грачева Е.С.	
Музейная деятельность в контексте PR-технологий: социокультурные тенденции	125
Зиновьева Е.А.	
Социокультурный статус образования как пространства равноправия	130
Железинский А.А.	
Охрана окружающей среды как конституционно-правовая категория: понятие и содержание	135
Бондаренко Е.Н.	
Формирование жизненных стратегий молодежи закрытого административно-территориального образования: специфика условий и процесса в условиях кризиса начала XXI века	140
Социально-экономическая модернизация России	

Чекмарев Э.В.

Современная российская модернизация: этапы, субъекты, ресурсы 146

Гильфанова М.Г.

Современная модель стимулирования труда работников организации 154

Палади А.А.

Социально ответственное трудовое лидерство

работников современного предприятия 159

Букин В.П.

Профессиональная ориентация, условия и содержание труда молодежи

российской провинции 164

Шахов Д.А.

Интернет-реклама и государство:

направления институционального взаимодействия 170

Философия и культура социума:

подходы, концепции, мнения

177

Рудкевич Е.Ю., Глуховцев В.О.

Онтолого-аксиологические основания мировоззрения новой эпохи 177

Зараев А.С.

Проблема цивилизационной идентификации

субъекта общественного развития 184

Толок Е.С.

Человек в социокультурном пространстве современной России 189

Канафьева В.В.

Число и имя как медиаторы интеллектуальных систем 194

Фролова С.М.

Онтологический анализ виртуальной реальности

через идеи «конкретной метафизики» П.А. Флоренского 199

Иванова З.В.

Виртуализация коммуникационных процессов

в контексте возникновения и массового потребления мобильной связи 207

Стриганкова Е.Ю.

Региональные контексты

философско-социологических исследований коммуникации 212

Балыкина Г.А.

Рационалистические основания исследования социальной коммуникации 219

Рецензии.

Хроника научных событий

225

Сергун П.П.

Рецензия на монографию:

Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Административно-правовое регулирование

служебных отношений: теория и практика. Саратов: Научная книга, 2009 225

Лиценбергер О.А.

Опыт партнерства Поволжской академии

государственной службы имени П.А. Столыпина с зарубежными вузами 229

сведения об авторах

234

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Kurvina Yu.V.

Optimization of the Subject Structure of the Russian Federation: National-Territorial Aspect of the Problem	4
--	---

Martynov A.V.

Administrative Supervision as a Function of Public Governance: Theoretical Justification and Contemporary Interpretation	9
---	---

Tunik M.P.

Social Management: Theoretical Approaches and Possibilities of Application in the Field of Anti-Crisis Public Administration	16
---	----

Maruschak E.M.

Social-Political Technologies of the State Government as an Instrument of Interaction between State and Society	21
--	----

Bobrov A.M.

The Possibility of Use of Recommendation and Guarantee at the Citizens' Entering Civil Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation	26
---	----

Tsybakov D.L.

The Influence of the Process of Militarization on the Development of Modern Political Relations	31
--	----

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

38

Usynin Yu.K., Yakovlev L.S.

Globalization Context of Civil Society Formation Preconditions	38
--	----

Stepanova A.A.

Index Approaches to the Russian Civil Society Research: Peculiarities of Foreign Experience Application	43
--	----

Novikova O.V.

Efficient Model of Interaction of State and Civil Society in Modern Russia: Formation of Structural-Institutional Consensus	48
--	----

Umirova A.R.	
Sociopolitical Bases of Relations between Modern State and Civil Society in the Context of Investment Policy	53
Gasilin V.N.	
Political Paradox: Philosophic-Political Aspects	59
Goponenko A.E.	
Sociological Criteria of Political Space Identification	66
Shugayev A.A.	
Quantitative Analysis of the Party Systems: Russian Experience	70
Anoshina S.V.	
Political Behavior of Women in Russia: Features of Electoral Preferences Formation	75

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

81

Chapanov T.I.	
On the Role of Justice in the Russian Law Science	81
Egorov V.S.	
The Basic Theories of State Compulsion in Criminal Law	86
Gagiev A.K.	
To the Question of the Concept of Civil and Arbitrary Procedural Law Efficiency	92
Kulakova O.V.	
Legal Conditions and Problems of Municipal Autonomous Institutions Formation	97
Mosolkov K.S.	
Participation of Law-Enforcement Bodies in the Implementation of Citizens' Suffrage: Normative Maintenance and Practice of Implementation	102
Alikhadzhieva I.S.	
Implication in Prostitution and Organization of Prostitution: Drawbacks of the Constitution and the Contents of the Articles 240 and 241 of the Criminal Code of the Russian Federation	107

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

116

Yuldasheva F.Kh.	
Cultural Globalization and its Influence on Human Consciousness	116
Nechaevskaya E.E.	
Socio-Communicative Parameters of Public Administration Efficiency in the Sphere of Culture	120
Gracheva E.S.	
Museum Activity in the Context of PR-Technologies: Socio-Cultural Tendencies	125

Zinovieva E.A.	
Socio-Cultural Status of Education as a Space of Equality	130
Zhelezinsky A.A.	
Environment Conservation as a Constitutional-Legal Category: Concept and Content	135
Bondarenko E.N.	
Development of a Closed Administrative-Territorial Body's Youth Life Strategies: Specific Character of Conditions and Process in the State of Crisis at the Beginning of the 21st Century.....	140

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA 146

Chekmarev E.V.	
Contemporary Russian Modernization: Stages, Subjects, Resources	146
Gilfanova M.G.	
The Modern Model of Personnel Labor Stimulation	154
Palady A.A.	
Socially Responsible Labor Leadership of Workers of Modern Enterprises	159
Bukin V.P.	
Professional Orientation, Working Conditions and Labor Contents of Young People in the Russian Province	164
Shakhov D.A.	
Internet Advertising and the State: Directions of Institutionalization Cooperation.....	170

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS 177

Rudkevich E.Yu., Glukhovtsev V.O.	
Ontological and Axiological Bases of the New Epoch Weltanschauung	177
Zaraev A.S.	
The Problem of Civilization Identity of a Subject of Social Development	184
Tolok E.S.	
The Man in the Socio-Cultural Space of Modern Russia	189
Kanafieva V.V.	
Number and Name as Mediators of Intellectual Systems	194
Frolova S.M.	
Ontological Analysis of Virtual Reality through the Idea of "Concrete Metaphysics" by P.A. Florensky	199
Ivanova Z.V.	
Virtualization of Communication Processes in the Context of the Initiation and Mass Consumption of the Mobile Communication	207

Strigankova E.Yu.

Regional Contexts of Communication Philosophic
and Sociological Research.212

Balykina G.A.

Rational Bases of Social Communication Research219

REVIEWS.

SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

225

Sergun P.P.

Monograph Review:

Presnyakov M.V., Channov S.E. Administrative-Legal Regulation
of Official Relations: Theory and Practice. Saratov: Nauchnaya Kniga, 2009225

Litsenberger O.A.

The Experience of Partnership of the Volga Region Academy
for Civil Service named after P.A. Stolypin
with Foreign Higher Education Institutions229

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

239

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 3 (20)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова*
Компьютерная верстка *Л.А. Михайловой*

Тем. план 2009 г., п. № 695

Подписано к печати 14.09.2009 г. Формат 70х100 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 20,32. Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 500. Заказ 170.

ФГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина».

410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

- а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;
- б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);
- в) пристатейный библиографический список;
- г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала

«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Сергеев Сергей Геннадьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>